

НА БОЕВОМ ПОСТУ

3·1989

**СОВЕТЫ—
ПУТЬ
ОБНОВЛЕНИЯ**

**КАК ТАМ,
В ДИСБАТЕ?**

**ЗАКАВКАЗЬЕ:
ВРЕМЯ ТРЕВОГ**

■ 8 МАРТА — МЕЖДУ-
НАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ
ДЕНЬ.

Женщина-солдат... Многие девушки связывают свою судьбу с нелегкой судьбой защитника Родины. Не ошиблись, выбрав военную профессию, и Галина Карлухина (на снимке слева) с Надеждой Капустиной. Служебные заботы стали частью хлопот семейных. Добро-совестно выполняют подруги свои обязанности. Успехи радуют, воодушев-ляют...

С ПРАЗДНИКОМ, БОЕВЫЕ ПОДРУГИ!

Женщина-мать, женщи-на-труженица... Сегодня она наравне с мужчинами участвует в решении не-простых вопросов перест-ройки нашего общества. Одна из многих — Галина Михайловна Щербань. Не один десяток лет работает она заведующей библиоте-кой части, сеет добрые се-мена нравственности в ду-ши военнослужащих. Они благодарны ей за это. И в светлый, радостный мар-товский день горячо поздравляют с праздником.

Материал
о Г. М. Щербань „Что
оставляешь людям“
читайте на с. 93.

НА Боевом Посту

Издается с 1958 г.

3-1989

В НОМЕРЕ:

■ 26 МАРТА — ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

ВОРОБЬЕВ К. Возрождая ленинские традиции . . . 3
МИНОСЯН А. В поисках нестандартных решений . . . 6

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: РАЗДУМЬЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СИГНАЛЫ 9

■ СЛУЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, ОБЕРЕГАТЬ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

Письмо Военного совета и Политуправления внутренних войск 12

■ КОММУНИСТ: ПОЗИЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

ЕРМОЛАЕВ В. Видя корни недостатков 14

■ АРМЕНИЯ: ДНИ СКОРБИ И МУЖЕСТВА

НЕЧАЕВ Е. По законам долга и братства 18
РАЖЕВ Ю. Боль и отвага 22
УШАР А. Кто сеет ветер 28

■ НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

ПОТЕКАЕВ И. Все мои земляки 32

■ НАЧАЛЬНИК И ПОДЧИНЕННЫЕ

КУЗЬМЕНКО В. Анатомия конфликта 34

■ БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

МАРЧЕНКО Н. Перед дальней дорогой 37
ЛАРИН А. Эффект отсутствия 39

■ БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ

Ориентир — кропотливая работа с подчиненными 41

■ ТРАВМАТИЗМУ — ЗАСЛОН

ЛОСЕВ В. Несчастный случай 44

■ УСТАВ И МЫ

ГОНДУСОВ В. У семи нянек 47
УСКОВ В. Дисциплинарный батальон 50

■ ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

КИБАКИН М. Метод «погружения» 55

На помощь пострадавшим от землетрясения людям одними из первых пришли солдаты внутренних войск.
с. 16

Как могло случиться, что замполита роты исключили из партии?
с. 39

Статистика несчастных случаев удручает. Но «небоевых потерь» можно избежать...
с. 44

Полное горечи и боли письмо о бездушии офицеров подписали почти все военнослужащие заставы.
с. 47

Учеба комсомольского актива по старинке неэффективна. Но выход есть. Его и предлагает помощник начальника политотдела по комсомольской работе...
с. 55

Все ли «белые пятна» истории внутренних войск нужно закрашивать черным цветом? с. 63

На нашей обложке: с. 1 — караул возглавляет старший сержант Дмитрий Кондратенко, награжденный знаком «За отличие в службе» II степени;

с. 4 — на репетиции самодеятельного театрального коллектива, которым руководит Алла Наумовна Мурзина, жена офицера-политработника.

Фото старшего прапорщика А. Александрава.

■ РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНЯТИЯ

ГЕРУСОВ М. Человеческий фактор в условиях перестройки 57

■ К 60-ЛЕТИЮ БЕССМЕРТНОГО ПОДВИГА

КРИВЕЦ В. В строю навечно 61

■ «БЕЛЫЕ ПЯТНА» ВОЙСКОВОЙ ИСТОРИИ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

ЛОГУНОВ М. Без вины виноватые 63
ПОЗДНЯКОВ А. Не впасть бы в крайность 66
БРЮХОВЕЦКИЙ В. «...Вы подрываете устои армии» . 68
БЕЛИКОВ И. Ступень возвышения на пути падения 69

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

ВАЙНЕР Г., СЛОВИН Л. На темной стороне Луны (повесть, окончание) 72
ЗУБАНЮК В. Анонимка (рассказ) 87
БУТОРИНА Е. Стихи 92

■ ПОРТРЕТ НА ОБЛОЖКЕ

ЖОЛНИНСКАЯ Н. Что оставляешь людям 93

■ РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ 94

■ В ЧАС ДОСУГА 96

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, В. Н. Лосев, Г. А. Малюшкин, Г. М. Масленников, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, А. В. Пономарев (ответственный секретарь), Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Сокк, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Журнал распространяется только по подписке через политорганы внутренних войск.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250. Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: боевой службы — 361-85-23, пропаганды — 361-82-87, обучения и воинского воспитания — 361-86-27, партийно-политической работы — 361-81-54, литературы, культуры и быта — 361-85-28, писем и информации — 361-89-39, издательства и подписки — 361-80-97.

Сдано в набор 5.01.89 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 11,5.
Заказ 65

Подписано к печати 20.02.89 г.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.

Г-25906.

Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

ВОЗРОЖДАЯ ЛЕНИНСКИЕ ТРАДИЦИИ

26 марта —
выборы народных
депутатов СССР

Наше время — это не только время перестройки, гласности и демократизации общественной жизни, но и время глубоких размышлений каждого из нас — размышлений о прошлом, настоящем и будущем страны. В фокусе социальной мысли сегодня находится прежде всего политическая биография Советского государства. Мы задумываемся над тем, как могло случиться, что ленинские гуманистические идеи, демократические завоевания Октябрьской революции впоследствии были преданы забвению, деформированы? Почему миллионы коммунистов, честных тружеников страны допустили узурпацию власти узким кругом лиц, почему стал возможен культ личности «верховного правителя»? Все это противно природе социализма, никак не согласуется с его демократической сущностью.

Ныне на наших глазах происходит глубочайший перелом в общественной структуре страны, осуществляется революционная перестройка жизни. Локомотивом, двигающим перестроечные процессы, выступает демократия, подлинное народовластие, активное участие каждого гражданина в управлении делами общества и государства.

На внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР после всенародного обсуждения был принят Закон об изменениях и дополнениях Конституции СССР, в котором в законодательном порядке зафиксировано, что высшим органом государственной власти СССР является Съезд народных депутатов СССР.

Как мы уже говорили, идея Съезда народных депутатов возникла не на пустом месте. Система съездов действовала в

стране с 1917 по 1936 год. Всего состоялось десять Всероссийских съездов и восемь съездов Советов Союза ССР. В плане нашего разговора нелишним будет совершить краткий экскурс в их историю, чтобы увидеть, какие вопросы они решали, какую роль играли в жизни государства. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов состоялся 3—24 июня 1917 года.

Всемирно-историческое значение имел II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, собравшийся в Смольном вечером 25 октября 1917 года. Опираясь на победоносное восстание, съезд от имени трудового народа возвестил о победе социалистической революции, о переходе власти к Советам по всей стране, создал первое Советское правительство (Совет Народных Комиссаров) во главе с В. И. Лениным, принял ленинские декреты о мире и земле.

Четыре Всероссийских съезда Советов (III, IV, V, VI) состоялись в 1918 г. IV и VI были чрезвычайными — на них решались неотложные вопросы жизни республики — о ратификации Брестского мира, о военном положении и другие. В последующем съезды Советов проходили ежегодно: VII — в 1919 г., VIII — в 1920 г., IX — в 1921 г. и X — в 1922 г. Причем все съезды собирались в декабре. Какие вопросы решались на съездах? Самые разнообразные. По каждому вопросу принимались постановления и резолюции. Первым вопросом на всех очередных съездах Советов неизменно стоял Отчет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о их деятельности в области внутренней и внешней политики Советского государства. Делегаты съезда давали оценку деятельности высших исполнительных и распорядительных органов власти, определяли стратегическую линию развития страны, избирали новый состав ВЦИК.

С образованием СССР (30 декабря 1922 г.) верховным органом государственной власти стал Всесоюзный съезд Советов. За период 1922—1936 гг. (до принятия новой Конституции) прошло восемь съездов Советов СССР. Собирались они нерегулярно. Между съездами проходило время от одного года до четырех лет. На

II—VII съездах принимались постановления по докладу (отчету) правительства Союза ССР. Как видим, эта демократическая мера — отчет правительства перед делегатами съезда — осуществлялась на протяжении всей истории системы съездов Советов. Верховный орган государственной власти решал наиболее важные вопросы советской внутренней и внешней политики, обсуждал и принимал планы развития страны, выносил постановления об обороне и состоянии Вооруженных Сил, о внесении изменений в Конституцию СССР.

25 ноября — 5 декабря 1936 года состоялся последний, Чрезвычайный VIII съезд Советов Союза ССР. Он был создан для принятия новой Конституции страны. В качестве высшего представительного органа государственной власти вместо съезда Советов Конституция провозгласила Верховный Совет СССР, ставший единственным законодательным органом государства.

Созданная в результате победы Октябрьской революции и реорганизованная с принятием Конституции 1936 года политическая система СССР в целом отвечала сути социализма и интересам трудящихся масс. Формы и методы советского народовластия способствовали строительству нового общества, оказали огромное влияние на социальный прогресс человечества. Однако со временем наша политическая система стала отставать от потребностей жизни, в период культа личности подвергалась серьезным деформациям. В результате стали возможны беззаконие, массовые репрессии, командно-административные методы управления. В последние десятилетия существовавшая политическая система оказалась неспособной предохранить страну от застойных явлений в экономике, извращений в деятельности правоохранительных органов, крупных изъятий в духовно-нравственной жизни общества. Крупным недостатком сложившейся политической системы было чрезмерное огосударствление общественной жизни.

Таким образом, качественное преобразование политической системы страны стало объективно необходимой мерой, без которой невозможна перестройка всех сфер нашего общественного организма, обеспечение прав и свобод человека, повышение уровня его материальной и духовной жизни. Аккумулируя предложения рабочих, крестьян, интеллигенции, военнослужащих, Центральный Комитет партии, XIX конференция КПСС вышли с предложением провести реформу политической системы СССР, приблизить структуру и организацию государственной власти к общественным потребностям сегодняшнего дня. С принятием законов на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР началась практическая реализация этой реформы. Она пройдет в несколько этапов. Основное содержание первого этапа реформы — обновление структуры Советов, порядка формирования и деятельности высших органов власти, избирательной системы. Следующий этап будет связан с гармонизацией отно-

шений между центральной властью и союзными республиками. И затем — реорганизация власти на местах.

Съезд народных депутатов СССР как высший орган государственной власти правомочен решать наиболее важные конституционные вопросы, за ним закрепляется право принять к своему рассмотрению любой вопрос жизни страны, отнесенный к ведению Союза ССР. Но съезд, который будет состоять из более чем двух тысяч депутатов и собираться, как правило, один раз в год, не сможет, конечно, заниматься повседневной законодательной, распорядительной и контролирующей работой. Для выполнения этой функции съездом будет избираться из числа депутатов постоянно действующий Верховный Совет СССР, который на ежегодных Съездах народных депутатов СССР будет обновляться на одну пятую часть своего состава. Сессии Верховного Совета будут теперь не кратковременными, как раньше (2—3 дня), а продолжительностью, как правило, три-четыре месяца каждая. Это даст возможность депутатам не просто голосовать за подготовленные аппаратом постановления, а самим вырабатывать эти постановления, глубоко вникать в суть обсуждаемых законов. Для того, чтобы гарантировать от навязывания Верховному Совету решений, подготовленных управленческим аппаратом или руководителями высокого ранга, Съезд народных депутатов СССР наделен по Конституции правом отмены актов, принятых Верховным Советом СССР. Устанавливается обязательная отчетность правительства перед Верховным Советом — не реже одного раза в год.

Новой демократической мерой является создание Комитета конституционного надзора СССР. Он будет избираться Съездом народных депутатов СССР сроком на десять лет из числа специалистов в области политики и права. Комитет будет следить за тем, чтобы проекты законов, представляемые на рассмотрение Съезда, соответствовали Конституции СССР. В компетенцию Комитета входит также наблюдение за соответствием нашим законам постановлений и распоряжений правительства СССР и его органов. При выявлении несоответствия Комитет может приостановить исполнение этих постановлений.

Демократизация советского общества пронизывает сегодня все сферы нашей жизни. Закономерно распространение этого процесса и на Вооруженные Силы, внутренние войска. Но прежде надо сказать, что демократизм вовсе не был чужд нашей армии и раньше. Само образование Советских Вооруженных Сил происходило после Октябрьской революции, как известно, подлинно демократическим путем (добровольческий принцип комплектования, выборность командиров и т. д.). В этом отражалась суть, специфика того исторического периода в жизни страны, переходящей от одной общественно-экономической формации к другой. В последующем наша армия стала кадровой, регулярной, с единой системой командования и подготовки личного состава. В Вооруженных Силах всегда действовали практически все институты социалистической де-

мократии. Участвуя в их работе, военнослужащие реализуют свои права, предоставленные им Конституцией СССР, наряду со всеми гражданами.

В Вооруженных Силах, внутренних войсках деятельность тысяч людей должна быть подчинена воле одного человека, командира, приказ которого должен выполняться беспрекословно. Обсуждение, критика приказа не допускаются. Возникает вопрос: как демократия сочетается с единоначалием, не противоречат ли эти понятия друг другу? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, надо прежде всего иметь в виду, что, во-первых, демократия — это не своеволие людей, а разумный порядок, при котором существует высшая ответственность каждого за свои дела, и, во-вторых, командир-единоначальник действует в пределах предоставленных ему прав, в рамках законности. Умный командир перед принятием ответственного решения всегда посоветуется с подчиненными, учтет их мнения, а честный, совестливый подчиненный никогда не использует разговор командира с ним «на равных», доброе отношение командира в каких-либо корыстных целях. В своей деятельности командир-единоначальник опирается на партийную организацию, на сознательность, общественно-политическую и служебную активность воинов. Руководство войсками командиры осуществляют в тесном содружестве с политическими органами. Так демократия соединяется, сливается с единоначалием в интересах успешного решения задач, стоящих перед воинскими коллективами.

Углубление демократизма в Вооруженных Силах и внутренних войсках связано также с активизацией работы таких общественных институтов, как собрания личного состава, товарищеские суды, группы народного контроля, советы клубов и ленинских комнат, редколлегии стенгазет, спортивные и художественные коллективы и т. д. Эта непосредственная демократия особенно ценна. Первейшая роль в развитии этой формы демократии принадлежит партийным и комсомольским организациям.

Альтернативы демократизму нет. Его благотворное влияние на все стороны жизни советского общества должно быть в полной мере использовано военными кадрами внутренних войск в интересах дальнейшего повышения их готовности к выполнению своих задач.

Полковник К. ВОРОБЬЕВ,
доктор философских наук, профессор.

ВОИНЫ — ДЕПУТАТЫ ЦИК

Советский воин — полноправный гражданин Страны Советов. Еще в первые годы Советской власти военнослужащие выдвигали для работы в руководящих органах Совета своих депутатов. Так, В. Кориев, начальник войск ВЧК-ВОХР-ВНУС, Я. Ольский (Куликовский), начальник погранохраны и войск ОГПУ, избирались членами ЦИК СССР; Н. Быстрых, начальник погранохраны и войск ОГПУ УССР, избирался кандидатом в члены ВУЦИК, а С. Вележев, начальник погранохраны и войск ОГПУ СССР, был членом ЦИК Сибири.

VI съезд Советов в марте 1931 года избирал командира отделения Михаила Николаевича Павлова членом ЦИК СССР. Он в ноябре 1929 года был призван в Красную Армию. Успешно окончив полковую школу, назначается командиром отделения. В полку отделение заняло первое место и было поощрено командованием. За образцовое несение службы М. Павлов также неоднократно поощрялся.

ВОИНЫ — ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Депутатами Верховного Совета СССР второго созыва были избраны воспитанники внутренних войск дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. Родимцев и Герой Советского Союза генерал-майор А. Сабуров.

Арчил Семенович Майсурадзе был одним из самых молодых депутатов Верховного Совета СССР, делегатом XVII съезда Коммунистической партии. Пятнадцатилетним юношей Майсурадзе поступил в пехотное училище, с девятнадцати лет — на границу. Член КПСС с 1929 года. В 1941 году военком Отдельной мотострелковой бригады особого назначения — ОМСВОН. С ноября 1942 года начальник политотдела Сибирской стрелковой дивизии. Ее боевой путь пролегал через Курскую дугу, форсирование Днепра, Сожа, освобождение сел и городов Украины и Белоруссии. После войны А. Майсурадзе — начальник политотдела 6-й гвардейской стрелковой дивизии. Его служба отмечена четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Отечественной войны.

В ПОИСКАХ НЕСТАНДАРТНЫХ РЕШЕНИЙ

Недавно довелось побывать на политических занятиях у одного из наших молодых нештатных пропагандистов. Интересно, увлеченно излагал он материал, умело увязывая конкретные примеры из жизни подразделения, части с атмосферой высокой политической и трудовой активности в стране, вызванной подготовкой к выборам народных депутатов СССР. И невольно вспомнилась растерянность офицера, когда несколько месяцев назад на семинаре руководителей групп ему было предоставлено слово...

Речь тогда шла о проведении занятия по изучению материалов ноябрьского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС и внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.

С материалами и документами пленума и сессии, как показало состоявшееся накануне того семинара собеседование, все офицеры были хорошо знакомы. А вот когда встал вопрос, как же лучше, доходчивее разъяснить слушателям не только необходимость обновления политической системы Советского государства, но и суть Законов об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР, многие испытали затруднения.

Причин тому было несколько, и одна из них в том, что перестройка советской государственности на основе демократизации и самоуправления народа заставила отказаться от привычных догм, предложила немало нестандартных решений, которые были не сразу поняты, а значит, осознаны. К тому же многие, не кривя душой, признавались, что к тексту Конституции СССР обращаются довольно редко, да и то в основном к статьям, где речь идет о защите социалистического Отечества.

Еще хуже дело обстояло со знанием истории развития политической системы страны. О том, что съезды Советов проходили и раньше, в курсе были все, а вот когда состоялся первый из них, когда практика проведения подобных съездов была прекращена, в чем отличие первых съездов Советов от тех, которые предусмотрены последними изменениями и дополнениями Основного Закона СССР, предствление имели лишь единицы.

Политическая подготовка, как известно, наиболее действенная форма идейно-теоретического образования солдат и сержантов. И не добившись должной степени подготовленности нештатных пропагандистов, нечего было и думать о том, что слушатели хорошо разберутся в принятых партийных и государственных документах. Вот почему мы приняли решение вторую часть семинара провести не как обычно. Вместо практических занятий рекомендовали в батальонах организовать подготов-

ку, заслушивание и обсуждение рефератов и сообщений.

В пределах 10—15 минут нештатные пропагандисты поочередно освещали тот или иной вопрос, делали обзор необходимой литературы, давали исторические, хронологические, статистические справки. Так, в краткой, информационно насыщенной форме удалось рассмотреть проблемы развития советской государственности, освежить в памяти, как, когда и на основе чего создавались и изменялись Советская Конституция, законодательство о выборах народных депутатов.

Однако помощь нештатным пропагандистам в подготовке к занятиям по изучению материалов ноябрьского (1988 г.) Пленума ЦК партии и внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР на этом не закончилась. В часы политических информационных с участием представителей местного отделения Всесоюзного общества «Знание» организовали цикл лекций об изменениях и дополнениях Конституции СССР и об особенностях предстоящих выборов. В библиотеке части оформили тематические стенды рекомендованной литературы. В необходимом количестве закупили брошюры, альбомы, справочники, плакаты.

Теперь можно было считать, что офицеры части готовы идти к личному составу, вести углубленную разъяснительную работу. Не хочу неправильно быть понятым, поэтому подчеркну еще раз, что речь идет именно об углубленном изучении. Разъяснять предполагаемые изменения и дополнения в важнейших государственных законах в части начали с первых же дней после опубликования в печати их проектов. Солдаты, сержанты, прапорщички и офицеры не только регулярно получали информацию о ходе всенародного обсуждения первоочередных мер на пути реформы политической системы, но и сами внесли несколько десятков конструктивных замечаний и предложений в законопроекты. Теперь же наступило время серьезно осмыслить и всесторонне проанализировать полученную информацию. По общему убеждению, слушателям с помощью руководителей групп это удалось.

Казалось, стоило ли из-за трех политзанятий, которые отводились для изучения материалов пленума и сессии, устраивать себе лишние хлопоты? Ответ здесь может быть только один: безусловно. Солдаты и сержанты получили не только возможность основательно разобраться в сути первых шагов на пути формирования социалистического правового государства, но и приобрели соответствующие теоретические знания. А это, в свою очередь, сыграло значительную роль в ходе подготовки к выборам народных депутатов СССР.

Не первый год работаю пропагандистом части. Накопленный за это время личный опыт подсказывает, что неоценимую помощь в усвоении того или иного материала могут оказать солдатам и сержантам встречи с непосредственными участниками событий, о которых они слышали. Учитывая это, часто приглашаем в гости к личному составу ветеранов войны и внутренних войск, передовых рабочих, писателей, ученых. Ну а кто лучше депутата Верховного Совета СССР сможет рассказать о своей деятельности, о существующих еще сегодня трудностях и проблемах в ней, о том, какие перспективы открываются для народных избранников в свете обновления структуры Советов, порядка формирования и деятельности высших органов власти, избирательной системы, реорганизации власти на местах.

И такая встреча состоялась. Причем хоть и организована она была для военнослужащих срочной службы, участие в ней приняли многие офицеры и прапорщички. О том, что такое мероприятие готовится, в части знали заранее. Участникам встречи было предложено также продумать и подготовить вопросы к гостю. И кто был в тот вечер в клубе, наверное, согласится со мной, что давно не видел такой активности и заинтересованности присутствующих. Военнослужащие, задавая вопросы, пытались вместе разобраться, как будет осуществляться возрождение полновластия Советов, как создаются необходимые гарантии, исключающие воз-

можность выхода из-под контроля народа и его представителей какого-либо звена государственного механизма. Много внимания было уделено и таким нововведениям в нашей политической жизни, как выборы народных депутатов СССР по одномандатным избирательным округам с выдвижением нескольких кандидатов, а также выборам одной трети депутатов СССР от общественных организаций.

Значительная часть наших солдат и сержантов 26 марта впервые придет на избирательный участок. С этой категорией военнослужащих помимо разъяснения новых Законов об изменениях и дополнениях Конституции СССР и выборах народных депутатов СССР подробно были рассмотрены вопросы об избирательных правах военнослужащих, порядке их участия в избирательных кампаниях. Большую роль в этом сыграли наши агитаторы, комсомольские активисты, партийные организации. Причем теперь старались не увлекаться количеством мероприятий. Не раз ведь раньше убеждались, что пробиться к умам и сердцам военнослужащих проще не числом, а умением.

Нынешние выборы — совершенно новое явление в нашей жизни. И не только потому, что проводятся на новых принципах. Меняется положение дел во всем обществе, в том числе и в войсках, и в нашей части. А обновление мы воспринимаем прежде всего как преодоление существующих недостатков. Поэтому все агитационно-пропагандистские мероприятия старались теснее увязывать с конкретными проблемами, решением злободневных вопросов улучшения социально-бытовых условий личного состава. Учтены и частично реализованы многие пожелания и критические замечания военнослужащих. Подготовка к выборам в части в целом стала серьезным этапом в перестройке жизни и службы в духе требований времени.

Майор А. МИНОСЯН,
пропагандист части.

Оршанско-Хинганское Краснознаменное Центральное УВВ.

Указ Президиума Верховного Совета СССР Об утверждении статута ордена «За личное мужество» и его описания

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Утвердить статут ордена «За личное мужество».
2. Утвердить описание ордена «За личное мужество».

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГОРБАЧЕВ.**

**Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.**

Москва, Кремль.
28 декабря 1988 г.

Статут ордена «За личное мужество»

1. Орден «За личное мужество» учрежден для награждения граждан СССР за мужество и отвагу, проявленные при спасении людей, охране общественного порядка и социалистической собственности, в борьбе с преступностью, стихийными бедствиями и при других чрезвычайных обстоятельствах.

2. Награждение орденом «За личное мужество» производится:

за отвагу, проявленную при спасении людей, пресечении преступных посягательств на их жизнь;

за храбрость, проявленную в условиях повышенной опасности при охране общественного порядка, защите социалистической собственности, при задержании преступников и раскрытии преступных групп;

за мужество и стойкость, прояв-

ленные во время стихийных бедствий, пожаров, аварий, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств или ликвидации их последствий, в результате чего устранена угроза для жизни и здоровья людей либо спасены материальные и духовные ценности;

за другие самоотверженные действия, совершенные при исполнении гражданского или служебного долга в условиях, сопряженных с риском для жизни.

3. Орден «За личное мужество» носится на левой стороне груди и при наличии других орденов СССР располагается после ордена Почета.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Описание ордена «За личное мужество»

Орден «За личное мужество» представляет собой слегка выпуклую пятиконечную звезду, поверхность которой выполнена в виде расходящихся лучей. В промежутках между тупыми углами звезды расположены с левой стороны дубовая, а с правой — лавровая ветви, соединенные внизу.

В центре звезды изображен щит, середина которого имеет слегка выпуклую овальную форму, обрамленную ободком. В верхней части щита расположена пятиконечная звездочка с серпом и молотом. Под ней находится рельефная надпись «За личное мужество». В нижней части щита рельефная лента с надписью «СССР».

Лучистая пятиконечная звезда, серп и молот и надписи позолочены. Звездочка и лента покрыты рубиново-красной эмалью и окаймлены позолоченными ободками. Края щита покрыты белой эма-

лью, внутренней и внешней ободки позолочены. Дубовая, лавровая ветви и середина щита оксидированы.

Орден «За личное мужество» изготовляется из серебра. Размер ордена между противоположными концами лучистой звезды 45 мм.

Орден при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, обтянутой шелковой муаровой лентой красного цвета с тремя продольными белыми полосками по краям. Ширина ленты — 24 мм, ширина полосок — по 1 мм.

Секретарь
Президиума
Верховного
Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

- ВЫШЛА НОВАЯ ГАЗЕТА
- НАДО РАЗОБРАТЬСЯ
- РАЗНЫЕ МНЕНИЯ
- НАМ ОТВЕЧАЮТ

— ОТ ВСЕЙ ДУШИ

СФК БЛАГОДАРИТ

В Политическое управление внутренних войск пришло письмо за подписью первого заместителя правления Советского фонда культуры Г. Мясникова. В нем — слова благодарности за оказанное содействие в выпуске первого номера газеты «Вестник СФК» на базе типографии внутренних войск МВД СССР.

Искренняя признательность выражена подполковнику Г. Фицурину, старшему прапорщику Б. Юферову, прапорщикам В. Голованову, Н. Акимовой, В. Владимирову, В. Осиповой, принявшим непосредственное участие в подготовке «Вестника» к печати.

Полковник В. МОСИН.

— ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС

КТО ВИНОВАТ?

Прапорщик В. Лепихина попросила разъяснить, правильно ли ей отказали в выплате единовременного денежного вознаграждения за непрерывную службу, если она в период наступления права на льготу находилась в декретном отпуске!

Рассмотреть сигнал редакция попросила генерал-майора Л. МИКИТЕНКО. Как нам сообщили, в ходе проверки установлено, что с В. Лепихиной поступили неверно. Причитающееся единовременное денежное вознаграждение и пособие по уходу за ребенком высланы по месту ее жительства.

Начальнику финансовой службы части капитану В. Тиковцеву указано на недостатки в работе.

Таким образом, конфликтная ситуация как будто разрешена. Жаль вот только, что в ответе, подписанном генерал-майором Л. Микитенко, нет информации о том, как эта ситуация возникла, по чьей вине. Ведь со своими претензиями Лепихина обращалась ко многим. Но от нее стмахивались. Хотя проявлять заботу о подчиненных, вникать в их нужды — не благое пожелание начальников, а их уставная обязанность. Неужели для решения подобного рода элементарных вопросов надо обращаться в высокие инстанции?

Редакция надеется получить из соединения более обстоятельный и принципиальный ответ.

СЛОЖИЛАСЬ ЗА СЫНА

Несколько месяцев назад моего сына призвали во внутренние войска. Начитавшись в газетах, наслушавшись по радио о «дедовщине» и о других ужасах службы, не выдержала, решила навестить Андрея.

С грустными мыслями и даже страхом собиралась в неблизкий путь. И потом, в поезде, все переживала, как встретят, захотят ли со мной разговаривать начальники сына, что увижу в его глазах?..

Теперь я корю себя за мрачные мысли. И совершенно спокойна за сына: все у него хорошо.

До сих пор нахожусь под впечатлением от увиденного и услышанного в части. Прежде всего, порадовал порядок во всем. В помещении, где живут солдаты, чисто и тепло. Отвели мы вместе с бабушкой, приехавшей навестить внука с Украины, солдатской пищи. Порции большие, все очень вкусно. Сын и его товарищи в один голос заявили, что никаких «дедовщины», «неуставщины» у них и близко нет. Отношения между военнослужащими хорошие. Да и сама я успела почувствовать: в подразделении здоровая, дружная обстановка.

Самое благоприятное впечатление произвели на меня и офицеры. От всей души хочется поблагодарить их за отцовскую заботу о наших детях. Особое удовлетво-

ние испытала от общения с командиром батальона. Симпатичный майор. И фамилия его — Майор. Он от подъема и до отбоя с личным составом. Сын сообщил, что его уважают все. И не удивительно, думается. Этот человек, несмотря на занятость, уделил нам с бабушкой время, выслушал наши пожелания, побеспокоился об устройстве, ответил на вопросы.

У меня сложилось прекрасное мнение и о замполите роты, и о замполите батальона старшем лейтенанте Бугрякове, о сержантах и прапорщиках, с которыми встретилась. Жаль, не запомнила фамилии многих. Очень хотелось поименно сказать им большое материнское спасибо.

Довелось мне познакомиться с начальником медсанчасти товарищем Черпаковым Юрием Николаевичем. Дело в том, что у сына как раз болела нога — что-то с суставом. Врач успокоил меня, объяснил, как лечат Андрея.

Очень прошу вас через журнал мои слова благодарности выразить и названным, и неназванным офицерам, прапорщикам, в чьих руках здоровье и судьбы наших сыновей.

С искренним уважением
мама рядового солдата Андрея Дудина —
С. А. ДУДИНА.

...А ОТ НАС ОТМАХНУЛИСЬ

Уважаемая редакция!

Возможно, я зря вас беспокою. Но наболело на душе, хочется хоть кому-то высказаться. Впрочем, о сути моей обиды.

В мае 1987 года мой сын, Геннадий, был призван в армию. 10 августа у него родился ребенок. Для получения положенного на него пособия потребовалась справка. Мы с женой Гены обратились к замполиту подразделения. И вскоре получили документ. Однако оказалось, что справка не той формы. Вновь написали в подразделение. Никто не ответил. Тогда обратилась я к командиру роты — молчок.

А ведь я просила его не только помочь со справкой, но и сообщить, как сын выполняет свой воинский долг. Поймите, мой интерес к делам Геннадия не только материнский, но, если хотите, и профессиональный. Я сама 11 лет служу во внутренних войсках.

Горько сознавать, что сын попал в подразделение, где не считают нужным отвечать на письма матерей. У нас, например, командиры сами посылают письма родителям солдат, сержантов, чтобы получить информацию о подчиненных, так нужную для воспитательной работы.

И другое меня тревожит:

почему сыну не дали возможность побыть рядом со своим первенцем? Я не сомневаюсь, что Геннадий служит честно, добросовестно. Неужели нельзя было по-человечески понять его стремление увидеть малыша!

Не подумайте, что я отпуск для сына выпрашиваю. Геннадий теперь уже совсем скоро возвратится домой. Меня мучает другое: какие нравственные уроки вынесет он от службы, если руководители воинского коллектива так безразлично отнеслись к его судьбе, к нуждам его близких!

НЕСТЕРОВА Л. П.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБНОВЛЕНИЯ»

Начальник политотдела внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью сообщил, что критика в адрес политработника т. А. Лапенкова, содержащаяся в статье члена Военного совета — начальника Политуправления войск генерал-майора А. Гриенко «Программа революционного обновления» (1988, № 9), признана правильной. Офицер Лапенков заслушан на политотделе войск, где от него потребовали искоренить проверочно-ревизорский стиль работы возглавляемого им политоргана. Руководитель политотдела сделал правильные выводы, что существенно сказались на результатах части в минувшем году: она завершила его с оценкой «хорошо». Политотдел продолжает осуществлять меры по устранению отмеченных в статье недостатков.

«ПРАВ ЛИ НАШ КОМАНДИР!»

Врио начальника политотдела соединения сообщил, что опубликованное в журнале коллективное письмо военнослужащих «Прав ли наш командир?» (1988, № 10), а также корреспонденция майора В. Калининцева «Стена непонимания» (1988, № 12) послужили поводом для обстоятельного анализа работы командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций по осуществлению перестройки в различных сферах армейской жизни, и прежде всего — по расширению и углублению демократизации и гласности, усилению заботы о людях.

Поведение капитана А. Романенко получило острую и принципиальную оценку воинского коллектива. Он осужден офицерским товарищеским судом чести, освобожден от занимаемой должности и назначен с понижением. Коммунисты объявили ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. А. Романенко принес публичное извинение бывшим подчиненным, возместил стоимость сломанных гитар.

За серьезные упущения в работе командир батальона майор В. Луцков и его заместитель по политчасти майор П. Терехов наказаны в дисциплинарном порядке и привлечены к партийной ответственности. Заместитель командира части по политчасти подполковник Б. Бикбаев заслушан на заседании политотдела соединения.

**ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО**

УСЛОВИЯ УЛУЧШИЛИСЬ

В журнал обратился младший сержант В. Вялов. Он жаловался на повышенную служебную нагрузку, на то, что контролеров, многие из которых живут далеко от ЛТП, где несут службу, не обеспечивают транспортом. Приходится им после смены добираться до города на попутках, а это совсем не просто. Кроме того, лицам войскового наряда негде во время несения 12-часового дежурства принять пищу.

В присланном на запрос редакции ответе начальник штаба Приволжского УВВ МВД СССР сообщил, что факты, изложенные в письме В. Вялова, проверены с выездом на место. Большая часть из них подтвердилась. Приняты меры по устранению названных недостатков. В частности, изменен порядок и время смены дежурной службы ЛТП, в том числе и войсковых нарядов контролеров. Решен вопрос с доставкой военнослужащих до городского автовокзала. Оборудована комната для приготовления и приема пищи находящимся в наряде.

ДЕНЬГИ ВОЗВРАЩЕНЫ

Бывший военнослужащий А. Шашкин спрашивал редакцию, правильно ли ему не оплатили стоимость проезда к месту проведения отпуска и обратно.

Как ответил по этому поводу полковник Л. Тихун, проверкой на месте установлено, что в нарушение существующего положения у тов. Шашкина незаконно из денежного содержания вычли 82 рубля 95 копеек. Указанная сумма возвращена заявителю. Вина виновным в ошибке строго указана.

ПРОВЕДЕНО РАССЛЕДОВАНИЕ

«Правильно ли со мной обошлись! — спрашивала в своем письме младший сержант М. Емец. — Меня без моего согласия перевели на нижеоплачиваемую должность, хотя в то время я находилась в декретном отпуске».

Врио командира соединения полковник В. Качанов проинформировал редакцию, что в ходе служебного расследования в действиях командира части были вскрыты нарушения существующего порядка перемещения военнослужащих-женщин. Должностные лица, допустившие это, строго предупреждены. Приказ в отношении перемещения младшего сержанта Емец отменен, и ей сделаны соответствующие перерасчеты по денежному содержанию.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

СЛУЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, ОБЕРЕГАТЬ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

ПИСЬМО ВОЕННОГО СОВЕТА И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Дорогие товарищи! Направляя вам это письмо, мы прежде всего хотим, чтобы вы не восприняли его как призыв к очередной кампании. Нет, вопрос, поднимаемый в нем, очень наболевший и острый, но требует участия в его разрешении каждого, кто служит во внутренних войсках, кто имеет к ним отношение. Вы помните, что на заседании Политбюро ЦК КПСС в октябре прошлого года была высказана серьезная озабоченность фактами неуставных взаимоотношений между военнослужащими. Не изжиты, к сожалению, эти позорные явления и в наших войсках. Они встречаются в вашей службе, о них пишут центральная и местная печать, войсковые и многотиражные газеты, журнал «На боевом посту», о них идет речь в письмах родителей воинов. Так что от подобных фактов не отмахнуться—они живучи в различных проявлениях.

Вот почему мы спрашиваем вас: неужели все мы вместе не можем вырвать с корнем эту заразу, вытравить из воинских коллективов беззастенчивую плесень! Глубоко убеждены: можем! Но только тогда, когда в борьбу с чуждым советскому образу жизни явлением включится каждый, кому дороги честь войск, достоинство и гордость человека.

МОЛОДОЙ ВОИН! Ты прибыл в войска выполнять почетную конституционную обязанность по защите Отчизны. До призыва ты был свидетелем, а возможно, и участником бурных демократических процессов, в которые вовлечена советская молодежь, говорил о человеческом достоинстве. Так почему же сейчас ты порой делаешь вид, что не замечаешь оскорбительных выходов некоторых «бывалых» военнослужащих по отношению к своим молодым товарищам, молча сносишь унижения, не ставя в известность об этом своих командиров, здоровую часть коллектива! Кому выгодно твое молчание! Прежде всего казарменным хулиганам. Ведь это они страшатся гласности, они выдумали и всячески поддерживают ложную традицию круговой поруки. Своим молчанием, равнодушием ты невольно потворствуешь хулигану, чья служба зачастую завершается человеческой трагедией—скамьей подсудимых. Не забывай, что тот, кто поступает своей честью, впоследствии может пойти на сделку с совестью и сам унижить человека. Трусость рождает бесчестье.

СОЛДАТ СТАРШЕГО ПРИЗЫВА! Подавляющее большинство твоих одногодков служит честно, как того требует присяга. Они стоят на постах, поддерживают общественный порядок, вышеляют людей из беды. Однако среди них встречаются люди, присвоившие себе право истязать других—молодых, чаще всего неокрепших солдат. Эти людишки по своей натуре трусливы и жалки, они не всякого выбирают в жертву, а тех, кто слаб, стеснителен, не может дать отпор или во всеуслышание заявить об издевательствах. Зато когда носители «дедовщины» оказываются в суде военного трибунала, они в одночасье прозревают—просят не ломать их судьбу, пожалеть родителей, упрекают коллектив за позицию стороннего наблюдателя.

Но закон суров и справедлив: никому не позволено безнаказанно истязать советского человека.

Солдат! За твоей спиной—опыт службы, умение жить в уставном ритме. Ты по себе знаешь, насколько трудны первые армейские шаги. Присмотрись повнимательней к новичкам и увидишь, как ждут они твоей помощи, твоего ободряющего слова. Неужели это не трогает твоих чувств и мыслей! Так почему же ты порой не откликаешься на немой призыв о помощи!

Тебе выпало служить во внутренних войсках. Ты знаешь, что здесь, как нигде, необходимы дружба и спаянность, уверенность в том, что в случае опасности [а она у нас, скажем прямо, нередко—и на патрульном маршруте, и в карауле, и в ходе выполнения задач, подобных тем, с которыми довелось нам встречаться в Закавказье] тебя надежно прикроет твой товарищ—молодой солдат. Тот, кто рядом с тобой. Подумай об этом. От тебя зависит, будет ли рядом, плечом к плечу, идти навстречу опасности надежный друг, готовый закрыть тебя грудью от пули и бандитского ножа, или униженный тобой, ненавидящий тебя человек.

И еще. Не проходи мимо, если над молодым сослуживцем занесена рука обидчика, перехвати ее—и тогда не прибавится еще двух искалеченных судеб, не прибавится материнских слез, восторжествует справедливость, высшая заповедь которой гласит: «Не обидь слабого».

Особые наши слова — К СЕРЖАНТУ. Из всех начальников ты ближе всех стоишь к солдату и должен первым видеть назревшую беду, стать на защиту подчиненного. Как ни огорчительно говорить, но пока среди младших командиров немало таких, кто отличается от солдат лишь нашивками на погонах. Пойми: долж-

ность дается не только, чтобы командовать солдатами, но прежде всего отвечать за них. Помни одно: сегодня ты прошел мимо нарушения, сделал поблажку зарвавшемуся солдату, в ущерб справедливости не защитил молодого воина от притязаний «дедов» — завтра неизбежно серьезное происшествие на почве неуставных взаимоотношений. И связанные с ним травмы, скамья подсудимых, искалеченные судьбы... Словом, если уж взялся за гуж, сделай все, чтобы среди твоих подчиненных не было пораженных бациллами «дедовщины».

ТОВАРИЩ ПРАПОРЩИК! Разбираясь по фактам неуставных взаимоотношений, нередко убеждаемся: в одном случае старшина роты «не заметил» подмены обмундирования, в другом — начальник столовой не проконтролировал работу кухонного наряда, в третьем... Впрочем, тебе, умудренному служебным и житейским опытом, не надо разжевывать мысль: твои промахи, недоделки, невысокая требовательность льют воду на мельницу «дедовщины». Встряхнись, останови эти жуткие жернова!

КОМАНДИР ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ! Твой взвод, рота или батальон — это сложный, разновозрастный и многонациональный коллектив. Каждодневно ли ты обеспечишь в нем строгий уставной порядок? Все ли делают для этого офицеры, прапорщички и сержанты? Одинакова ли служебная нагрузка на людей? Что пишут домашней новички!.. Вопросам нет конца, но на то ты и командир, чтобы вникать в главное. Поэтому мы обращаемся к тебе: дай сам себе ответ — все ли от тебя зависящее сделано, чтобы предотвратить неуставные взаимоотношения? И если совесть тебе подскажет не совсем утвердительный ответ, то прибавь энергии в борьбе с «дедовщиной». Это крайне необходимо.

ПОЛИТРАБОТНИК ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ! Ты призван глубже других вникать в отношения между подчиненными различных призывов, знать направленность земляческих или национальных группировок, уметь предотвращать конфликты среди солдат. По тебе воины судят о жизненности ленинского требования — быть ближе к людям. Нелегко овладеть профессией «инженера человеческих душ», но раз ты сам избрал свой путь, то следуй им до конца, и тогда солдаты будут делиться с тобой радостями, идти к тебе со своими обидами и бедами, а не вымещать их на сослуживцах.

КОМАНДИР ЧАСТИ! Тебе, единоначальнику, даны большие права, на тебя возложены многоплановые обязанности. Но как бы ты ни был компетентен и подоготовлен, успех дела достигается усилиями возглавляемого тобой коллектива, прежде всего его основной массы — солдат и сержантов. И если ты и твой ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ не сделаете незыблемым правилом каждодневно вникать в их взаимоотношения, всегда знать их интересы и запросы, значит, не сможете твердо взять бразды правления на себя, не сумеете управлять глубинными процессами в коллективе. Не стремитесь к завоеванию дешевого авторитета, не поддавайтесь соблазну улучшить дела за счет показухи и очковитательства. Настоятельно обоим вам рекомендуем: неустанно добивайтесь такого положения, чтобы каждый солдат и сержант, зная ваши адреса, без боязни каких-либо последствий мог написать вам письмо, чтобы ваши телефоны стали для них телефонами доверия.

КОММУНИСТ И КОМСОМОЛЕЦ! Вас не могут не волновать факты «дедовщины». Она сродни ложке дегтя в бочке меда: все мы гордимся нашими мужественными воинами, их недавним подвигом в руинах разрушенных стихией городов и сел Армении, но одновременно ощущаем укоризненные взгляды людей, читающих в прессе статьи о расстрелянных караулах, о покалеченных юношах. Но разве в этих негативных явлениях не усматривается ваша недостаточная борьба с ними! Усматривается. Поэтому надо многим из вас пересмотреть свое отношение к извращениям воинских уставов.

ТОВАРИЩИ ВЕТЕРАНЫ! Вы создавали и приумножали славные боевые традиции войск. Мы обращаемся к вам: своим активным участием в военно-патриотическом воспитании воинов и допризывной молодежи способствуйте изжитию позорной «дедовщины». Рассказывайте правду о своей службе, о взаимоотношениях в армейской среде, ведь вам есть о чем рассказать и чем гордиться. Учите ваших сыновей и внуков — сегодняшних воинов — уважать и строго выполнять требования воинских уставов, в соответствии с законом уметь защищать свою честь.

БОЕВАЯ ПОДРУГА, жена офицера, прапорщичка! К вам наше слово, члены женсоветов! Всегда ли вы близко принимаете к сердцу заботы воинов срочной службы, по возрасту годящихся вам в сыновья или младшие братья? А у них, особенно в начале службы, очень много трудностей и проблем. Постарайтесь найти для них время и примите живое участие в их становлении, не забывая об их матерях и невестах, ждущих их в далеком родном доме.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ! Время обновления и революционных перемен в советском обществе требует от всех нас самых решительных, конкретных действий. Нам не достичь успеха в выполнении стоящих перед войсками задач, если в армейской среде не утвердится подлинная, реальная демократия. Помните: она не может воплотиться в жизнь до тех пор, пока будут ущемляться человеческие права и достоинство главного труженика войск — СОЛДАТА, пока для воинов самых различных национальностей каждый воинский коллектив не станет РОДНЫМ ДОМОМ.

ВИДЯ КОРНИ НЕДОСТАТКОВ

Если спросить наших политотдельцев, какой видится им сегодня партийная работа, услышать можно примерно следующее: это постоянный творческий труд по воспитанию партийцев, и прежде всего коммунистов-руководителей, а через них усиление влияния на всех людей. И понятно, что воспитание не должно быть абстрактным, оторванным от решения практических задач. Если же всего этого нет, нужна перестройка. Необходимо работать так, чтобы каждый коммунист становился бойцом, не тлел, а горел в работе, не берег ни времени, ни здоровья для дела, был примером везде и во всем.

Словом, главная цель перестройки в партийной работе нам ясна. Достигнем намеченного — многие вопросы отпадут. Но вся беда в том, что цель эта кажется зачастую недостижимой.

Три года назад, проанализировав сложившуюся практику привлечения к партийной ответственности коммунистов в партийных организациях части, политотдел с горечью вынужден был констатировать, что чуть ли не пятая часть членов КПСС имеет партийные взыскания, у некоторых их по два. Был взят курс на серьезное улучшение воспитательной работы с коммунистами, на предупреждение проступков. Упор сделали на разъяснение партийных требований, убеждение, не снижая при этом спроса. Порекомендовали парторганизациям еще раз вернуться к каждому из наказанных.

Ведь нельзя было не видеть, например, что старший лейтенант С. Приймаков давно уже поправил положение на порученном участке, однако три года кряду товарищи словно бы и не замечали этого. Или, столь же оперативно отреагировав в свое время на просчеты в делах коммуниста И. Гранина, партийцы два с лишним года не меняли своего мнения без всяких на то причин.

Словом, кто заслуживал, с того сняли взыскание. С другими стали проводить углубленные собеседования, чтобы до конца выяснить причины их безответственности, апатии, недисциплинированности.

Ныне наказанных в партийном порядке чуть более восьми процентов. Конечно, нельзя не порадоваться тому, что здоровье партийного коллектива заметно пошло на поправку. Но ведь и за этими восьмью процентами стоят конкретные люди. И что ни говори, жизнь нет-нет да и подбросит очередной факт, где не на высоте оказался член партии. Как тут не

усомниться в реальности своей цели, если ни жесткий спрос, ни предупредительная воспитательная работа зачастую не дают нужного эффекта?

В части все знают, и в первую очередь это относится к коммунистам, что за пьянство не поздоровится никому. Однако, глядишь, вновь объявился любитель спиртного. Думаешь, что же еще надо: беседуем, предупреждаем, наказываем, увольняем из войск и исключаем из КПСС, тем не менее опять кого-то надо привлекать к партийной ответственности за недостойное поведение.

Может быть, человек устроен так, что, пока его самого жизнь крепко не ударит, толковых выводов он не делает? Может быть, на ошибках других мы учимся только на словах?

Взял офицера С. Максимова, прапорщика А. Дмитриева. Я уж не говорю о старшем прапорщике В. Краковском, утопившем в бутылке не только свою партийную совесть, но и всякую человеческую заботу о завтрашнем дне семьи — жены, двух ребятишек. Ему, допустившему две пьянки подряд, видно, наплевать и на четырнадцать лет армейского стажа.

Сейчас много говорится, что «все мы дети своего времени». Так, впрочем, оно и есть. Трудно, зачастую очень трудно избавиться от тех стереотипов, которые закладывались в наше сознание годами. Вспомним хотя бы, к чему еще не так давно, к сожалению, сводилась партийная работа. Провести собрание, вовремя оформить протокол, своевременно доложить по инстанциям, причем желательно не обременяя неблагоприятными показателями. И шли бодрые цифры о количестве выступавших, присутствовавших, числе внесенных предложений. А многие ли интересовались, как реализуются эти предложения, что стоит за постановлениями? Строго ли спрашивалось за то, как они выполняются?

Справедливости ради надо отметить, что и сегодня мы не сумели, а вернее, не успели вылечиться от старых болезней. И сейчас некоторые вопросы повисают в воздухе или решаются медленно, со скрипом. Причин здесь много, есть и объективные.

Например, существует серьезная проблема обустройства в лесных поселках наших военнослужащих, особенно офицеров, прапорщиков. Мы почему-то всегда оказываемся в положении пасынков у УЛИТУ, УИД, вечно просим то дров, то мест в яслях и детсадах детискама, то работы для жен. Всегда при равных условиях пред-

КОММУНИСТСКОЕ ПОЗИЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

почтение отдается сотрудникам ИТУ. И как тут не понять наших коммунистов. Ни один совместный план, ни одно совместное совещание не снимают остроту проблемы. Надежда всегда одна, что у руководства ИТУ стоит человек порядочный. И так будет до тех пор, пока, по сути, на одном стуле сидят два хозяина — начальник ИТУ и командир подразделения. Хозяин нужен все-таки один. Понимаю, что это отдельная тема, но не говорить не могу: такова объективная реальность.

И вот что отсюда получается. Если подполковник внутренней службы А. Цговен старается вникнуть в наши проблемы, идет навстречу командиру подразделения подполковнику А. Нижникову, то и взаимодействие партийных, комсомольских организаций здесь на высоте. И обратное видим у подчиненных подполковника внутренней службы Р. Козина и не находящего с ним общий язык капитана В. Потрохова. Не случайно, что и секретари партийных организаций не бывают друг у друга на собраниях.

Есть вопросы, и их значительно больше, решение которых зависит от нас самих, а мы их не решаем. Причем вопросы эти, как правило, несложные, требующие просто элементарного внимания к людям. Так, например, в подразделении, где трудятся коммунисты В. Анисимов и М. Смирнов, в течение нескольких дней происходило нечто из ряда вон выходящее. Двое солдат, несших службу в ЛЗУ с утра и до вечера, оставались без сухого пайка на обед. Не говорю уж о собаке (один из солдат был дрессировщиком СРС). Оба коммуниста-руководителя хоть и знали об этом, но палец о палец не ударили, не подняли тревогу, не дошли до «вышестоящих инстанций», хотя дорожку эту легко торили всякий раз, когда нужно было решить сугубо личные дела: первый — добываясь очередной ступеньки по службе, второй — разрешая семейные проблемы.

К сожалению, они не одни такие. Хотя абсолютное большинство коммунистов имеют на сегодняшний день прямую заинтересованность в продуктивной работе (одни не утратили перспективу по службе, другим надо «дотянуть» хотя бы до 30 процентов пенсии, третьи ждут перевода), наконец, никто из нас не заинтересован в критике в свой адрес, — тем не менее необходимой отдачи нет. А раз так, то и часть не показывает того, на что способна.

Самобичеванием заниматься не хочу. Да это будет и несправедливо по отношению ко многим коммунистам. В политотделе равнодушных, работающих спустя рукава, а тем более бездельников нет. Коллектив складывается неплохой. И все-таки есть у нас просчеты. И причин тут несколько. На первое место поставил бы слабину нашей индивидуальной работы с коммунистами, особенно с молодыми. Вручили человеку партийный билет и... забыли о нем, наивно полагая, что раз уж он теперь коммунист, то воспитывать и учить его больше не надо. Член КПСС, мол, сам воспитатель. А чем он живет, наш новый товарищ? Какими заботами занят? Это, к сожалению, мало кого интересует. А потом удивляемся: когда только успели проглядеть человека? Цифры — вещь упрямая. За два послед-

них года у нас исключено из партии семь человек. И всякий раз, анализируя суть случившегося, приходишь к выводу, что такого печального финала иногда могло бы и не быть, будь повнимательнее к человеку сослуживцы, командиры и начальники, знай они поглубже обстановку, в которой он находился за воротами части.

Много мы еще проводим и «общих» мероприятий в масштабе части: это и собрания, семинары, сборы, совещания, дни политработника и т. д. Безусловно, без этого не обойтись. Но вот индивидуальный метод в воспитании зачастую отодвигается на второй план: не умеем, а где и не хотим им пользоваться. А ведь, по меткому выражению одного из политработников, групповая беседа — это как стрельба артиллерии по площадям, а индивидуальная — прямой наводкой.

Отдельные наши коммунисты останавливаются в своем теоретическом росте. А мы их мало подвигаем к самообразованию. Как быть? Например, если бы лучше, предметнее работали с резервом при выдвижении на ту же должность командира роты, строже учитывали теоретические познания и кругозор офицеров, у них наверняка появилась бы большая заинтересованность в совершенствовании своих знаний. Да и меньше было бы ошибок на таком важном участке партийной работы, как подбор кадров. Ведь что ни говори, а изучаем людей еще поверхностно. Оттого и просчитались, назначив командирами рот старших лейтенантов В. Маличкина, В. Иванищева, А. Егорова да и того же В. Анисимова.

Словом, где ни копни, корни недостатков уходят в низкую эффективность, а порой и просто отсутствие индивидуального подхода в воспитании коммунистов.

Что же делать? Как изменить положение? Ясно, что прибавлять нам надо в том, чего не хватает, прежде всего — совершенствовать стиль работы политотдела.

Нужно более четкое планирование своей работы в парторганизациях подразделений. Нужен жесткий контроль и спрос за доведение до ума намеченного. Надо поднять требовательность к каждому коммунисту, особенно руководителю, за выполнение им своих обязанностей. Только последнее время на политотделе мы заслушали членов КПСС Ю. Корякина и С. Кучугурова, у которых хуже обстоят дела с воинской дисциплиной. Дважды отчитывались и были строго предупреждены и коммунисты В. Шерemet, А. Ануфриев.

Как и везде, у нас гораздо больше членов партии, не на словах, а на деле радеющих за свой участок работы. Их повседневный нелегкий труд по обучению и воспитанию людей позволяет большинству подразделений части в целом успешно выполнять возложенные на них государственные задачи. Они наша опора и надежда на то, что трудности, переживаемые сегодня коллективом, будут преодолены, что все то, что мешает перестройке в партийной работе, устранимо.

Подполковник В. ЕРМОЛАЕВ,
начальник политотдела части.

УВВ по Уралу.

ПО ВЕЛЕНИЮ ДОЛГА,
ПО ЗОВУ СЕРДЦА ТРУ-
ДИЛСЯ НА ЛИКВИДА-
ЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЗЕМ-
ЛЕТРЯСЕНИЯ ВОИНЫ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК.

ФОТО СТАРШЕГО
ПРАПОРЩИКА
А. АЛЕКСАНДРОВА.

ДНИ СКОРБИ И МУЖЕСТВА

■ Сержант Саидгельды Сахатмурадов родом из Ашхабада, города, сорок лет назад пережившего страшное землетрясение. Сегодня туркменский юноша пришел на помощь жителям Ленинкана.

И этот сейф — в надежных руках солдат порядка.

Что стало со зданием ленинканского ЦУМа, вы видите на снимке слева сверху.

Только что в этих развалинах найдены золотые изделия, деньги. Начальник караула лейтенант Ф. Акулич и рядовой Н. Мищенко составляют акт о находке.

У бывшей швейной фабрики несут службу офицеры И. Горбач, Н. Лобанов, рядовые А. Романов и В. Спицын.

ПО ЗАКОНАМ ДОЛГА И БРАТСТВА

На памяти каждого из нас 7 декабря 1988 года. В 10 часов 41 минуту по московскому времени жители Северной Армении испытали сильнейший удар подземной стихии. В руины превратились кварталы Ленинакана, Кировакана, Степанавана, практически был разрушен Спитак, горе также ворвалось в более чем 150 сел республики.

Среди многочисленных телеграмм с выражением скорби и соболезнования братскому народу Армении в связи с землетрясением была и от внутренних войск.

Центральному Комитету Коммунистической партии Армении, Президиуму Верховного Совета Армянской ССР, Совету Министров Армянской ССР.

Военный совет, Политическое управление, личный состав внутренних войск МВД СССР выражают всем трудящимся Армении сочувствие и глубокое соболезнование родным и близким пострадавших в связи с постигшим республику тяжелым стихийным бедствием — землетрясением.

В эти трудные дни войны внутренние войск, разделяя горе подвергшихся ударам разбушевавшейся стихии, душой и сердцем с вами. Принимаем меры по оказанию всемерной помощи в ликвидации последствий землетрясения, поддержанию общественного порядка.

Военный совет, Политическое управление внутренних войск МВД СССР.

В традиции воинов внутренних войск откликаться на зов о помощи. Через считанные часы солдаты прибыли в район бедствия и с ходу приступили к спасательным работам.

Одна из газет в те трагические дни писала:

«В 16 часов 7 декабря в г. Спитак прибыло первое подразделение внутренних войск в количестве 1200 человек и принялось вручную разбирать завалы, спасать людей. Через некоторое время к ним на помощь прибыло еще 5 тыс. воинов».

Солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры понимали: дорог каждый час, каждая минута для спасения человеческих жизней. Они работали, позабыв о пище, сне, часто рисковали своей собственной жизнью, оказывали первую медицинскую помощь, организовали эвакуацию раненых, детей, женщин, стариков, обогревали тех, кто остался без крова...

Именно в эти дни, дни тяжелых испы-

таний, в полной мере проявились самые лучшие, самые высокие качества наций и народов, сплоченных в едином могучем Союзе. Братская бескорыстная помощь стала делом чести каждого советского человека.

«Узнав о трагедии в Армянской ССР,— написал в своем письме прапорщик Н. Белопольский, — о тяжелых последствиях стихийного бедствия, хочу очередной отпуск безвозмездно отработать в районе землетрясения. Готов выполнять любую работу. Имею специальности электромонтера, тракториста, монтажника... Не могу остаться в стороне от нашей общей беды».

И действительно, равнодушных не было, добровольцев хватало. Рядовой Ю. Деревянко — белорус, ефрейтор Н. Игнатенко — украинец, сержант Н. Харитонов — русский, рядовой Р. Султанов — татарин, сержант К. Рустамов — узбек, — да разве перечислишь всех тех, кто трудился здесь, в Ленинакане и Спитаке, плечом к плечу с представителями братского армянского народа. И не будет преувеличением, если отметим: на передовой линии этой нелегкой борьбы за жизни попавших в беду людей постоянно находились воины внутренних войск.

Работа напоминала бой. Бой, в котором наступательный порыв наших военнослужащих не иссякал, а, напротив, возрастал по мере приближения к заветному рубежу. Сообщения комиссии Политбюро ЦК КПСС под председательством Н. И. Рыжкова воспринимались, как сводки Совинформбюро.

Трагедия всколыхнула народ, возвала к самым светлым чувствам интернационального единения. Газеты запестрели заголовками «В эпицентре человечности», «Наша общая боль», «Брат поможет брату». Совсем не случайно Николай Иванович Рыжков на совещании с руководителями Армении сделал акцент на таком понятии, как гуманность. Ради спасения человека, во имя этой благородной цели поднялась вся страна. Да что там, весь мир пришел в движение. Президенты и премьер-министры, короли и парламентарии крупных держав выразили свои соболезнования одному из народов великой страны.

Посланцы многих государств прибыли на многострадальную, израненную землю Армении, чтобы в час испытаний и общенациональной трагедии оказать ей посильную помощь. Яркие палатки пожарных и горноспасателей из Франции и Англии соседствовали с зелеными армейскими. Что ж, только государство имеет границы. Помощь, как и скорбь, границ не имеет.

Беда объединила, породнила всех. Но в хаотичной, на первый взгляд, спасательной суете присутствовала и четкость, и оперативность. И пример в этом подавали опять же наши военнослужащие. Такие, как сержанты Г. Эйдукс, Б. Панчук, младший сержант Ж. Байжанов, рядовые А. Покрасенко, В. Калюпа, Б. Жамиев, и многие другие.

Одновременно с военнослужащих войск не снималась задача по охране общественного порядка. Более того, она приобрела свои особенности: необходимо было не допустить паники среди местного населения, решительно пресечь попытки мародерства, взять под охрану жизненно важные объекты, разработать маршруты и организовать на них патрулирование. Забегая вперед, скажу, что и эта задача была успешно решена. Народ увидел: он не один. И воспрянул духом.

Военнослужащие внутренних войск в полной мере разделили горе с армянским народом, помогли выстоять в самые трудные часы. На счет 700412 ими перечислено около 400 тысяч рублей. Сдано 2,5 тонны крови, отправлено 1100 посылок.

Добрые слова говорят местные жители нашим военнослужащим, таким, как генералы Ю. Бугунов, Ю. Ефимов. Они умело организовали действия личного состава в экстремальных ситуациях — и при ликвидации последствий землетрясения, и при охране общественного порядка в широких масштабах. Деловитость и распорядительность проявили офицеры М. Угольников и Л. Шак. Политработники А. Белаш, В. Ноник вместе с подчиненными находились в боевых караулах, делили все тяготы службы, Специалисты служб тыла И. Кривчун, С. Малютин, Х. Рахимов постоянно заботились о создании нормальных бытовых условий.

Все солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры не щадили себя при выполнении ответственного задания, рисковали жизнью. Да, рисковали, и не единожды, чтобы спасти других. Это была трудная, самоотверженная работа.

С того трагического момента прошло три месяца. Но сердце болит, не переставая, от тяжести невозможной утраты человеческих жизней, горя родителей, потерявших своих детей, горя детей, оставшихся без родителей...

Сегодня полным ходом идет восстановление разрушенных стихией городов и сел. Возводятся жилые кварталы, производственные здания, школы, детские сады, больницы, Дома культуры... Уже потянулись в родные места старики, женщины, дети. Жизнь постепенно начинает входить в прежнее русло. Это — результат титанического труда Центрального Комитета КПСС, правительства, комиссии Политбюро ЦК КПСС, строителей, монтажников, электриков, водителей, железнодорожников, авиаторов, партийных, советских, хозяйственных органов — всех, кто противопоставил стихии силу духа, деятельный интернационализм людей, мужество, упорство.

Действия внутренних войск, по оценке партийных, советских органов, местного населения, отличались самоотверженностью, четкостью, слаженностью...

Мы вновь и вновь возвращаемся к 7 декабря 1988 года. Но войны внутренних войск помнят и февраль того же года, когда часть из них оказалась в Армении и Азербайджане в связи с обострением обстановки в Нагорном Карабахе и вокруг него. День за днем, месяц за месяцем несли они службу по охране общественного порядка.

Руководство республик подходило к решению проблемы Нагорного Карабаха с не совсем четких позиций, что, естественно, не способствовало стабилизации обстановки, а, наоборот, подогревало националистические амбиции части населения.

Командиры, политработники, предвидя возможность возникновения у некоторых военнослужащих психологического барьера при необходимости применения силы к экстремистски настроенным элементам, в беседах особо подчеркивали: мы стоим не на стороне народа, а отдельным отщепенцам, ярым националистам.

В экстремальных условиях проявилось умение офицеров довести до глубокого сознания подчиненных остроту и сложность момента, объяснить роль каждого солдата в решении поставленной задачи, четко выделить грань, за которой — нарушение социалистической законности.

В те первые часы не было времени на проведение совещаний, других коллективных форм оценки обстановки. Все приходилось решать оперативно, порой внося коррективы на ходу. Но личный состав в любой ситуации не терял самообладания. Примеров тому много.

...Хулиганы забросали камнями и металлическими предметами автобус, в котором находились военнослужащие. Водитель, получив удар в голову, потерял сознание, и автомашина врезалась в стену дома.

Не успокоившись, они попытались расправиться с находившимися в автобусе офицерами, солдатами. Самообладание и выдержку проявили офицеры С. Скворцов, Н. Гасанов, Б. Олач, Л. Альбертян. Они сумели оттеснить экстремистов и на подоспевшем транспорте вывезли личный состав в безопасное место.

...В драке двое граждан получили тяжелые травмы. Прапорщик Г. Райбули, несмотря на угрозы и чинимые ему препятствия, доставил пострадавших в районную больницу.

О чем говорят эти два случая? В них, как в зеркале, отразились лучшие черты наших военнослужащих: пренебрежение опасностью, собственной жизнью, если человек в беде, самоотверженность.

Тогда же мы увидели, что сильно возросла роль сержантов — помощников офицеров, проводников их идей, замыслов, решений. Командиры, политработники стали более тщательно разъяснять им задачи, добиваться от них личной примерности в соблюдении требований воинской дисциплины, мер безопасности и законности. Этому были подчинены собрания сержантов, на которых, кроме указанных вопросов, речь шла об умении управлять войсковым нарядом, о необходимости проявлять внимание и чуткость к подчиненным.

Военнослужащие, несмотря на занятость, живо интересовались проблемами региона. Надо было как можно полнее удовлетворять их потребности в информации. Для этого обратились в местные партийные и советские органы и с их помощью в течение нескольких дней получили в достаточном количестве во временное пользование телевизоры, наладили поступление центральных, республиканских, городских и районных газет, организовали просмотр кинофильмов. Были сформированы сводный духовой оркестр, нештатный ансамбль песни и пляски.

Два последних организационных мероприятия, как мы убедились, вызвали энтузиазм и одобрение не только в воинских коллективах, но и среди местного населения. Прохождения подразделений по городским улицам под оркестр, исполнение строевых песен, концерты для рабочих непосредственно в цехах, детских домах, школах поднимали настроение слушателей, создавали обстановку доброжелательности, снимали напряженность.

Большое внимание мы уделяли пропаганде отличившихся военнослужащих. Политработники, активисты рассказывали о примерах мужества и решительных действий своих товарищей, об истоках этих качеств, путях их дальнейшего совершенствования. Немало помогли тут газеты, листовки, памятки, выпускаемые военными журналистами на местной полиграфической базе. Налаживались деловые связи с редакциями газет, радиовещания, телевидения.

Ветераны партии, войны и труда знакомили наших военнослужащих с традициями и обрядами народов Закавказья, проблемами интернационального воспитания молодежи, развития межнациональных отношений.

Все воинские коллективы, привлекаемые к охране общественного порядка, имели в своем составе полнокровные партийные и комсомольские организации. Их деятельность в первую очередь направлялась на обеспечение примерности коммунистов и комсомольцев в выполнении служебно-боевых задач, мобилизацию личного состава на образцовое выполнение важного задания. Этой цели служили открытые партийные и комсомольские собрания. В ходе их коммунисты и комсомольцы демонстрировали высокую политическую зрелость, сплоченность, готовность вести за собой людей. Их слово с делом не расходилось. Вот некоторые примеры.

Коммунист подполковник М. Филиппов предотвратил расправу группы хулиганов над гражданином армянской национальности. Он твердо заявил: «Можете убить меня, но человека в обиду я вам не дам!» Во время схватки с хулиганами выстрелом из-за угла был тяжело ранен командир отделения младший сержант И. Ветлугин. Его подчиненный комсомолец рядовой Р. Гейнетдинов, рискуя жизнью, вынес командира из опасной зоны...

Комсомолец рядовой А. Грушев закрыл собой офицера, приняв удар на себя.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, подполковник М. Филиппов, младший сержант

И. Ветлугин и рядовой А. Грушев Указом Президиума Верховного Совета СССР удостоены ордена Красной Звезды.

Действия коммунистов и комсомольцев в таких условиях ярко продемонстрировали, насколько велика роль каждого члена партии, ВЛКСМ, какая большая ответственность за достижение поставленной цели ложится на каждого из них. И как итог — рост числа желающих связать свою жизнь с КПСС, Ленинским Союзом Молодежи.

В подтверждение сошлюсь на такой факт. На собрании комсомольцы спросили рядового А. Бута, почему именно сейчас вступает он в ряды ВЛКСМ. Солдат ответил: «...Я увидел, как комсомольцы бесстрашно встали на пути хулиганов, и воочию убедился, что комсомол — это действительно монолитная организация молодежи, беспредельно преданная делу партии, своему советскому народу».

Рядовому А. Буту был выдан комсомольский билет, заполненный на азербайджанском и русском языках, как символ нерушимой дружбы народов СССР.

В те дни 19 офицеров и курсантов подали заявления с просьбой принять их в партию. В заявлениях они подчеркивали верность коммунистическим идеалам, стремление активно претворять в жизнь решения КПСС, вносить весомый вклад в дело перестройки.

Справедливости ради необходимо сказать, что на первых порах не все должностные лица сумели разглядеть в своих подчиненных — представителей народов и народностей Закавказья помощников в проведении работы среди местного населения. Пришлось их поправить, указать на недопустимость подобного, посоветовать чаще обращаться к коллективу, опираться на партийную и комсомольскую организацию.

Принимали участие в разъяснительной работе среди местного населения и военнослужащие других национальностей. В какой-то мере здесь помог составленный политработниками разговорник, куда были включены наиболее употребительные выражения и слова.

В центральных газетах, республиканских изданиях появились публикации о предназначении войск, об умелых действиях военнослужащих по поддержанию общественного порядка, что значительно облегчало нашу работу.

Пребывание военнослужащих войск в Закавказье совпало с проведением отчетов и выборов в партийных организациях. При избрании секретарей коммунисты были особенно внимательны, стремясь видеть во главе организаций людей наиболее авторитетных. Не случайно уже вскоре партийные вожак на деле проявляли свои лучшие организаторские и политические качества, вели за собой товарищей.

Везде, где бы ни выпадало находиться нашим военнослужащим, командиры, политработники устанавливали личные контакты и тесное взаимодействие с секретарями райкомов и горкомов партии, председателями исполнительных комитетов районных и городских Советов народных депутатов, с руководством органов внутренних дел. Совместно вырабатывали план

мероприятий по укреплению дружбы между воинами и местным населением, обеспечению должного общественного порядка. Секретари парткомов, председатели исполкомов часто бывали в воинских коллективах, встречались не только с командирами и политработниками, но и с личным составом, оказывали практическую помощь в бытоустройстве, организации питания, медицинского, торгового и культурного обслуживания воинов. О последнем надо сказать особо, ведь в этот период на плечи солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров легла большая моральная и физическая нагрузка. В короткие минуты отдыха надо было дать людям разрядку, помочь восстановить силы... Кроме культурно-массовых мероприятий, проводимых самостоятельно артистами, были организованы встречи с творческими коллективами региона. Личному составу запомнились выступления государственных ансамблей танца «Дружба», песни и пляски Армени, оркестра народных инструментов, вокально-инструментального ансамбля «Дебют». Эти концерты способствовали интернациональному воспитанию слушателей и участников представлений.

Можно было бы на оптимистической ноте и завершить повествование о быте и досуге военнослужащих. Только в жизни не все выглядело так гладко. Выяснилось, например, что семьи офицеров, которые остались в местах постоянной дислокации частей, оказались без внимания. Пришлось вносить срочные коррективы, делать выводы на будущее.

В массовой политической работе по оздоровлению обстановки в регионе использовали различные формы и методы, любые возможности, силы и средства. Одна из них — бывшие военнослужащие внутренних войск. Мы не раз с ними встречались, беседовали. В эту работу активно включились партийные и комсомольские организации. И вот на одной из встреч комсомольского актива воинских коллективов с местным населением 107 бывших воинов внутренних войск выразили желание участвовать в поддержании общественного порядка. Нашлись и желающие работать в органах внутренних дел. В связи с этим МВД Армянской ССР провело работу по приему их на службу. Там же была образована инициативная группа для создания оперативных комсомольских отрядов.

Часто звучал вопрос: кому выгодно все то, что происходит в Нагорном Карабахе и вокруг него? Солдаты видели, как устали от митингов, от нервного напряжения люди — простые труженики полей и заводов. Видели и слышали их возмущенные слова в адрес так называемых «патриотов Армени», лидеров распущенного комитета «Карабах», делали для себя выводы.

Политическая работа в массах военнослужащих, беседы партийного и комсомольского актива во многом способствовали интернациональному воспитанию, росту их идейной закалки, помогли реально ощутить роль и место в борьбе за нормализацию обстановки в республиках Закавказья.

Чтобы контрпропаганда была более наступательной и действенной, мы стали встречаться периодически и с теми, кто «вещал»

с трибун от имени азербайджанского и армянского народов, распускал слухи, разного рода инсинуации. В ходе бесед выявляли истинное лицо «патриотов», их цели. Взять, к примеру, Ваню Сирадегяна. После его выступления на Театральной площадке мы разговаривали с ним. Скажу откровенно: пустой человек. Нет у него за душой ничего, кроме личной выгоды.

Об этом мы в последующем говорили военнослужащим, подчеркивали, что истинный патриот своего народа на такой путь решения столь сложного вопроса не станет. Он будет искать другую форму, проявлять благоразумие и терпение, не только учитывать личные интересы, а и считаться с мнением давнего соседа.

Передо мной письмо. В нем говорится: «Своим бесстрашным поступком офицер, солдаты спасли жизнь и честь армянской семьи. Все жители дома выражают сердечную благодарность военнослужащим, проявившим не только отвагу, но и готовность помочь в горе. Мы говорим сердечное спасибо и родителям этих солдат, так воспитавшим своих детей.

С. Амирян, С. Погосян, И. Чугурян и много других».

А дело было так. Среди бела дня в квартиру ворвались вооруженные преступники. Крик о помощи услышали старший сержант Е. Корчинов и сержант В. Сорокин. Не раздумывая, поспешили на место происшествия. К ним присоединились капитан Н. Мишакин, рядовые А. Вознян и А. Кушка. При содействии соседей потерпевших военнослужащие обезоружили и задержали опасных преступников.

Националистически настроенным гражданам на руку неразбериха, митинги, забастовки — тогда легче разжигать страсти, накалять обстановку, пытаться формировать определенное мнение среди нездоровой части населения. Этим людям не по душе присутствие войск в регионе. Они стремятся всячески опорочить нас, открыто вызывают на конфликт, унижают человеческое достоинство.

Нас никто не убедит в том, что экстремисты вроде тех, что на Театральной площадке напали на наших военнослужащих с явно провокационной целью, и народ — это одно и то же. Нет, это были хулиганские действия подстрекателей.

Пройдет время. Улягутся страсти. Последствия землетрясения будут ликвидированы. И тогда, оглядываясь назад, люди еще раз будут осуждать мгновения, когда эмоции могли взять верх над рассудком и привести к непредсказуемым событиям.

Будут добрым словом вспоминать наших военнослужащих.

Полковник Е. НЕЧАЕВ,
заместитель начальника Политического
управления внутренних войск **МВД**
СССР.

БОЛЬ И ОТВАГА

ОТ СТРАШНОГО УДАРА ВЗДРОГНУЛ МИР. И РАСКОЛОЛАСЬ ЗЕМЛЯ. ОЩЕРИЛИСЬ ЗИЯЮЩИМИ ПРОВАЛАМИ ОТРОГИ ХРЕБТОВ. ВЗДЫБИЛИСЬ ГОРЫ, РАЗВАЛИЛИСЬ НА МИЛЛИОНЫ ОСКОЛКОВ, ПОКРЫВ ЧЕРНЫМ КУРУМНИКОМ ЕЩЕ НЕДАВНО ЦВЕТУЩИЕ ПОЛЯ И ДОЛИНЫ.

БЕДА. БОЛЬШАЯ БЕДА ПРИШЛА НА АРМЯНСКУЮ ЗЕМЛЮ.

■ Рассказывает генерал-майор **БОГУНОВ Ю. И.**, начальник войсковой оперативной группы ГУВВ МВД СССР в Ереване.

— Я докладывал Министру внутренних дел СССР об обстановке в Армении за сутки, когда неожиданно ощутил сильный толчок. Стол и рядом стоящий стул сами по себе сдвинулись с места и откатились в сторону. Здание вздрагивало и скрипело. Так продолжалось около двух минут. Сообщив Министру о том, что в Армении, по-видимому, произошло землетрясение, тут же дал команду связаться по радио со всеми частями войск в Ереване и районах республики, уточнить обстановку на местах.

На запросы не отвечали Ленинакан, Спитак, Степанаван и Кироваван. Позвонил в штаб взаимодействующих органов. У них с этими городами тоже не было связи ни по радио, ни по ВЧ.

Через 30 минут, наконец, в эфир прорвалась рация одного из подразделений школы милиции под Ленинаканом. Она информировала: город горит, разрушены почти все многоэтажные дома... Вскоре начали поступать доклады и от отправленных в молчавшие города офицеров из оперативной группы войск. Обстановка постепенно прояснялась.

«Стихийное бедствие охватило территорию с населением свыше 700 тыс. человек... Во многих местах повреждены телефонная сеть, местные коммуникационные линии, дороги, мосты. Разрушены ЛЭП, железнодорожные пути...»

(Из донесения в ГУВВ, 8 декабря 1988 г.)

Трагедия в северных районах Армении заставила содрогнуться от боли и горя каждого советского человека, людей

большинства государств земного шара. Помочь, помочь, помочь... Уже в первые часы после стихийного бедствия по дорогам в сторону пострадавших городов и сел потянулись колонны техники — автокраны, бульдозеры, экскаваторы. В едином порыве, где бы они ни жили, какой бы национальности ни были, откликнулись на беду армянского народа спасатели, врачи, авиаторы, железнодорожники, военнослужащие.

Как это уже не раз бывало в час испытаний, незамедлительно включились в работу по ликвидации последствий землетрясения и воины внутренних войск. В 15 часов две группы войсковых формирований убыли в Спитак и Ленинакан. Им была поставлена задача: минимальными силами обеспечить охрану зданий горкома и райкома партии, УВД, КГБ и прокуратуры, госбанков, сберкасс, предприятий, ювелирных и других магазинов... Остальному личному составу прямо с марша приступить к спасательным работам.

■ Рассказывает полковник **БЕЛАШ А. П.**, представитель Политуправления ВВ МВД СССР в Ереване.

— Уже при спуске с перевала мы увидели грязное облако. Оно зловеще клубилось над развалинами бывшего города. На машине проехать по улицам было невозможно. Пошли пешком: надо было уточнить обстановку, узнать о масштабах постигшего районы Армении стихийного бедствия и сложившейся в них ситуации, найти хоть кого-то из руководителей, до прихода войск внести в спасательные работы хоть какую-то организацию.

Власти в городе не было. Были хаос, сплошной кричащий гул. Для обезумевших жителей любой человек в форме был человеком, обладающим реальными возможностями, силой, кто может немедленно, вот сейчас, избавить их от страданий. С мольбой в глазах, с надеждой в голосе хватали нас за руки: «Помогите! Там... они еще живы». Но перед разбушевавшейся небывалой стихией мы в тот момент были бессильны. Чувствуя это, старались, как могли, успокоить: «Потерпите! Потерпите еще немного. Помощь идет. Она близко». Время было где-то около 18 часов. Город стонал от горя и боли. В город входили первые машины с личным составом войск...

«Только что получены уточненные данные: сила землетрясения в эпицентре — в Спитакском районе — достигла 10,7 балла по шкале Рихтера. В Ленинанкене разрушено более 80 процентов жилых, служебных и производственных помещений. Полностью уничтожено 120 зданий. Повреждены все 11000 личных домов...»

(Из донесения в ГУВВ, 9 декабря 1988 г.)

Сумерки быстро сгущались. Отсветы зажженных костров по улице Широкаци выхватывали из дымного смога громадные завалы — сплошное месиво, то, что совсем недавно называлось городом, неистово работающих на этих завалах людей — военнослужащих, добровольцев, оставшихся в живых горожан, еще не до конца осознавших всего ужаса катастрофы.

■ Рассказывает подполковник **МЕЛЕШИН Б. П.**, замполит войсковой оперативной группы в г. Ленинанкене.

— Первым на помощь жителям города прибыл батальон, которым командует подполковник Николай Агасиев. Чуть попозже подоспели воины майора Александра Тихонова, другие части. После форсированного марша в 120 км, с трудом пробившись к площади Ленина, мы тут же приступили к работе на развалах Политехнического института, двух средних школ, обувной фабрики и четырех многоэтажных жилых домов. Надо было видеть, как работали воины в те первые дни. Они знали, что, пока не подошли основные группы спасателей, от их усилий зависят жизни пострадавших. И обдирая в кровь о битое стекло и куски шифера руки, они спешили. И никакая сила не могла заставить их сойти с завалов.

Уже в первые часы нами было спасено несколько человек. Заломился такой случай. На одном из участков завала жилого дома мы услышали крики. Они доносились из-под обломков битого кирпича. Что делать? Бросился на дорогу, и на счастье — лейтенант-танкист. Он все понял мгновенно, и уже через несколько минут мы заводили трос под одну из бетонных плит. С помощью танка нам удалось сдвинуть ее в сторону. И вот радость: из руин солдаты вынесли всю израненную, но живую женщину с ребенком. Таким же способом освободили из заточения еще двух женщин. Всех их тут же отправили на «скорой помощи» в Ереван.

Каждый такой успех вселял надежду. С нечеловеческим упорством, как одержимые, вгрызались воины в груды битого кирпича. Ведь это их, «братцев-солдатов»,

только что попросила шестилетняя девочка, вызволенная из темного проема разрушенного дома, «спасти маму, папу и братика», потому что одна она сделать это не сможет.

Ночь и день, и еще одна ночь. Об отдыхе никто не думал. Отказывались даже от приема пищи, работали с полным напряжением духовных и физических сил. Рядовой Игорь Веселов вместе с товарищами откопал женщину, рука которой была сдавлена двумя бетонными плитами. Прибывшая бригада «скорой помощи» не решалась подойти к ней, так как над головой нависла готовая вот-вот сорваться многотонная балка. И тогда вперед шагнул солдат. Сделав женщине обезболивающие уколы, он сумел вырвать ее из каменного плена. В аналогичных условиях спас мальчика и рядовой Евгений Казаков.

■ Рассказывают ефрейтор **Олег ВАСИЛЬЕВ**, рядовые **Дулан КАЛИЕВ**, **Александр КОЛОСОВ**, **Юрий КИЦУК**...

— Наша машина остановилась на площадке возле костра, разожженного прямо на асфальте. Уже минут через пять командир взвода старший лейтенант Больнов приказал нам следовать за появившимся из тьмы охрипшим человеком. А еще через несколько минут мы подошли к разрушенному зданию.

Потрясенные увиденным, работали молча, напряженно прислушиваясь ко всем звукам и шорохам, доносившимся из-под завалов. Старались в первую очередь спасти тех, кто подавал признаки жизни. Таких было немного... Уже под утро пробрались сквозь бетонные перекрытия к рухнувшей лестничной клетке, а там, зажатые со всех сторон, по груды засыпанные щебенкой — мальчишка и девочка. Живые! Осторожно, почти в полной темноте, начал откапывать девочку. Отодвигаю камни, а она вцепилась в меня, плачет и без конца повторяет, чтобы я не уходил...

— Мы не думали об опасности. Кто-то кричал нам, чтобы спустились на землю, отошли от разрушенного дома, что вот-вот будет новый толчок. А ребята разрывали завалы руками, обломками досок, металлическими прутьями, лопатами. А потом с помощью крана добрались до бывшего подъезда, и мы увидели тех, кто не успел добежать до дверей... Страшная, жуткая картина. Но еще страшнее было выносить детей к оставшимся в живых родителям, видеть, как искажаются судорогой их лица...

— Сейчас, как только закрою глаза, снова и снова вижу и слышу пережитое нами. До деталей... Такое не только у меня. Понимаете? После этого все мы стали другими. В чем? Не могу пока объяснить. Но другими... Мы узнали настоящую цену себе, своим товарищам. Стали на все смотреть другими глазами — серьезнее, с большей ответственностью и за себя, и за окружающих нас людей, за наши общие дела и заботы...

— «Спасибо, брат!» Эти слова мы слышали тогда часто. Я видел, как пострадавшие благодарили старших сержантов **Андрея Отческого** и **Александра Пастухо-**

ва: это они нашли в завалах и спасли нескольких школьников. Благодарили наших офицеров и солдат: это они утром 8 декабря отдали бедствующим женщинам и детям весь запас своих продуктов — пять тысяч сухих пайков. Благодарили за то, что в трудную минуту разделили боль и скорбь армянского народа. Может, я не прав, но в тот первый день трагедии для ленинканцев все это было первым, самым значительным подтверждением, что их не бросят в беде, им помогут...

«...Личным составом внутренних войск в районах землетрясения спасено 659 человек, которым на месте была оказана первая медицинская помощь. Обнаружено и извлечено из завалов 892 погибших».

**(Из донесения в ГУВВ,
23 декабря 1988 г.)**

Какими словами описать ту боль и страдания, которые испытали разрушенные города и поселки Армении? Какими словами утешить тех, кто уцелел, избежал железобетонной мясорубки и сегодня призраками стоит возле нагромождений из камня, руин домов, общественных и административных зданий, промышленных предприятий, заживо похоронивших их родных и близких? Нет таких слов. Горе людское, горе Армении безутешно.

...На столе начальника войсковой оперативной группы диплом т. Маркосяна об окончании сельскохозяйственного училища, свидетельство о заключении брака т. Казарян, свидетельство о рождении в 1985 году Сани Акопян, трудовая книжка т. Аванесяна, паспорта тт. Исмаилова из Кировабада, Аветисяна из Мытищ, Гукасяна из Фрунзе, Хожалова из Еревана, Михайлова из Красноярска, Сидорова из Ростовской области... Их нашли и принесли сюда воины. Кто они? Живы или остались под развалинами?

...Мокрый снег падает все гуще, покрывая дымящиеся руины, скорбные фигуры людей и тысячи, тысячи гробов вдоль улиц. Возле разрушенного многоэтажного дома на улице Горького стоит человек. На нем форменный китель с погонями майора, гражданского образца ботинки и брюки. Показывает вверх, на четвертый этаж, туда, где на срезе стены на прибитой полке лежит офицерская фуражка. Чуть ниже, еще на одной полке — банки с соленьями и телефон с раскачивающейся на шнуре трубкой. Он охрипшим голосом тихо говорит: «Там была моя квартира. Я спал после дежурства... Меня откопали... Дочь в школе, жену на работе, мать в магазине — всех, в одну минуту, разом...»

...Торчащие в разные стороны бетонные перекрытия, битая известка, осколки стекла, расщепленные доски от парт и полов, смятые портфели, множество детских рисунков. На одной из торчащих стен прикрепленное изолентой расписание занятий... Здесь была школа № 10. До перемены оставалось всего несколько минут. Ее ждали 260 учеников...

Слепая стихия унесла в одно мгновение десятки тысяч жизней, сделала сиротами тысячи малышей, искалечила сотни тысяч человеческих судеб... Медики, спасатели, строители, монтажники со всех уголков нашей страны, из Франции, ФРГ, Италии, Австрии, Англии, США, Израиля, Голландии, Польши, Югославии, Чехословакии, Болгарии... подчиняясь гражданской солидарности, уже через считанные часы были в районах бедствия, самоотверженно трудились, забывая о сне и отдыхе. Но стягивались, пробивались на места разрушенных поселений люди и другого толка.

...Ночью по улицам города прошла машина с потухшими фарами. По мегафону сидящие в ней предлагали бригадам, спасающим жителей города, прекратить работы и уйти с завалов, потому что ожидается новый сильный толчок. Кто-то в здании, где разместился штаб руководства, табуреткой выбил стекло. Люди высказывали из оставшихся в целости помещений. Паника... Утром по городу поползли слухи, что ночную дезинформацию выдали солдаты внутренних войск.

...Прямо на площади остановился крытый фургон. Двое бородатых парней в темных очках разрывают мешки, вскрывают картонные коробки. В момент собралась большая масса народа. В нее летят утепленные куртки, полушубки, шапки, рубахи, шерстяные носки и другие вещи. Передние, которым удалось что-либо схватить, не могут выбраться из толпы. Машина ушла, а на площади — ругань, крики, угрозы, слезы... Дело дошло до драки...

Провокация? Провокация!

Нападения на силы патрульной службы, несанкционированные митинги, подстрекательства, запугивания, шантаж, угрозы, распространение панических слухов о повторных землетрясениях, о безвозвратной отправке детей из Армении, неправомерных действиях военнослужащих и многое другое. Все это — целенаправленные акции, рассчитанные на возбуждение нервозности и паники у людей, на еще большее нагнетание и без того крайне напряженной обстановки в республике.

В те тревожные дни командиры всех степеней, личный состав войск проявили выдержку и самообладание, умение грамотно действовать в экстремальных ситуациях. С большим уважением называют сегодня очевидцы фамилию подполковника Уголькова Михаила Бенциановича. Это мужественный, волевой офицер. В сложных условиях он мгновенно принимал правильные решения, оперативно распределял силы и средства на те направления, где они были самыми необходимыми. Отмечают действия и командира части подполковника Биккинина Бориса Степановича, его заместителя майора Сморца Аркадия Ивановича. На вверенные им маневренные

118

группы была возложена самая, пожалуй, ответственная и опасная задача — сопровождение людей от Еревана к границе Азербайджанской ССР и обратно. Ведь различного рода провокаций, погромов, вооруженных нападений и даже убийств переселенцев было предостаточно.

«...Обстановка в районах республики, где установлено особое положение и введен комендантский час, полностью контролируется войсками. Личный состав в зоне землетрясения охраняет 145 объектов, осуществляет патрулирование на 52 маршрутах... Благодаря своевременным принятым мерам задержано за мародерство и грабежи 202 человека, изъято 43 единицы огнестрельного и 8 единиц холодного оружия, 11250 шт. боеприпасов. Изъято и сдано государству денег и ценностей на общую сумму более 10 миллионов рублей».

**(Из донесения в ГУВВ,
27 декабря 1988 г.)**

Особый район. Проезжая по Ленинану, то и дело встречаешь группы вооруженных солдат. Это патрули, боевые посты по охране тех или иных объектов. На них необычная форма — каски, бронжилеты... На всех дорогах по выезду из города, в аэропорту — танки и бронетранспортеры. Военнослужащие проверяют автомашины, документы у пассажиров и водителей. Такие предосторожности не лишни. Уже на третий день после землетрясения в районах бедствия появились разного рода правонарушители. Они угоняли оставшиеся без присмотра машины, совершали кражи личного имущества, грузов, медикаментов из аэропорта и со складов, взламывали магазины — промтоварные, продуктовые, винные, проникали на территорию предприятий и учреждений с целью похитить наиболее ценное из оборудования, рылись в завалах, пытались найти и присвоить вещи, изделия из драгоценных металлов, деньги...

И служба у личного состава войск была поистине боевой.

...Караул во главе с прапорщиком С. Кузнецовым, приняв под охрану завод аналитических приборов, обеспечил сохранность драгоценных металлов на сумму более 1,5 миллиона рублей. При этом рядовые М. Мусаев, Д. Авлияров и Б. Жамиев задержали троих неизвестных, которые пытались проникнуть в цех, где хранились эти металлы.

...К курсанту Н. Жукову, охраняющему вход в магазин «Подарки», подошли две женщины и попросили разрешения пройти в магазин, к своим рабочим местам. Там якобы остались их паспорта и личные вещи. Женщины похитили в магазине ювелирные изделия. Причем, когда их задержали, они предложили солдатам горсть перстной и колец. Но не получилось.

...Старший лейтенант А. Денисенко, будучи в заслоне на Масисском шоссе, изъясил мешок с большим количеством различных документов, ценных бумаг, гербовых печатей и тремя чековыми книжками.

Таких примеров — сотни. Понимая сложившуюся сегодня обстановку, сознаешь, что здесь, на заслонах и на постах в городе, нужна особая бдительность, особая четкость в действиях. Потому что задержанные и проверяемые нередко оказывают сопротивление.

Мужество и смелость, решительность и самоотверженность, неподкупность и бескорыстие... Это они, воины внутренних войск, действуя как в бою, встали на защиту государственного и личного имущества, поставили заслон мародерам и расхитителям.

Вот выписки из характеристик, представленных в ГУВВ для поощрения военнослужащих войск.

Подполковник АГАСИЕВ Николай Андреевич.

«...При поступлении сигнала о намерении группы лиц проникнуть в ювелирный магазин, лично руководил оперативной группой по задержанию злоумышленников. В магазине на это время находились драгоценности на сумму 1 млн. 300 тыс. рублей».

Капитан КОЛЬНИЦКИЙ Александр Николаевич.

«...Личным примером воодушевлял воинов роты на успешное выполнение возложенных задач. С риском для жизни извлек из завалов 8 пострадавших».

Старший лейтенант ДЕМЕНКОВ Владимир Григорьевич.

«...Работал в завалах без отдыха в течение 3 суток. Оказал необходимую медицинскую помощь более 100 раненым».

Младший сержант СОРОКИН Виталий Иванович.

«...Выполняя задачу по патрулированию в одном из районов землетрясения, услышал крики о помощи. Прибыв на место происшествия, вступил в схватку с преступниками и обезвредил их, тем самым защитил честь и достоинство женщины».

...Майор Черненко Павел Александрович, капитан Морозов Дмитрий Владимирович, сержант Корчинов Евгений Анатольевич, рядовые Климов Сергей Васильевич, Хабибулаев Хаким Соломонович и многие, многие другие.

«Здесь героем был каждый. И с каждым я пошел бы в бой...» Пусть не покажутся кому-то вычурной, штампованной фразой эти слова командира войсковой оперативной группы полковника Семена Жозефовича Бродского. Он прошел Афганистан. И цену таким словам знает.

Полковник Ю. РАЖЕВ.

*Фото
старшего прапорщика
А. АЛЕКСАНДРОВА.*

Стихия слепа. Она не пощадила ни детей, ни стариков. Люди остались без крова, без пищи, без воды.

***

Солдаты внутренних войск, первыми пришедшие на помощь, все отдали пострадавшим.

***

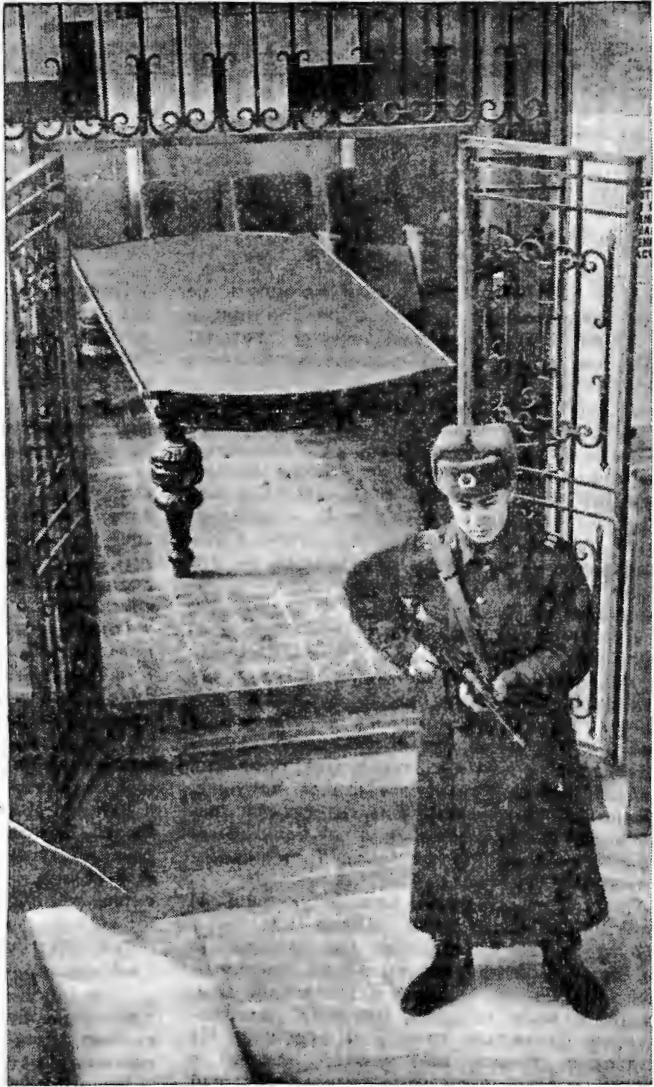
На некоторых развалинах случились пожары, которые нужно было ликвидировать.

***

В первые же минуты по прибытии подразделениями внутренних войск были взяты под охрану десятки важных объектов. Пост рядового Ильи Тяка в оперативном зале банка.

***

Жизнь продолжается. Не меньше, чем пища и вода, нужна была оперативная информация. Прибыли газеты. Через несколько минут ейтенан О. Василевский, прапорщики С. Бурцев, А. Антонов, старший сержант Р. Ульясов будут проводить полевую службу.

КТО СЕЕТ ВЕТЕР...

ДО СПИТАКА добираться пришлось на перекладных. Водитель первой попутки, армянин, категорически заявил: «Поздно дружить нам с азербайджанцами. Поздно...»

Другой шофер, сжалившийся надо мной недалеко от городка с русским названием Калинин, был азербайджанец. Небрый парень с красными от бессонницы глазами как бы между прочим обронил: «Сто лет дружбы не будет между нами и армянами!» «Но ведь вы везете продукты в Кироваван?» — удивился я. «Помощь — это одно, а дружба — совсем другое», — философски изрек он.

Я запальчиво возразил. И пожалел. Дискуссия завершилась так же внезапно, как и началась. Скрипнули тормоза: враз насупившийся водитель резко остановил машину. Справа поднималась в сумеречное небо с облачной мутью сплошная каменная стена, слева — жутковатая пропасть, на дне которой змеилась юркая речушка. «Дальше пешком пойдешь, — сказал парень и угрожающе добавил: — Если армяне не зарежут, к утру будешь в своем Спитаке».

Пешком так пешком, больше увидишь. И действительно, повидал немало.

Встретились брошенные азербайджанцами села. Тишина эвакуационной покинутости военных лет: спешно оставленный дом, двери и окна настезы, повсюду разбросанные цветастые тряпки и игрушки. На подворье, тыща заиндевелой мордой в двери сарая, нескончаемо мычала который день не доенная корова — чудовищно разбухшее от молока вымя.

Здесь же, напротив, через узкий проулок, замерла женщина-армянка: бесстрастный взгляд исподлобья, черный по-траурному платок, сложенные на груди руки, изборожденные морщинами, привыкшие к нелегкому крестьянскому труду. Вопрос «Чем же коровы-то виноваты, почему бы не подоить?» неожиданно привел ее в бешенство. Отчаянно жестикулируя, перемешивая армянские и русские слова, она кричала, что никогда в жизни не осквернит рук прикосновением к азербайджанским (!) коровам.

Через несколько минут на истощный крик женщины вышло с полдюжины угрюмых, воинственно настроенных мужчин. Сначала они переговаривались вполголоса. Затем самый молодой и бородастый, подкрепляя слова выразительными жестами и мимикой, с подозрением в голосе спросил, почему я, не азербайджанец, заступаюсь за азербайджанцев? И смех и грех, честное слово: коровы в эпицентре шовинистического шоу! Впрочем, мне, правда, было уже не до смеха.

Похоже, что собеседники, перебрасываясь репликами, энергично сами себя подогревали, раздражались все больше и больше. А раздражение, как известно, порой губительно и для разума, и для совести. Тогда подумалось, сколько таких людей, умело, что уж там, взвинченных горлопанами, раздраженных донельзя, кипящих несправедливым гневом, запятали свою совесть на улицах и площадях Еревана и Баку, забрасывая камнями тех, кто пришел защитить их покой, восстановить порядок, — солдат внутренних войск. Прямая аналогия и прием тот же: сделать из мухи слона.

Голоса сельчан крепили, постепенно, по полтона набирали высоту. Подходили еще мужчины. Темнело. И тут один из грузовиков, идущих в основном в колоннах, притормозил рядом. Водитель, тоже, кстати, армянин, выкрикнул что-то стреноживающее в толпу и не совсем любезно предложил мне, не мешкая, занять место в кабине. И то правда, не до любезностей было. Я вскочил на подножку: нелегкое дело отступать, не теряя присутствия духа. А в спину мне, вдогон, швырнули еще несколько недоброжелательных фраз.

ЗА ЧТО? Чем вызвано такое, по меньшей мере, необычное, странное отношение? Чем заслужили его люди, в одночасье бросившие все и, как пишут в газетах, примчавшиеся по зову сердца на помощь братскому народу?

Эти и подобные вопросы в более-менее резкой форме пришлось слышать не однажды. И от солдат, офицеров, и даже от иностранцев, протянувших руку помощи людям, застигнутым бедой. Причем людям не только чужой страны, но и другой, чуждой по социально-политической направленности общественной системы.

Помнится, в Спитаке недалеко от того, что раньше было базарной площадью, рядом со мной оказался англичанин. В помпезной, но пыльной униформе, с таким же пыльным усталым лицом с темными полукружьями под глазами, он возвращался в лагерь после ночной смены. Через переводчика — угловатого паренька с низким простуженным голосом — он спросил у меня, видимо, приняв за представителя местной комендатуры: «Почему эти люди не работают?»

«Эти люди», группы армян — спитакцев и приезжих, дымили сигаретами среди руин, метко стреляя глазами по сторонам, зорко всматриваясь в спасательскую суету. «Эти люди», в отличие от их же земляков, орудующих на развалинах кирками и лопатами, оживлялись лишь тогда, когда подвозили очередную партию теплых ве-

щей и продуктов питания (может быть, действительно не нужна, а изобилие порождает в нас жадность?). Куда же девалась в эти минуты их горделивая степенность? Отталкивая друг друга, упрямо лезли к чреву фургона, набитого дарами страны. Но вот, наконец, и вещи, и продукты разобраны, разложены, рассортированы по кучам, легковушкам (брали помногу, странно, если все себе, пусть даже и впрок), и группки собирались вновь на прежнем месте. До следующего подвоза. «Эти люди», немые призраки, антитеза труду во имя спасения гибнущих соотечественников, родственников, в Ленинкане уговаривали жителей не давать увозить детей с места катастрофы в здравницы, предоставляемые государством в их распоряжение, спекулировали на демократии и гласности. «Эти люди», как писала республиканская газета «Коммунист», подталкивали народ к последней черте, за которой его ждет национальная трагедия.

А вокруг — истерзанная, измученная земля, бесформенные груды исковерканных обломков железобетона, торчащие куски арматуры, перекрученная стальная лапша рельсов и гробы, белые, красные, черные, — разные. Всюду гробы. И повисший в воздухе вопрос: «Почему эти люди не работают?»

Переводчик был «наш». По его лицу с налетом дипломатичности было видно — он слегка ошарашен неожиданным интересом гостя и уже прорабатывает запасные варианты ответов. Изредка в глазах проблескивали и искорки любопытства. Конечно, ему было интересно, как я буду выкручиваться.

Отступить некуда, подошел к ближайшей группе армян. Диалог, состоявшийся между мной и моложавым бородачом (опять бородач!), привожу почти дословно:

- Вы из Спитака!
- А что!
- Это ваш дом?
- Зачем вам знать!
- Ваши родственники пострадали!
- Здесь под плитами — брат со своей семьей: жена, четыре девочки и один мальчик.
- Примите мои соболезнования. Вы откапываете их!
- Нет, это делают ваши солдаты и вот эти (кивок на иностранца).
- Почему же вы не помогаете им?
- Вас прислали сюда, чтобы работать, вот и работайте.

Минутное замешательство. Переводчик смотрит то на меня с надеждой, то с подозрением на англичанина, пытаясь определить по его лицу, действительно ли он не понимает по-русски или валяет дурака. Глаза англичанина невинны и чисты, как у ребенка. Он спокоен и терпеливо ждет разъяснений.

— Войска прислали на помощь. Улавливаете разницу в понятиях: не на работы, а на помощь.

— Мы вас звали! Нет. Вы пришли са-

ми, как и в Ереван, Степанакерт. А раз пришли — работайте.

— Может быть, у вас хватит смелости назвать свое имя!

— Имени не назову. Я говорю от лица народа.

И вдруг, как бы разоружаясь, улыбнулся. А глаза остались колючими, холодными. Вот как! Оказывается и национализм, эта язва на репутации республики, может быть улыбающимся. Еще и добрым именем народа прикрывается.

До сих пор вижу растерянное лицо переводчика, слышу его сбивчивый шепот: что переводить иностранцу? Неужели правду? Пришлось лгать. Но за державу обидно. Как же низко это и подло — проявлять национализм в минуты траура и всенародного горя. Время ли сеять ветер, впадать в шовинистические амбиции, считать обидами? Откуда этот откровенный цинизм? Чего добиваются лживые «парламентеры», сами избравшие себя депутатами армянского народа? Что движет этими марионетками, проповедниками националистических взглядов? Вопросы, вопросы...

— А меня зовут Шаумик Мурадян, — подошел рослый парень в спецовке и протянул левую руку (кисть правой — забинтована). — Нет-нет, я не родственник секретаря райкома, мы — однофамильцы. А вот там, в развалинах копошатся мои друзья — студенты из Еревана.

Шаумик недружелюбно взглянул на бородача и неожиданно обронил:

— Не мешай людям работать.

С первых часов катастрофы Шаумик и его товарищи — в Спитаке. Родственников ни у кого из них здесь, по счастью, не было. Но что это меняет?

Пока студенты, воспользовавшись короткой передышкой, делились впечатлениями (в центре их внимания были англичанин и оттаявший душой переводчик) о пережитом, Шаумик, присев на перевернутый ящик, задремал. Шутка ли, третий день на ногах. В самое пекло лез. Когда ребенка спасал — сам едва руки не лишился. Вот они, истинные представители армянского народа — Шаумик и его бригада. Их, несомненно, абсолютное большинство.

Во все времена, во всех странах беды объединяли людей, сплывали. Так легче выстоять. Распри в лихую годину — вернейший путь к гибели, к апокалипсису. Такие отщепенцы, как тот бойкий на язык и в то же время трусливый инвалид души с базарной площадки, словно стервятники выскивают добычу с гнильцой (здорового да крепкого не ухватишь). И, увы, находят ее. Люди, внимающие их подстрекательским, провокационным речам (а такие нашлись и в Ленинкане, и в Спитаке), похожи на одержимых.

Иначе и не объяснишь то, что они забрасывают наших военнослужащих палками с острыми металлическими насадками, бутылками, камнями. Явно забывают, что тысячи путей уводят от цели и лишь единственный ведет к ней.

Кстати, в армянском народном фольклоре есть такая сказка «Змея и рыба». Она рекомендована для чтения школьникам начальных классов по всей стране в целях общего ознакомления с детской литературой Армении. И не случайно, ибо великая мудрость заключена в этой сказке, глубокий смысл. Думается, уместно напомнить ее вкратце. Побратались змея и рыба. И змея уговорила сестру покатать ее по морю. Едва отплыли от берега, как змея взялась кусать рыбу. И на каждый укус у нее были отговорки: то она делала это нечаянно, то от помутнения головы, то по обычаю.

— А знаешь, — не выдержала рыба, — у меня тоже есть обычаи.

И нырнула в глубину моря. Вот так и погибла змея.

Стоит ли комментировать?

Да и у русского народа есть очень поучительная притча о незадачливом дровосеке, рубящем сук, на котором сидит. Неужели и мудрость веков предана «бородачами» забвению? Ведь следует не только накапливать ее, но и извлекать из нее пользу. А чем не полезна аксиома: братство — это именно то, отказываясь от чего, остаешься безродным, нищим и беспомощным. Если вообще остаешься.

«Раз пришли — работайте...» — нагло заявил бородач с базарной площади. Что ж, именно так и делали военнослужащие, прибывшие в Спитак уже в первые часы после землетрясения.

ВОЙСКОВУЮ оперативную группу возглавил полковник П. Воронин. Между Воронин был здесь же. Встретились совершенно случайно. Правда, даже поговорить толком не пришлось — дел невпроворот. А воплотились работать ни тот, ни другой не умеет...

Многого не хватало, подчас самого необходимого, что создавало дополнительные, непредвиденные трудности. Сказывалась необычность обстановки, выполняемых задач.

Первые два дня военнослужащие, не зная ни сна ни отдыха (и не столько по объективным причинам, сколько повинувшись внутреннему порыву, энтузиазму), наравне с профессиональными спасателями разбирали завалы, вытаскивали из-под обломков раненых и погибших. И пресекали любые попытки шныряющих то там, то здесь крикунов посеять панику и неорганизованность. Изредка земля вздрагивала под ногами спасателей, сыпались камни, падали балки. Казалось, что израненный город агонизировал. Но военнослужащие продолжали работать.

Заместитель начальника штаба части старший лейтенант Вячеслав Забенько, командир взвода старший лейтенант Вячеслав Приступа, рядовые Евгений Борисов, Сергей Афанасьев и их товарищи раскапывали школу. Это понятно, в первую очередь — дети...

И старшему сержанту Виктору Татьянину

жизнью обязаны несколько человек, которых он освободил из каменного плена при раскопках профессионально-технического училища. И старшему сержанту Александру Эннсу, рядовым Вадиму Чигану, Валерию Захарову, Сергею Чередниченко и многим другим.

В микрорайоне (теперь уже бывшем) Черемушки старший лейтенант Георгий Романенко и рядовой Олег Букин вытащили из-под камней и треснувших плит двух израненных, задыхающихся ребятишек и отправили на пункт неотложной медицинской помощи. В горячем деле, как в бою, не до вопросов. Здесь выполняют приказы, оставляя вопросы на передыхку. Можно понять замешательство офицеров, когда я обратился к ним с просьбой: назовите лучших. «Сколько вам нужно фамилий?» — поинтересовались очи. «Давайте отличившихся», — раскрыл я блокнот. «Тогда пишите всех, по порядку...»

— Арамчика моего знаешь? — остановила меня на улице пожилая женщина в пестром халате. — Как нет? Все знают моего Арамчика. Ваш солдатик, сто лет ему не болеть, вытащил. Васей его зовут, солдатика.

Кто ты, Вася, спасший Арамчика?

На третий день внутренние войска приступили к выполнению непосредственно своих, специфических служебных обязанностей. Спасателей к тому времени уже хватало — почти все Поле было усыпано разноцветными палатками (но зеленые, армейские, все-таки преобладали), а вот в стражах порядка чувствовалась острая нужда.

Обстановка накалялась, о чем свидетельствовали доклады с объектов, взятых под охрану. Мародеры — слово-то какое давнее, ветхое, полузабытое, а надо же, выплыло на поверхность. И снова в ходу. На торговой базе задержали шестерых и еще одного на стадионе, где сгружались посылки с вертолетов...

Два «жигуленка», загруженных, что называется, под завязку, остановлены ночью при выезде из ворот обувной фабрики (вернее — развалин обувной фабрики). Водитель и пассажиры вели себя дерзко, не желали подчиняться законным требованиям патрульных...

При попытке кражи продуктов со склада (уму непостижимо, ведь кругом почти все есть, спасибо стране, вплоть до сигарет, и совершенно бесплатно; воистину безгранична жадность людская!) задержан неизвестный...

На железнодорожном переезде остановлен «Москвич», буквально наштапанный изделиями из хрусталя (надо же, бетон в труху, а стекло уцелело).

Прапорщик Анатолий Калмыков, сержант Артур Киршак и ефрейтор Дамир Акчурин не позволили вору вывезти из Спитака ковры и меха. На другом направлении дорогу расхитителям преградил рядовой Олесь Исаяв с товарищами. Задержанные преступники действовали по древней, как мир, схеме: удивление — возмущение

ние — посулы — уговоры — запоздалое раскаяние.

Старший сержант Камедулла Кунарбаев и рядовой Адиль Марданов на развалинах возле разрушенного здания райкома партии нашли ценности на 35 тысяч рублей, старший лейтенант В. Кожин — еще ча 5,5 тысячи. Деньги и украшения сданы в штаб.

Кстати, с ценностями и оружием, как и со многим другим, поначалу тоже не все было ясно. Стали было свозить все в районный отдел внутренних дел, сваливать в ящики и мешки. Очень буднично все это выглядело: причесет солдат находку, выслушает дежурные слова благодарности и вновь за работу. Потом спохватились, что никакого учета драгоценностей в отделе не ведётся. А нет учета — нет ответственности, нет контроля. Приняли другое, правильное решение — сдавать все в штаб гарнизона, фиксировать находки, как это положено, оценивать их стоимость.

Ну а как, например, отличить вора от честного коренного, скажем так, зажиточного спитака, открыто, не прячась, вывозящего свои вещи? Непросто. Решили (а сколько всего уплыло в нечистые руки, пока зрело это решение!) выпускать из города с вещами лишь при наличии справки, выданной местными органами власти, удостоверяющей личность спитака. Легче стало нести службу? По мнению солдат и офицеров, не намного. Некоторые жители Спитака, потеряв родных и голову от горя и отчаяния, никак не могли взять в толк, зачем им нужны еще какие-то бумажки и где их взять в этой неразберихе. Возмущались, сетовали, что даже землетрясение пощадило, не расстроило бюрократический аппарат. Ловкачи же, напротив, не ступившись, их вполне устроил подобный пропускной режим. Солдаты рассказывали, что некоторые с одной справкой успевали по несколько ходок сделать. Ловили жителей других городов, предосторожно запасшихся заветными бумажками...

И чем больше обострялось положение, тем яснее одного становилось, что решение об охране общественного порядка в Спитаке внутренними войсками — единственно верное и своевременное. Видимо, потому, что не только войска и правоохранительные органы, но и преступные элементы все увереннее и увереннее ориентировались в обстановке...

Задержан человек с ножом, угрожавший расправой нашим военнослужащим и оскорблявший их. Каким негодяем нужно быть, чтобы бросить в лицо людям, которые валяются с ног от усталости, но несут свою нужную службу: «Убирайтесь отсюда»...

Камнем в шею угодили солдату на посту. Медицинская помощь оказана...

Мародеры на КраЗе попытались прорваться через контрольно-пропускной пункт на таран. Не захотели, видите ли, подчиниться требованиям солдата. Уже в последнюю секунду рядовой Алексей Бодров вскочил на подножку автомашины. То-

варищи бросились ему на подмогу. Преступники поняли — не уйти: КраЗ остановился...

Около трехсот человек, подстрекаемых экстремистски настроенными элементами, попытались взять в приступом склады с импортными медикаментами. Лекарства эти распределялись по указанию врачей только остро нуждающимся в них. Наши военнослужащие, за плечами которых был опыт действий в Нагорном Карабахе, Ереване, Баку, не растерялись и не дрогнули — применили спецсредства: необходимость — жестокая наставница. Порядок был, конечно, восстановлен, но какой неприятный осадок остался в душах солдат.

Впрочем, не только эти заботы легли на плечи солдат и сержантов. Охрана общественного порядка — понятие емкое, многогранное. Оставшиеся без продуктов и лекарств полуразрушенные селения — разве это порядок? И замполит батальона майор Владимир Солдатов, не дожидаясь указаний сверху, организовал отправку продуктов и медикаментов на автомашинах и даже вертолетах в населенные пункты вблизи Спитака, пострадавшие от землетрясения. Он же упорядочил выдачу теплого белья и другой одежды населению. И первое плечо под застрявшую машину — плечо Солдатова. Кто скажет, что это не его дело, что на это есть командиры, специалисты служб тыла, местные власти, наконец. Вселить гордость за принадлежность к внутренним войскам личным благородством, инициативными действиями, поддержать солдат и сержантов своей уверенностью — разве не святая обязанность замполита? Недаром хлюпиков и нытиков среди наших военнослужащих, как бы тяжело ни складывалась обстановка, не было.

Запала в душу еще одна картинка, посвоему символичная. В центре Спитака над руинами остался стоять целым и невредимым (незначительные трещины) памятник советскому воину-освободителю, воину-победителю. На каменном лице — скорбь по павшим в ту войну, перенесшаяся на дни нынешние, горькие для Спитака. Но сам солдат «выжил». И значит, новый город возникнет не на пустом месте.

Спитак, как утверждают ученые, жил и работал на каменных глыбах, под которыми находится зловещий перекресток двух глубинных разломов земной коры. Будущий Спитак должны подпирать подлинно братские отношения народов нашей страны. Нет фундамента крепче, чем этот, и никакие глубинные разломы и землетрясения не страшны ему.

Не доезжая до города нескольких километров, справа от дороги увидел рухнувший от толчков столб с плакатом из тех, что обычно щедро расставляют по обочинам. Он напоминал: «Наша сила — в единстве и сплоченности!». Покидая Поле, обратил внимание — щит подняли и укрепили. Лозунг был виден всем, въезжающим в Спитак...

Майор А. УШАР.

ВСЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

У ЧЕЛОВЕКА ЛЮБОЙ
НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ЖИТЕЛЯ
КАЖДОЙ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ
ДОЛЖНА БЫТЬ УВЕРЕННОСТЬ,
ЧТО ВСЕ ПРОБЛЕМЫ — БУДЬ ТО
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЛИ ПРАВОВЫЕ,
ВЫЗВАННЫЕ СЕГОДНЯШНИМИ
ЗАПРОСАМИ ИЛИ ИДУЩИЕ ИЗ
ПРОШЛОГО, — МОГУТ И ДОЛЖНЫ
НАЙТИ СПРАВЕДЛИВОЕ РЕШЕНИЕ
В РАМКАХ ПЕРЕСТРОЙКИ,
МЕТОДАМИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫРАБОТКИ
СОГЛАСОВАННЫХ ПОЗИЦИЙ В
ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ. С ЭТИМИ
МЫСЛЯМИ МЫ, КОММУНИСТЫ,
ПРОПАГАНДИРУЕМ РЕШЕНИЯ XIX
ВСЕСОЮЗНОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ,
ИДЕМ НА ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ
ДЕПУТАТОВ СССР.
ОНИ ВО МНОГОМ НОВЫ И НЕОБЫЧНЫ,
НЫНЕШНИЕ ВЫБОРЫ. ЛЮДЯМ
СТАНОВИТСЯ НЕБЕЗРАЗЛИЧНО, КТО
БУДЕТ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ИХ
ИНТЕРЕСЫ В УСЛОВИЯХ
ПЕРЕСТРОЙКИ. ЭТО РАДУЕТ, НО
ЭТО И ОБЯЗЫВАЕТ КАЖДУЮ
ПАРТОРГАНИЗАЦИЮ БЫТЬ НА
ВЫСОТЕ ПОЛОЖЕНИЯ.
ОБ ЭТОМ И МОИ ЗАМЕТКИ.

В этой роте я с августа семьдесят седьмого. Осенью того же года избрали меня коммунисты секретарем цеховой парт-организации. И так все эти двенадцать непростых лет, правда, с двухгодичным перерывом (был замсекретаря), возглавляю небольшой партийный коллектив.

Время сегодня интересное, многое меняется к лучшему в нашей жизни. Но меня удивляют люди, которые как будто только очнулись и увидели множество проблем, хотя до этого их решительно не замечали. Таким «перестройщикам» не верю.

Вот сейчас с особой настороженностью, а то и с нескрываемой болью говорим об обострении межнациональных отношений, проявлениях национального эгоизма, кичливости, иждивенчества, местничества. Не знаю, как кому, но нам, в низовом звене, давно уже было видно, что за молодые люди приходят служить. «Как понимаете дружбу народов?» «Что такое интернационализм?» На эти конкретные, жизненно важные вопросы, к сожалению, далеко не каждый восемнадцатилетний парень мог дать толковый ответ. А что же мы, коммунисты? Мы давно уже не удивляемся такому положению, не охаем и не ахаем, не кипятимся, а стараемся по возможности быстрее помочь каждому юноше поглубже в этом разобраться. И главное — не только на словах.

В роте созданы хорошие условия для занятий и отдыха людей. Следим, чтобы по отделениям, взводам равномерно распределялись представители разных народов, чтобы у сержантов не ходили в любимчиках земляки. Чтобы каждый был по норме одет и накормлен. Чтобы чувствовал человек не казенную заботу о себе, а душевное участие командиров и сослуживцев. Прибавьте сюда учет общественного мнения в любом вопросе, касающемся всего личного состава, поощрение коммунистами инициативы и самостоятельности комсомольской организации. И наконец, нашу партийную откровенность и открытость: не помню, когда последний раз коммунисты собирались при закрытых дверях. Приглашаем на свои собрания не только активистов ВЛКСМ, сержантов, но и всех военнослужащих, свободных от наряда. Нам нечего таить от людей.

Одно время к нам прибывало немало парней, плохо понимающих по-русски. Учитывая это, мы практически отказались от групповых бесед, стали при первой возможности толковать с каждым по душам. Это, понятно, хлопотно, но зато и отдача есть. Молодые солдаты легко идут на контакт с людьми опытными, излучающими родительское тепло. А именно такими являются старшина роты старший прапорщик Владимир Иванович Белера, санинструктор старший сержант сверхсрочной службы Нина Викторовна Акимова.

ЗОРКО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ, НАДЕЖНО ЗАЩИЩАТЬ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ!

12<

■ Заместитель командира взвода старший сержант Иван Лупушор более ста пятидесяти боевых задач выполнил с отличной оценкой.

За этими результатами стоит неустанный каждодневный труд. Действия начальника караула всегда уверены, грамотны, четки.

■ Место несения службы подчиненных старшего лейтенанта В. Савенко — Дворцовая площадь Ленинграда. Здесь помимо твердых навыков и знания устава особенно необходимы строевая выправка, тактичность и вежливость в общении с гражданами.

Фото Б. ГУККАЕВА.

■ Не позволяют себе поблажек в учебном бою младший сержант С. Мумладзе и его подчиненные. Каждое занятие в поле, в учебном классе, на спортплощадке — это очередной шаг к ратному мастерству.

Отделение носит звание отличного, потому что друг всегда помогает здесь другу. Независимо от срока службы солдаты всей душой болеют за общее дело. Сплоченность — одно из главных составляющих успеха.

■ Готовясь к занятию по политической подготовке, собрались у карты Родины татарин рядовой Р. Амиров, грузин ефрейтор Д. Никобадзе, поляк рядовой И. Гилевич, русские рядовые В. Шелехов и В. Уханов.

■ Выпускник СВВККУ имени Ф. Э. Дзержинского лейтенант С. Бугданин принял в прошлом году отличный взвод. Цель — подтвердить это высокое звание.

■ Занятия по ЗОМП проводит старший лейтенант В. Селивончик.

ПОЛИТКЛУБ ГЛОБУС

В подразделении, где служит политработник старший лейтенант Р. Злотников, решили создать политклуб. Назвали его „Глобус“. „В мире интересного“, „Прогрессивный рок Запада“, „Содружество СССР и Франции в освоении космоса“ — вот лишь некоторые страницы устных журналов, проводимых активистами.

■ Ведущим одного из заседаний клуба был отличник боевой службы, боевой и политической подготовки ефрейтор Евгений Дудаков.

■ Председатель совета клуба рядовой Вадим Оробейко всегда в окружении сослуживцев. С ним интересно побеседовать на любую тему.

■ Вопрос задает ефрейтор Сергей Потоцкий. Кто ответит?

Я вспоминаю вечер «Представляю коллективу», на котором выступал рядовой М. Абдуллаев. Нам не хотелось, чтобы он остался в стороне от общего разговора, но парень практически не говорил по-русски, да к тому же по своей крестьянской натуре был немногословен. Убедили его все-таки выступить, сослуживец взялся переводить с азербайджанского. Но прозвучало всего несколько фраз, а потом... Не зря подмечено, что душа народа раскрывается в танце. Наш Абдуллаев выдавал такие коленца, что все только ахнули. А заканчивая «рассказ о родном крае», он под общие аплодисменты сплясал еще и русского, как я, туляк, и в молодости бы не смог. Вот вам и индивидуальная беседа!

С полгода назад к нам перевели рядового Р. Вараева. Так сказать, на перевоспитание. В соседней роте вместе с пятью своими земляками он при попустительстве командиров превратился в настоящего казарменного хулигана. У нас его определили во взвод, где несли службу двое чеченцев, к тому же сверстников Вараева, — старший сержант Ш. Газариев и рядовой И. Плиев. Мы рассчитывали, что как раз они и помогут Рамзану выйти на верный путь, и прежде всего Газариев — член бюро ВЛКСМ роты. А вот командир взвода лейтенант Е. Агафонов посчитал по-другому. Он с ходу начал «вправлять нарушителя мозги». Правда, рядом оказался коммунист капитан Б. Бакшеев, требовавший от Агафонова изменить свое отношение к переведенному солдату: не тыкать того в больное место, а, напротив, учитывая природную горячность человека, спокойно, подчеркнуто корректно относиться к нему, искать хорошее, на что можно опереться в его воспитании. Подействовало. Вараев честно дослужил, а перед увольнением оставил по себе добрую память. Руки-то у парня были умелые: он прекрасно облицевал деревом и металлом вход в казарму.

Коллектив у нас сравнительно небольшой, а служат в нем постоянно посланцы десяти-пятнадцати народов страны. В общем, любые трения, любые конфликтные ситуации при желании можно выдать за межнациональные. Я против взгляда на вещи под таким углом, против того, чтобы все поминать, кто какого роду-племени. Все мы из одного советского дома, и не устаю подчеркивать, что любого солдата, сержанта считаю своим земляком. Без похвалы замечу, в неискренности меня никто еще не упрекнул, а вот на свадьбу в Ташкент приглашали, и письма пишут из Казахстана, Азербайджана, с Украины...

События в Нагорном Карабахе были неожиданными для многих, в том числе и для воинов, призванных из этих мест. Мы стали доводить до каждого нашего военнослужащего решения партийных и советских органов, разъяснять материалы XIX Всесоюзной партконференции, особенно резолюцию «О межнациональных отношениях».

— Что нам делить? — справедливо задавал вопрос азербайджанец рядовой И. Мамедов.

— Нечего нам делить! — подтверждал армянин рядовой Г. Галстян.

Казалось бы, нам, коммунистам, можно только радоваться такому верному пониманию людьми происходящих событий. Но, работая с этими солдатами, с их земляками, мы не могли не уловить и такую существенную деталь: в обострении национального вопроса армяне все же винят азербайджанцев, а те, в свою очередь, — армян. Пришлось приложить немало и терпения, и настойчивости, убеждая солдат и сержантов, что повинны в распре отнюдь не два братских народа, а темные силы, объединившиеся на почве саботажа перестройки. Существенно помогла нам мать рядового С. Филиппосянца — Елена Михайловна — учительница начальных классов из Севана, принимавшая участие в одном из диспутов, проходивших в роте. Она призвала наших солдат крепить братскую дружбу и войсковое товарищество.

События в Баку и Ереване поставили напрямую перед нами и такие непростые вопросы: как поведут себя наши воины после увольнения в запас? Смогут ли противостоять умелому разжиганию страстей? И что волнует больше всего: неужели мы с ними сможем оказаться когда-нибудь по разные стороны баррикад?

Надо заметить, что проводить разъяснительную работу коммунистам было очень нелегко. Что у нас в руках? Газеты, журналы, прямо скажем, зачастую с кучей информацией. А у собеседников — письма от родных и друзей, где события подаются без заботы о благозвучии слов и выражений, обильно сдабриваются слухами. На иную «цитату» не знаешь, что и возразить.

Скажу откровенно, мне нетрудно находить общий язык с солдатами, сержантами. За годы службы научился быстро определять, кто чего стоит, как поговорить, видеть человека насквозь. Да и близки мне их проблемы — у самого сын призванник. Но тут... Приходилось очень сожалеть, что не знаю до конца исторической канвы конфликта, его религиозной подоплеку, да и с национальными особенностями обоих народов не грех бы познакомиться поглубже. А каково же молодым партиям?

...Не скрою: бывает, спрашивают меня, как, дескать, отреагировали коммунисты роты на тот или иной партийный документ, а я теряюсь. Все кажется, что задающий вопрос хочет услышать от меня рассказ о чем-то необычном. Но зачастую ничего подобного у нас не происходит. Просто все мы начинаем лучше видеть проблему и привлекаем оборотов в работе.

Что ждем я и мои товарищи от Пленума ЦК партии по национальному вопросу? Прежде всего анализа сегодняшнего состояния страны. Ведь карабахский узел, конечно же, у нас не один. И распутывать нам их придется сообща. Нужно хорошо знать, как это делать. Не повторяя ошибок.

**Старший прапорщик И. ПОТЕКАЕВ,
секретарь партийной организации роты.**

*Оршанско-Хинганское Краснознаменное
Центральное УВВ.*

АНАТОМИЯ КОНФЛИКТА

РАЗГОВОРЫ

...«Слышал, командира-то нашего взгре-ли на парткомиссии. Он думал, что никто сор из избы не вынесет. Не тут-то было, не те времена...»

«Помнишь, на разводе при женщинах-контролерах он ляпнул такое! Они и накатали на него «телегу» в управление...»

«У него все бездельники, получающие деньги. Офицер — «парень», не «товарищ». А постоянные разносы, угрозы: «Я тебя под суд чести отдам», «Я привлеку тебя к партийной ответственности», «Ты у меня останешься за бортом»...»

«Запрещает офицерам лечиться на дому. По какому праву? Что за недоверие? Он не понимает, насколько его подозрения оскорбительны...»

«Чувства такта у него нет. Костерит всех подряд в присутствии подчиненных.»

«А что, офицеры не люди? Что, Конституция не про них, и они отдых не могут иметь? Нормальный рабочий день, выходные? Почему нашу часть СМУ окрестили, знаете?»

ФАКТЫ

Да, действительно, командира части подполковника Владимира Александровича Лефлера в марте 1988 года вызывали на заседание партийной комиссии при политотделе Приволжского УВВ. Коммунистическому руководителю объявлено общественное порицание.

Правда и то, что рабочий день командира не нормирован, как, впрочем, и его подчиненных. Естественно, что он не считает своего времени, личным примером трудолюбия и деловитости воспитывает офицеров в духе ответственности за боеготовность и боеготовность части. Не без оснований Владимир Александрович утверждает, что, долг превыше всего. Но подчас его непримиримость к тем, кто, на его взгляд, служит с меньшим, чем он ожидает, напряжением, переходит в самоуправство.

Были случаи, когда отдельным офицерам он не разрешал лечиться амбулаторно. Майор В. Котов, имея на руках освобождение врача-терапевта поликлиники УВД области, подал рапорт по команде с прось-

бой разрешить лечиться на дому. Командир части вызвал его на беседу и потребовал лечь в медпункт. Майор распоряжение выполнил. Затем заболел старший лейтенант В. Стройнов. Он отлежал в ПМП 15 суток, но, видимо, бронхит до конца не вылечил или же проявил неосторожность и с пневмонией был госпитализирован на 21 день.

Капитан С. Ключев как-то простудился. Написал рапорт, поехал домой, вызвал врача из поликлиники УВД. Врач констатировал — ОРЗ, выписал листок освобождения на 4 дня. Подполковник Лефлер через посыльного передал приказ подчиненному прибыть в часть. Ключеву было сказано то же, что и двум первым офицерам. Ложиться в медпункт он отказался и поехал в роту на службу.

И такое было.

Случалось, на партийных и комсомольских собраниях командир части прерывал выступающего, предлагал не заниматься самоотчетом, не читать по бумажке, а говорить о реальных проблемах коллектива.

Но было и есть еще и другое, что дает основание солдатам, сержантам, прапорщикам и офицерам прямо заявлять о командире части как о человеке заботливом.

ПОЯСНЕНИЯ

В начале года стрельбище части имело убогий вид и называлось так лишь в силу того, что здесь периодически звучали автоматные очереди. Условия для обучения, по сути дела, отсутствовали. Особенно зимой.

Сегодня здесь настоящий учебный центр с тиром и другими оборудованными для занятий местами. Построена казарма, заканчивается возведение столовой. Прибывшее для плановой учебы подразделение имеет хорошие возможности для отработки тем и нормативов по огневой, инженерной, тактической, физической подготовке и ЗОМП. Притом в любое время года.

Как командир, как народный депутат Владимир Александрович немало сделал, чтобы снять остроту жилищной проблемы в части. Практически все офицеры имеют благоустроенные квартиры.

С приходом нового командира началась энергичная работа по дальнейшему развитию подсобного хозяйства. Выросло пого-

---

НАЧАЛЬНИК И ПОДЧИНЕННЫЕ

ловье свиней, крупного рогатого скота и кур. Для их размещения построены соответствующие помещения с механизированными линиями для кормления. Все это позволило не только увеличить плановую сдачу мясопродуктов. Была изыскана возможность продавать их семьям офицеров и прапорщиков. А еще чуть позже местные умельцы стали делать домашнюю колбасу. Хорошо? «Еще бы! — говорят люди. — В городе попробуй купи мясо или колбасу, а тут — пожалуйста. При этом деньги не обязательно платить сразу. Их вычтут из денежного содержания».

Буквально преобразились казарменные помещения, стали теплыми, обустроенными. В столовой действует автоматическая линия самообслуживания. Полностью переоборудован спортгородок. Во всех отдельно дислоцированных подразделениях построены бани.

По-иному стали выглядеть штаб, комната истории и боевой славы части, клуб.

Все это сделано было, конечно же, не командиром части, но при новом командире.

МНЕНИЯ

Начальник политотдела части **подполковник В. СКОРОВ**: «Для нас не секрет несдержанность командира. Я с ним на эту тему говорил накануне парткомиссии. Жалуются на командира, знаем кто. Наверняка майор Котов, бывший замкомбата, сейчас замполит отставшей роты. Майор Трофимов — бывший ротный, теперь командует взводом. Капитан Клюев — бывший ПНШ батальона по службе контролеров».

Офицер военно-медицинского отдела ГУВВ **подполковник Р. ГАЛИАКБЕРОВ**: «Если врач поликлиники дал больному освобождение, то с разрешения командира части он может лечиться на дому. Не знаю, чем вызваны меры командира в данном случае».

Майор Ю. ТРОФИМОВ: «Командиров части я видел немало за службу здесь. Есть моменты, которые этого не красят, но как хозяйственник он хорош. Во время отпуска приезжал в часть, смотрел, требовал, чтоб кипело все вокруг».

Начальник КЭС части **старший лейтенант В. СТРОЙНОВ**: «Шумим о переменах. Где они? В армии? Тут командиры как были удельными князьями, так и остаются ими. А ты по полсутку на службе, без выходных, а все равно бездельник. Должность собачья. Материалов никаких не дают, командир кричит: «Доставай где хочешь!» Обвешал взысканиями. Я три рапорта писал на увольнение: нервы истрепаны, семьи не вижу».

Майор В. КОТОВ: «Надоели унижения, угрозы привести мое звание в соответствие с занимаемой должностью. Наш батальон расформировали, командование войск сказало: побудьте на роте, пока вам в политотделе части освободится место. Я передал эти слова Скорову, он мне в ответ:

поезжайте туда, откуда приехали, и ищите там себе должность. Я к генералу Селиверстову: как мне быть? Он говорит, что, мол, не Скоров пока еще решает эти вопросы. О чем они там между собой говорили — не знаю, но на своей шкуре ощущаю последствия. Может быть, оно и не так, мне нелегко быть объективным. За полгода три взыскания плюс кличка «бездельник». За неисполнительность, за упущения в работе и халатность. К примеру, командир части приказывает посадить цветы шиповника у въезда в городок: ожидался приезд участников сборов. Я это не сделал и за неисполнительность схлопотал выговор. Потом мы все же сели с командиром в машину, поехали в лес, выкопали несколько кустов шиповника и с сержантом Петровым посадили, где сказано. Но назавтра цветы увяли... С марта в роте шла подготовка к этим сборам. Вернулся я из отпуска, смотрю — все порушено, круглые сутки работа, работа. Занятий нет, мероприятий, воспитательного характера тоже. Какое там! Командуют офицеры штаба, каждый специалист свою линию гнет, людей растаскивают, распорядок дня побоку. А когда случилась беда, тогда Клюев, я и командир роты ответили за все и за всех. Ротного сняли. Теперь на нервной почве у него экзема, признали годным к нестроевой. Разве с людьми так обращаются?»

Капитан С. КЛЮЕВ: «Тяжело говорить. Вот когда отбирали добровольцев в Афганистан, тогда легче было: написал рапорт, и вперед. Там другие удостоились орденов, а мне генерал Сидоров вручил капитанские погоны, считай, говорит, их как награду Родины. Но вот состоялся товарищеский суд части младших офицеров и ходатайствовал о снижении меня в звании на одну ступень. Приравняли к пьянице. Лишили награды. А я ведь не пил и не пью. Угрозидило меня в тот вечер так влипнуть в историю. После суток дежурства, после дневных занятий друг уговорил выпить рюмку по случаю дня его рождения. Возвращаюсь домой, присел на лавку и задремал. Разбудил милиционер: предъявите документы. Я назвался, он не поверил: пошли в милицию. Там позвонили в часть, и колесо завертелось. Сначала решили из партии исключить, но коммунисты роты меня знают больше, чем в штабе. Объявили выговор. Тогда парткомиссия отменила это решение и записала строгача. До расформирования батальона был помощником начальника штаба по службе контролеров, теперь, оказывается, взводом контролеров не способен управлять. А взвод перестал лихорадить роту, это любой подтвердит. Изжиты грубые нарушения... А как судили меня? Два офицера выступили и предложили объявить общественное порицание, а присудили вон что. Все ушли подавленными, уверены, что так распорядился командир. Зачем калечат мою жизнь?»

Начальник политотдела Приволжского УВВ **полковник С. КАВУН**: «О таких людях говорят: работающий мужик, от сохи. Ему недостает такта, выдержки, опоры на общественность. И тут очень заметна в корне неверная позиция начальника политотдела

части подполковника Скорова. Быть сторонним наблюдателем — не дело политработника. Мы ему сказали об этом. Напомнили и другую истину: авторитет командира — его авторитет... Не думаю, что подполковник Лефлер имел какой-то злой умысел в отношении подчиненных».

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Получается, на первый взгляд, довольно простая схема: энергичный, целеустремленный командир, который стремится вывести часть в передовые, но иногда где-то случайно и выразится нелитературно. Бывает, сгоряча накричит. С другой стороны — обиженные им люди, очень даже не идеальные, по логике вещей, уж молчали бы. Так нет, пишут, говорят и протестуют против бестактного отношения к себе и сослуживцам. Начальство считает, что не им в тогу защитников чести и достоинства офицеров рядиться, о своей бы позаботились.

Конфликт, однако, поднимает пласты, более глубокие, что в общем-то ясно обеим сторонам. Идет процесс демократизации и утверждения самосознания. Люди приходят к определенному выводу, что ни одна должность не дает права унижать кого бы то ни было, настало время положить конец даже «единичным фактам» чванства, грубости, хамства, которые в жизни оказываются далеко не единичными. В письмах в редакцию, да и не только, выражается глубокая озабоченность тем, что черствость, невоспитанность и неинтеллигентность в среде офицеров и прапорщиков не стала предметом пристального внимания, обсуждения и осуждения. В такой обстановке некоторые командиры частей, находясь долгое время вне зоны критики снизу, составили как бы касту неприкасаемых. Но они-то жили, хоть и вне критики, не в вакууме, вольно или невольно влияли на сознание и поведение окружающих, формировали определенный микроклимат и стереотип отношений, где обычно командир говорил только истину в последней инстанции, поступал только разумно, во всем был прав. Какая участь уготавливалась остальным? Внимать, учиться, брать пример? А что же еще? В этой связи, разве не естественным было услышать из уст офицеров данной части площадную брань? Естественно. Если старший так невыдержан, то почему младший должен стеснять себя в выражениях? И вот старший лейтенант В. Радостин, инструктору подчиненных, заступающих, кстати, на службу, «создавал боевой настрой» благим матом. Глядя на офицеров и прапорщиков, распоясываются, оставаясь один на один с солдатами, младшие командиры. Целая цепная реакция хамства. И это — атмосфера, в которой выполняется общая для всех задача государственной важности.

Сегодня мы все чаще говорим о теневых сторонах застойной периоду. Одна из них — общественная пассивность людей, привычка держать руки по швам и помнить свой шесток. Не высовываться, «не вякать». Когда разговаривал с людьми в части, пришлось лишний раз убедиться:

рецидивы прошлого еще дают о себе знать. Просили не упоминать имен, фамилий. Аргументировали так: вы уедете, а мы останемся, и что будет с нами — не знаем. Приводили пример: стоило на сборах замполитов рот кому-то из них сказать, что, мол, нехорошо, не к лицу командиру части прерывать выступающих, как офицер был вызван в кабинет, где ему сказали: зачем нести критику на трибуну? Ведь дверь открыта, заходи, скажи мне, в чем я неправ.

Получалось, подполковник, прерывая выступающего, не ведал, что делал, и старший лейтенант должен был подсказать ему правила хорошего тона. Неплохой поворот, хотя и не очень отличается от принудительного одергивания ораторов. Не здесь ли первопричина того, что пишут и говорят «очень даже не идеальные» люди. Они сами считают: «Нам терять нечего», поэтому не таятся, не скрывают.

Поправить командира могут его прямые начальники, а еще партийная организация: товарищи-коммунисты. Но первым подчас застыт глаза перемены чисто внешнего характера, происшедшие в той или иной части после их последнего посещения. Вторые никак не возьмут в толк, что сейчас они — самая реальная сила, способная защитить права, честь и достоинство офицера и прапорщика. Парторганизации управления части, например, уже давно следовало решительно поправить коммуниста Лефлера, сказать ему о том, что его отношение к людям не отвечает духу времени, недостойно звания командира и коммуниста. Партийная комиссия при политотделе войск вызвала его на свое заседание, журила, увещевала. Поделом. Ну, а коммунисты своей парторганизации чего же, вытянувшись во фронт, застыли, рта не открывают? Наверное, многие из них все еще находятся в плену старых представлений о том, что позволительно, а что нет. Времена, однако, изменились. И в этой связи несколько странным выглядит рассуждение начальника политического отдела войск полковника С. Кавуна об отсутствии злого умысла у командира части в отношении подчиненных. Когда хамят, унижают человеческое достоинство, обзывают, разве думается о том, что творящий это ничего плохого к тебе не имеет? Скорее наоборот.

В заключение еще вот о чем: судя по всему, таких гарантов, как уставы и парторганизации, сегодня уже маловато для полной защищенности военнослужащих от ущемления их прав и достоинства. Слишком уж кое у кого «поослабли пружины», как заметил один офицер. Значит, надо сообща искать соответствующий механизм, который в конечном итоге привел бы в норму «пружины», регулировал и стимулировал бы процесс демократизации в войсках. Ведь не враги же — единомышленники, одно дело делаем, воз один везем. Зачем же поступать так, что в упряжке кто-то, выбитый из равновесия, отстает, не видя перед собой пути? Зачем рубить сук, на котором сидишь, ведь подобные упражнения авторитета не прибавят.

Подполковник В. КУЗЬМЕНКО.

Приволжское УВВ.

ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ

ПОДГОТОВКА К СЛУЖБЕ ПЛАНОВОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО КАРАУЛА

Успешно выполняет задачи по плановому конвоированию личный состав роты капитана А. Красикова. Объяснить стабильность результатов можно высокой выучкой, крепкой воинской дисциплиной, организованностью и порядком, царящими в подразделении. Но сегодня хотелось бы поговорить лишь об одной составной успеха — о подготовке военнослужащих к несению службы в плановом карауле. Почему в плановом? Да потому, что именно этот вид службы роте чаще всего приходится выполнять. А он, как известно, очень специфичен, трудоемок. Не случайно Устав внутренних войск предусматривает участие в подготовке планового караула не только офицеров роты, но и батальона, штаба части.

Итак, сегодня началась подготовка караула, которому предстоит конвоирование осужденных по самому протяженному плановому маршруту. Маршрут один из наиболее трудных. И не только потому, что проходит по территории многих областей республики. По пути много обменных пунктов, каждый из которых имеет свои особенности. Не знать их просто нельзя. Вот почему приказом командира части начальником караула назначен старший прапорщик В. Парамонов. В коллективе Парамонова знают как большого мастера боевой службы, человека опытного, болеющего за дело, способного организатора. Назначая старшего прапорщика Парамонова начальником караула, командир части учел мнение ротной партийной организации, характеризовавшей его как требовательного к себе и товарищам, принципиального коммуниста. Учтено было и то, что старшему прапорщику отлично известен маршрут конвоирования, он всегда четко выполняет требования устава и других руководящих документов к данному виду службы.

Кандидатуры помощников начальника караула старшего сержанта И. Книгницкого и ефрейтора В. Брегинца также не вызвали сомнений. Отличники боевой службы, боевой и политической подготовки, они не раз успешно выполняли эти обязанности. Партийная и комсомольская организации в лице их секретарей единогласно реко-

мендовали командиру назначить Книгницкого и Брегинца. К слову сказать, весь личный состав караула подбирается с участием партийного и комсомольского вожаков, что всякий раз позволяет избежать ошибок, предупреждать негативные явления.

В соответствии с решением командира части инструктаж начальника караула и его помощников провел командир батальона подполковник А. Илюшин. В начале инструктажа он ввел подчиненных в обстановку, которая сложилась на то время. Рассказал, как выполняли свои обязанности только что возвратившиеся в часть караулы, какие встретили трудности, где и какие недостатки были допущены, кем именно и по какой причине. Затем внимание инструктируемых было сосредоточено на особенностях маршрута и характеристике перевозимого контингента. Факты давали основание командиру батальона потребовать от начальника караула и его помощников обеспечить повышенную бдительность караула, добиться четкого выполнения каждым своих обязанностей. Офицер скрупулезно проверил знание подчиненными требований Устава внутренних войск к плановому конвоированию, обязанностей по табелю постам и боевому расчету. Они продемонстрировали полную готовность к действиям в отведенных им ролях, успешно решили ряд вводных.

Тем временем инструктивные занятия с личным составом караула проводил капитан А. Красиков. У него большой практический опыт службы, он умеет методически грамотно, интересно организовать учебу, насытить ее живыми примерами.

Согласно распорядку дня на инструктивное занятие отведен один час. Капитан Красиков это время распределил следующим образом. На теоретическую часть — 15 минут. При этом 3 минуты использовал на доведение обстановки, 5 минут характеризовал подлежащих приему осужденных и обменные пункты (так, на двух из них предстояло сдать большую группу перевозимых, а на следующий прибывали глубокой ночью, что требует двойной бдительности от часовых). Еще 7 минут были отведены на проверку знаний караульными обязанностей по табелю постам и боевому расчету. Претензий особых к подчиненным у командира роты не было, все они отвечали уверенно и четко. Чувствовалось, что накануне с ними хорошо позанимались командиры взводов и сержанты.

Практическая часть инструктивного занятия заняла все оставшееся время. Военнослужащие непосредственно на контрольно-диспетчерском пункте, где заблаговременно была подготовлена камера в спецвагоне и чучела, отработали действия по досмотру осужденных. При этом они знали, что и в камере, и в одежде, надетой на чучела, есть запрещенные предметы. Надо было как можно быстрее их обнаружить. Развернулось соревнование, за-

БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

хватившее и опытных солдат, и тех, кто прослужил менее года. Особенно отличился рядовой З. Кузьков: от его глаза ничто не укрылось. Закончив досмотр, он тут же принялся наставлять молодых сослуживцев, подсказывая им, где вероятнее всего могут быть спрятаны запрещенные предметы. Такая подсказка в ходе учебы не вызвала нареканий руководителя. Оно и понятно: опыт мастера становился достоянием всех. В реальных условиях этого не сделаешь, тем более, что времени на досмотр отводится мало. Но вот к делу приступил рядовой А. Метелица. Он быстро нашел все предметы, в том числе и сапожную щетку. Повертел ее в руках, заметил: к числу запрещенного к хранению она не относится. Командир и сослуживцы с ним согласились, но предупредили, что в ней как раз и можно спрятать недозванное, показали, как это делается.

Далее были отработаны практические действия караула по боевому расчету и порядок вывода осужденного в туалет. Тут в роли выводящего выступил рядовой В. Мальцев. Во время движения последовало «нападение» на помощника начальника караула. Мальцев, подав соответствующий сигнал, ловко применил к нападавшему один из приемов рукопашного боя. Ему на помощь поспешил часовой первого поста рядовой А. Парихин. Сообща быстро восстановили порядок. Военнослужащие действовали правильно, в строгом соответствии с боевым расчетом. Начальник караула, как положено, составил акт.

В период подготовки караула к службе заместитель командира роты по политчасти лейтенант А. Антипов провел инструктаж исполнителей по плану политической работы с личным составом. Вначале он напомнил о роли и месте каждого из активистов, затем рассказал о характере предстоящей задачи, о том, что военнослужащие роты всегда были на высоте, поставив в пример ефрейторов В. Брегинца, Д. Альжакова, рядового А. Метелицу и других мастеров боевой службы. Отличники — опора актива, подчеркнул офицер. Старшему прапорщику В. Парамонову он посоветовал, как организовать учебу под-

чинённых, в том числе (на теме политической подготовки, как увязать теоретические положения с жизнью роты, данного караула. Комсоргу подсказал, как и когда именно провести беседу на тему «Требования КПСС по укреплению воинской дисциплины», редактору боевого листка определил, сколько выпусков должно увидеть свет, в том числе и «молнии», как разместить на их площади заметки о практике службы, опыте ее организации, о мастерах своего дела, особо бдительных часовых, о внутреннем порядке, дисциплине и досуге. Агитаторам было предложено кроме бесед и громких читок газет с последующим обсуждением наиболее интересных публикаций вести индивидуальную работу с военнослужащими.

Заместитель командира роты по политчасти внимательно еще раз проверил содержание чемодана с предметами материального обеспечения предстоящей политической работы в карауле. Здесь были материалы XXVII съезда КПСС, XIX партконференции, памятки, брошюры, общевоинские уставы, журналы, художественная и общественно-политическая литература, шахматы, шашки — в общем, все необходимое, чтобы вести с людьми предметный разговор, чтобы сами они могли позаниматься и отдохнуть.

Подготовка караула завершена. Личный состав получает оружие и боеприпасы, приказ на боевую службу и отправляется в путь. У командира есть полная уверенность, что задача будет выполнена успешно. Так оно и оказалось в действительности. Проверяющие отмечали крепкую дисциплину в карауле, организованность и порядок. Им нравилась добрая атмосфера, царившая здесь, прочные знания и навыки всех должностных лиц, их высокая бдительность и боеготовность. Поэтому вполне закономерным выглядел конечный результат — отличная оценка караулу. Командир части поощрил всех, кто особо проявил себя. Ефрейтор В. Брегинец был представлен им к награждению медалью «За отличие в воинской службе» II степени.

Майор Н. МАРЧЕНКО.

УВВ по Уралу.

БДИТЕЛЬНОСТЬ, МУЖЕСТВО, БЛАГОРОДСТВО

ВСЕ РЕШАЛИ СЕКУНДЫ

Осужденный долго готовился совершить задуманное. Улучив момент, когда войсковой наряд контролеров был занят проверкой смены, выводимой из производственной зоны, злоумышленник бросился к ограждению и с помощью специально изготовленного приспособ-

ления предпринял попытку его преодолеть.

На пульт управления техническими средствами охраны поступил сигнал. Часовой рядовой А. Абрамчук немедленно доложил о срабатывании системы.

— Караул, в ружье! — команда начальника караула прапорщика В. Лесовского не застала военных врасплох. В считанные секунды резервная группа покинула караульное помещение.

А преступник в это вре-

мя, преодолев внутреннюю запретную зону, лихорадочно искал подходы к основному ограждению. Окрик рядового Э. Ишимбетова был для него как гром среди ясного неба. Нарушитель заметался из стороны в сторону, а затем, заметив быстро приближавшихся солдат, и все отказался от намерения уйти из-под охраны.

Командир при разборе данного случая отметил быстрые и умелые действия караула.

Б. ИВАНОВ.

«ПРОЧИТАЛ В ЖУРНАЛЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИЮ... И РЕШИЛ НАПИСАТЬ ВАМ...» ВСЕ ЧАЩЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ В РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЕ ПИСЬМА, НАЧИНАЮЩИЕСЯ ЭТОЙ ФРАЗЕЙ. И ВИДИМО, НЕ ТОЛЬКО ОТТОГО, ЧТО ПУБЛИКАЦИИ СТАЛИ ОСТРЕЕ, ЗЛОБОДНЕВНЕЕ, НО И ПОТОМУ, ЧТО РАВНОДУШНЫХ СРЕДИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ВСЕ МЕНЬШЕ И МЕНЬШЕ. А ЭТО ХАРАКТЕРНАЯ ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ.

ПОВОДОМ К ЭТОМУ НЕРАВНОДУШНОМУ ПИСЬМУ ПОСЛУЖИЛА СТАТЬЯ «РОВ ОТЧУЖДЕНИЯ» (1988, № 1).

Эффект отсутствия

■ ОТ ПОПУСТИТЕЛЬНОСТИ К КЛЕВЕТЕ

■ СКОЛЬКО ВЫХОДНЫХ ДОЛЖНО БЫТЬ У ПОЛИТРАБОТНИКА!

■ НА СЛОВАХ — ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ, А НА ДЕЛЕ...

Факт, конечно, вопиющий: партийное собрание роты исключило из партии заместителя командира подразделения по политической части старшего лейтенанта А. Пасочника. Вопиющий не по форме (с этой точки зрения все правильно) — по сути своей. Коммунисты выказали недоверие, и кому — политработнику! Это ж как нужно было настроиться против себя людей, сослуживцев своих, чтобы они сами, не дожидаясь указаний сверху, приняли такое серьезное, ответственное решение? И, можно сказать, освободили офицера от занимаемой должности, ибо где же вы видели беспартийного замполита?

Причины? Для того, чтобы разобраться в них, прежде нужно понять, кто такой старший лейтенант Пасочник Александр Леонидович и чем именно он «допек» коллектив. Нарушениями уставных требований, воинской дисциплины? Напротив, во всем, что касается его лично, он отклонений не допускал, являя собой образец выполнения уставных норм. Во всяком случае до последнего времени. Может быть, тем, что водил знакомство с «зеленым змием»? Ни-ни. И, дабы упредить дальнейшие нескромные предположения, следует отметить: хороший семьянин. То есть на первый, поверхностный взгляд Александру Леонидовичу цены нет. А если присмотреться внимательнее, радужные цвета этой светлой картинки приобретают иные оттенки.

Для начала напомним, что журнал «На боевом посту» уже ознакомил читателей со старшим лейтенантом, рассказывая о сложной судьбе рядового Роландаса Григаса, воспитанного на национал-шовинистических установках. Именно он, Александр Леонидович, самым лестным образом охарактери-

зовал своего подчиненного в те дни, когда Григас злостно клеветал на советский образ жизни, втоптывал в грязь то, чем мы по праву гордимся.

Именно он, замполит Пасочник, поведал корреспонденту журнала о своих достижениях в политическом воспитании Григаса: солдат, дескать, закурил и стал вовсю ругаться матом. В этом, по мнению его политического наставника, и заключался успех всей работы, ибо «достигнутые результаты» — явные признаки безбожия (вера не велит сквернословить и курить дурман-траву). Думается, ради подобных сомнительных показателей не стоит расшатывать религиозные устои верующих. Кстати, Пасочник, невзирая ни на что, решил «сделать» Григаса комсомольцем. И только своевременное вмешательство помешало осуществлению этой по сути аполитичной затеи: принять в комсомол того, кто программу и устав Союза и на дух не переносит.

Заблуждался офицер? Это поправимо. Но есть у Пасочника один недостаток, который пока никак не исправить. О нем в части говорят так: всем бы он был хорош, если бы еще и... работал. С одной стороны, вроде есть замполит, а с другой — его не видно. Своеобразный эффект отсутствия.

Такой вот маленький «грешок» водится за Александром Леонидовичем: ему постоянно кажется, что загружают его делами сверх всякой меры. В чем он периодически «уличает» командира и других офицеров роты. Правда, в его понимании это — четкая дифференциация функций: у меня свой участок, а остальное — ваше. Мягко говоря, не красит это замполита.

Но если бы он только делил работу на «свою» и «чужую» — и то, наверное, невелика беда. У политработника действительно своих забот полон рот, успеть бы все переделать, вечно времени не хватает. Ан нет, отделив-таки «свое», скрупулезно произведя раздел насущных задач и назревших проблем, Пасочник успокаивается. Может, накопившиеся мероприятия заворачивающе действуют на него, да в такой степени, что он буквально замирает? Трудно сказать, во всяком случае на выполненные уже чисто своих обязанностей его тоже не хватает. Поэтому и Григас (да он ли один?) остался без политического пригляда, и в целом за время замполитской (сначала хотел написать — деятельности, затем — работы, а все не те слова) практики Пасочника в роте заметно увеличилось число дисциплинарных проступков, весомая часть которых, увы, неуставные взаимоотношения, ставшие притчей во языцех.

Нельзя сказать, что бездеятельность офицера оставалась незамеченной. Нет, с Пасочником работали, терпеливо и настойчиво, стараясь не прибегать к крайним мерам. И помогали, и спрашивали. Если было нужно — спокойно и обстоятельно разбиралось. С чем? Дело в том, что Александр Леонидович, ощутив на себе пристальное внимание офицеров управления части, гибко изменил тактику поведения.

Если раньше, по его мнению, на него просто взваливали непомерный служебный груз, то ныне ему хронически «мешали» работать. Все до одного, от командира взвода до командира части. Так и заявлял. Дескать, не дают развернуться во всю ширь, стреноживают инициативу и самостоятельность, крылья подрезают — и далее в таком же духе. Плюс к тому Пасочник усердно намекал, что лучшего командира роты, чем он, выпускник Новосибирского высшего военного командного училища МВД СССР, при всем желании не найти.

Поскольку это были хоть и не подкрепленные делом слова, но высказываемые всегда горячо, командование решило пойти ему навстречу. Назначили Пасочника командиром роты временно, на несколько месяцев, так сказать, с испытательным сроком.

И сделано это было напрасно, как показало время: новоиспеченный командир так повел дело, что, думается, его преемник еще не скоро сможет придать жизни подразделения нормальный ритм. Испытательный срок стал подлинным испытанием для личного состава роты. Сняли.

Затем, опять же по личной просьбе Пасочника (ну, кто посмеет обвинить командира в невнимании к конкретному человеку?), последовал перевод в другую роту. Но он и тут практически самоустранился от выполнения обязанностей по должности. Мало того, что сам активности не проявлял, он и другим не мешал бездействовать. С легкой руки замполита и при его явном попустительстве в роте более полугодом не проводились комсомольские собрания и заседания бюро ВЛКСМ, зато процветала практика сокрытия проступков и прямого обмана старших начальников.

Итоги полугодия зримо показали, что адрес каждого второго преступления и каждого пятого дисциплинарного проступка, допущенных в части, — рота, заместителем командира по политической части которой был старший лейтенант Пасочник.

Уже тогда на партийном собрании поступило предложение — исключить коммуниста Пасочника из рядов партии. Но ограничились строгим выговором с занесением в учетную карточку, поверив в искренность заверений коммуниста, что исправит недостатки. Спустя несколько месяцев после того шумного собрания группа офицеров управления соединения побывала в роте и убедительно доказала, что заверениям этим — грош цена. Партийные и комсомольские собрания по-прежнему не проводились. К политзанятиям некоторые руководители групп не готовились, передавая один комплект из рук в руки. А организацию культурного досуга личного состава Пасочник отдал на откуп старшине роты,

которого за пристрастие к спиртному исключили из партии. Сам же замполит выходные дни регулярно проводил в кругу семьи.

Кто ж против отдыха по субботам и воскресеньям? Но ведь служба есть служба. И до тех пор, пока она существует, жизнь свою офицеры должны подчинять в первую очередь служебной необходимости. А во внутренних войсках — особенно, так как мы не только обучаем и воспитываем личный состав, но и охраняем важные объекты. Важные с любой точки зрения.

Эту прописную истину понимает и принимает любой новобранец на учебном сборе. Но не старший лейтенант Пасочник. Он считает: в роте есть командир старший лейтенант Г. Дорощ — пусть трудится, а моя хата... Опять та же позиция, странная для политработника, не правда ли?

Не так давно тот самый командир, на которого кивал Пасочник, был снят с должности. Замполит и на этот раз, можно считать, вышел сухим из воды. И воспрянул духом, возможно, полагая, что теперь место командира роты займет он, на правах заместителя. Ошибся: командиром назначили молодого офицера старшего лейтенанта З. Фарзалиева. Пасочника заело: без году неделю в войсках и уже при хорошей должности, а тут столько лет в томительном ожидании — и все без толку. То ли просто так, то ли в знак протеста Пасочник не вышел на службу, о чем и доложил по команде старший лейтенант Фарзалиев. И правильно сделал. Вот тогда (уж очень не хочется связывать это деяние с званием политработника) Пасочник прибегнул к клевете. Он доложил рапортом командиру части о том, что Фарзалиев минувшей ночью прибыл в подразделение якобы в нетрезвом состоянии и «разбирался» с сержантами.

Не поверил командир, но проверить был обязан. Здесь же, по горячим следам, и проверил. Не подтвердилось. Оболгал, оклеветал Пасочник молодого офицера, сослуживца и командира.

Может, и не стоило так подробно рассказывать об этом человеке, а рассказать бы о настоящем политработнике, благо их немало вокруг, по-настоящему горячо берущихся за дело, показывающих личный пример в работе по должности, по долгу коммуниста. Но вот что побудило: мало кто из офицеров так часто и красноречиво говорит о перестройке, как Пасочник. Но он оказался из тех, кто, чем громче говорит, тем меньше делает (впрочем, куда уж меньше?). Мы же нередко верим словам, не проверяя их делами. А вот коммунисты из парторганизации роты, в которой служит Пасочник, сверили его слова с делами и сказали веско: проверку делом вы не выдержали.

Майор А. ЛАРИН.

УВВ по Западной Сибири.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда верстался номер, стало известно: Пасочник освобожден от занимаемой должности.

УСЛОЖНЕНИЕ ЗАДАЧ, РЕШАЕМЫХ ВОЙСКАМИ, НАСТОЯТЕЛЬНО ТРЕБУЕТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА, ЧТО В НЕМАЛОЙ СТЕПЕНИ ЗАВИСИТ ОТ СЕРЖАНТОВ — БЛИЖАЙШИХ ПОМОЩНИКОВ ОФИЦЕРОВ. ИХ МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО, УМЕНИЕ И ЖЕЛАНИЕ КРОПОТЛИВО И ПОВСЕДНЕВНО РАБОТАТЬ С ПОДЧИНЕННЫМИ ИМЕЮТ РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ. ИМЕННО ОБ ЭТОМ ВЕДУТ РЕЧЬ АВТОРЫ МАТЕРИАЛОВ ПРЕДЛАГАЕМОЙ ПОДБОРКИ О МЛАДШИХ КОМАНДИРАХ.

ОРИЕНТИР — КРОПОТЛИВАЯ РАБОТА С ПОДЧИНЕННЫМИ

1. КАКОВ ПРИМЕР...

Строевая подготовка подходила к концу. Отделение младшего сержанта В. Разумова отрабатывало приемы в движении. Командир, стараясь доходчивее показать подчиненным наиболее сложные из них, организовал занятие так, что у воинов до самой последней минуты не спадал интерес к уроку.

При разборе занятия во взводе старший лейтенант Э. Мандрик отметил младшего сержанта Разумова с лучшей стороны: методичку не нарушал, занятие провел на высоком организационном уровне, с пользой. А ведь из учебного подразделения младший сержант прибыл в часть, что называется, «сырым». В свое время его даже хотели оттуда отчислить: посчитали, что не получится из него сержанта.

Главное, что оценил Разумов, прибыв в роту, так это доброжелательность и внимание к себе. Командир взвода старший лейтенант Э. Мандрик поговорил с прибывшим сержантом, познакомил с военным городком, объектами в учебном центре, задачами, решаемыми личным составом в данный момент. Все это с самого начала настроило сержанта на кропотливую работу с солдатами, сыграло положительную роль в его становлении.

А вот «посевы» другого рода. В одном из подразделений обучение сержантского состава находится на низком уровне. Потому нередки нарушения формы одежды (где уж тут личная примерность!), распорядка дня. Не отвечает требованиям дня учеба младших командиров. Занятия проходят не по расписанию, причем предпочтение отдается классным, а

не полевым. Опыт лучших не пропагандируется. А в итоге такие факты: сержант В. Удовиченко грубо обошелся с подчиненным, за что привлечен к дисциплинарной ответственности. Разумеется, доверять людям таким, как Удовиченко, никак нельзя.

Особенно важна роль заместителей командиров взводов. Это самые опытные командиры. Именно они должны взять на себя заботу о новичках, ставить их «на крыло». Вспоминается случай из собственной командирской практики. От взгляда опытного заместителя командира взвода старшего сержанта А. Зайцева не ускользнуло то, что командир отделения младший сержант Д. Шмарин часто выходит из себя, в его голосе появился «металл», а обращение к подчиненным не всегда стало укладываться в уставные рамки. Постепенно исчезло взаимопонимание между младшим командиром и солдатами.

Зайцев нашел в канцелярском книжном шкафу учебник по педагогике и психологии. Потом разыскал Шмарина.

— Вот тут глава такая есть, — раскрывая одну из книг, протянул ее младшему сержанту. — С научной точки зрения обосновано: какую следует ожидать реакцию от человека, если отнестись к нему грубо, нетактично.

— Это еще зачем? — опешил Шмарин, но, видимо, вспомнив, как он недавно распекал солдат, смутился и опустил голову.

Книгу ту он перечитал от корки до корки. Зайцев потом с удовлетворением отмечал, что наука пошла на пользу. Правда, пришлось еще повозиться с ним, посвящая в секреты методики проведения занятий и тренировки, работы с подчиненными...

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ

По-разному приходит опыт к младшему командиру. Бывает, служба одного складывается легко и просто, и сержант быстро выводит подчиненный ему коллектив в ряды отличных. А на пути другого встречается немало трудностей. Неизбежны и ошибки, и поражения. И здесь молодой сержант должен получить весомую помощь и поддержку от опытных сослуживцев.

Майор А. ДОРОФЕЕВ.
УВВ по Западной Сибири

2. ЗНАТЬ ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Подводя итоги одного учебного дня, вспомнил о занятии по строевой подготовке, которое проводил со взводом старший лейтенант А. Маковский. В целом оно вроде бы получилось. Но вот младшие командиры действовали далеко неравноценно, а соответственно и их подчиненные выполняли приемы неравнозначно. Так, сержант И. Святецкий командовал энергично: строго придерживался устава, и все у него получалось, недостатки устранялись быстро. Занятие поэтому проходило увлекательно.

В отделении же сержанта Д. Султанава обстановка была иной. Вялость солдат, отсутствие самостоятельности и даже неорганизованность и отдельные нарушения строя исходили от самого командира, от его инертности. В итоге он даже не успел отработать все учебные вопросы — не хватило времени. Да и офицеру то и дело приходилось поправлять сержанта.

Кто должен нести ответственность за допущенные на строевой подготовке погрешности в обучении? Прежде всего командир взвода. По существу его роль в подготовке сержантов свелась к проверке у них конспектов, перед самым выходом — внешнего вида. В общем, офицер подошел к подготовке младших командиров казенно, поверхностно, не учел плюсы и минусы предыдущих занятий, степень методической подготовки своих сержантов.

Занятие эффекта не дало. И командир взвода, подводя итоги, кроме нареканий и упреков, ничего сержантам не сказал.

Будь этот пример некачественной работы офицера с сержантами единичен, то, как говорится, куда ни шло. Но беда в том, что подобным образом готовят подчиненных к занятиям по боевой подготовке и другие офицеры, как это случилось в тот день: к строевой подготовке формально подошли также лейтенант В. Трубин и старший лейтенант И. Осташевский.

Скрупулезный анализ одного учебного дня заставил нас пересмотреть отношение к командирской и методической подготовке сержантского состава. Сейчас проводим ее без срывов и переносов, с полным

охватом обучаемых. Только хорошо зная способности и возможности каждого из них, командиру взвода по-настоящему удастся интересно и поучительно провести занятие.

Хотелось бы поддержать тех офицеров, которые, говоря о путях повышения качества боевой учебы, отмечают, что поскольку многие темы (в частности, и по строевой подготовке) повторяются по периодам обучения, молодые сержанты еще не имеют твердых методических навыков в обучении, то не лучше ли иногда занятия с военнослужащими второго года службы проводить отдельно, скажем, заместителю командира взвода? Думается, в каждом конкретном случае командир роты должен подходить нестандартно к организации занятия. Надо учитывать все: и уровень подготовки командиров отделений, и призывной возраст солдат, и другие факторы, так или иначе влияющие на процесс обучения. Что же касается повторения учебных тем в разных периодах, то, мне думается, у командира роты достаточно возможностей, чтобы решать, что сегодня важнее изучать, какая проблема больше волнует. Но решать ее надо опять же с учетом подготовленности сержантского состава.

Капитан А. ЛОКТИОНОВ,
командир роты.

3. УЧИТЬ ПРАКТИЧЕСКИ

Говоря о путях командирского становления сержантов, нельзя обойти стороной инструкторско-методические занятия, как одну из важнейших форм учебно-воспитательной работы с ними в роте. Оно, кроме всего, позволяет руководителю лучше познать организаторские способности младших командиров, помочь им правильно и разумно руководить ими при обучении солдат. Поэтому напрасно некоторые руководители сводят эти занятия только к одному: указать (в лучшем случае — показать), что и как делать при отработке очередной темы. ИМЗ только тогда даст эффект и не превратится в пустую формальность, отнимающую драгоценное учебное время и у руководителя, и у его подчиненных, когда оно готовится заранее и тщательно.

В связи с перестройкой учебного процесса инструкторско-методическое занятие тоже претерпевает изменения, что нельзя не учитывать. Прежде всего это касается методических приемов. Например, если недавно наиболее распространенным был метод «рассказ—показ—тренировка», то сейчас сержанты обучают солдат, одновременно показывая тот или иной прием и требуя его точного повторения. Конечно, сперва в замедленном темпе, а затем быстрее и заканчивая контролем по нормативному времени.

Методические приемы разнообразны и в каждом конкретном случае наиболее выгоден какой-то один. Но какой? Найти и применить его — дело командира,

его личное творчество. Собственно говоря, этого требует и устав.

Изменяется и оснащенность инструкторско-методического занятия, что тоже естественно, поскольку в практику сержантов все активнее внедряются учебно-тренировочные карты, маршрутные карточки, опорные конспекты, новинки учебных приборов и т. п. Все это коренным образом меняет методику обучения, и не замечать этого, не перестраивать сержантов просто недопустимо. У командира отделения с внедрением новшеств остается больше времени на практическое действие. И мы стремимся использовать это обстоятельство с наибольшей пользой для сержантов.

Появились и другие особенности в проведении инструкторско-методических занятий. Я, к примеру, даю сержантам больше возможности оценивать действия товарищей, вносить предложения, уточнения. Обязательно вношу элементы игры.

Старший лейтенант А. КУЗНЕЦОВ.
*Оршанско-Хинганское Краснознаменное
Центральное УВВ.*

4. ПО САМОМУ СТРОГОМУ СЧЕТУ...

Сейчас сержантов часто упрекают в беззубости, в том, что утратили свой авторитет. Почему это происходит? Думаю, потому, что практически любую мелочь выполняют офицеры и прапорщики. Вот сержанты и теряют интерес к своему делу. Отдельные не ощущают поддержки и помощи со стороны офицеров. Кому не доводилось видеть такую картину: стоит

строй, и командир отчитывает сержанта на глазах подчиненных. О каком авторитете может идти речь?

Становление младших командиров во многом зависит от командира роты. Считаю, что мне в этом отношении повезло. Старший лейтенант Ю. Прохоров во всем опирается на младших командиров. Ставит конкретные задачи, разъясняет, как их лучше выполнить, контролирует выполнение. Именно помощь офицеров положительно сказалась на становлении не только моем, но и сержантов В. Пацюса, А. Люткуса, Ю. Сарычева.

Знаю, иному командиру безразлично, прочитал ли сержант статью в военной газете или журнале о младших командирах. У нас не так. Каждую публикацию офицеры стараются довести до младших командиров, а если она касается неуставных взаимоотношений, — то и до всего личного состава. Это вызывает живое обсуждение, помогает в работе с людьми.

О нашей роте говорят, что, мол, здесь изжиты неуставные взаимоотношения. Это не совсем так. Бывает, кто-то повысит голос на сослуживца, пытается переложить свою работу на другого. Эти негативные явления мы стараемся искоренить из своей среды. Когда полтора года назад роту лихорадило от неуставных взаимоотношений, командир прежде всего обратился к нам, сержантам, с просьбой помочь ему изжить «дедовщину».

Есть одна добрая традиция в нашей роте. Каждый увольняющийся в запас младший командир готовит себе замену. Считаю, что это правильный путь.

Старший сержант Б. АЙТХОЖИН,
заместитель командира взвода.
*Ордена Красной Звезды УВВ по
Северному Кавказу и Закавказью.*

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ЧЕМПИОНЫ... ДЛЯ ОТЧЕТА

Невеселые воспоминания у меня после лично-командного первенства УВВ по Северному Кавказу и Закавказью по пулевой стрельбе.

На всех уровнях твердим о массовости спорта, а число участников соревнований с каждым годом неуклонно сокращается. На этот раз по положению команда состояла из четырех участников, прежде же насчитывала двенадцать-пятнадцать. Причем к тренировкам в подготовительный период прив-

лекалось гораздо больше людей, проводились контрольные стрельбы. Брали лучших. Одним словом, шло соперничество за право защищать честь своего коллектива.

Или еще пример. Солдатом я служил в войсках по Украинской ССР и Молдавской ССР. Тогда на подобные мероприятия каждая команда должна была выставить двух или трех молодых воинов. Я был одним из них. Сейчас такого нет. И зря.

Программу первенства, о котором идет речь, сократили до минимума. А итоги? Они никак не соответствуют рангу соревнований. Даже чемпионы не выполнили норматив первого спортивного разряда, хотя у иных на груди красуется значок «Мастер спорта СССР». Считаю, прошло первенство для галочки в отчете.

Прапорщик К. ЦАБОЛОВ,
контролер, мастер спорта
международного класса.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Он стоял в знакомом до последней амьнтины на стене помещении клуба части и, не мигая, смотрел на сцену. Сколько раз вот так из зала смотрел он сюда, в президиум собрания или на экран, когда показывались фильмы для его солдат. В последний раз здесь проходило собрание офицеров части, и командир тепло благодарил его, командира взвода связки, за добросовестный труд.

Но сегодня на сцене суровые лица, с отрешенными взглядами куда-то сквозь тебя — прокурор, судья, заседатели военного трибунала. Ровный, без интонаций голос бесстрастно, невыразительно и грохочуще-обвалено тянет нить слов: «Именем Союза Советских Социалистических Республик...»

Последняя надежда вспыхнула в душе лейтенанта Дмитрия Гладкова и замерла в ожидании. «...Приговаривается к трем годам лишения свободы с использованием на стройках народного хозяйства...» — все так же бесчувственно объявил судья.

«Все! — пронеслось в сознании лейтенанта. — Все пропало!»

«Если бы я знал, что так получится!» — выдавил он из себя, оглядываясь, в поисках поддержки окружающих. Но никто не посмотрел в его глаза сочувственно: опустили головы подчиненные солдаты, сержанты, присутствующие в зале, никто не решился послать ему ободряющий, дружеский взгляд. Вся жизнь его сминалась и становилась никчемной, невозможной. Еще вчера он — перспективный офицер, командир хорошего, надежного взвода, студент-заочник института связи, рационализатор и вообще любимец части, а сегодня — осужденный, преступник. Значит, уже не офицер, не комсомолец. Никто. Он боялся назвать себя этим, так часто употребляемым в нашей среде словом: осужденный. Презрение, падение, гнусность какая-то выглядывали из-за этого слова — осужденный! Можно ли все это пережить, можно ли просто осмыслить все это?

Что же случилось с лейтенантом Дмитрием Николаевичем Гладковым? Как он оказался преступником? Прежде чем ответить на этот вопрос, послушаем все-таки его сослуживцев, тех, кто знает бывшего лейтенанта по службе и в жизни.

Капитан Н. КАРИМОВ, бывший командир роты (ныне служит в органах МВД): лейтенант Гладков принял взвод год назад. Взвод был не лучший, хромала дисциплина, боевая подготовка. Но он взялся за работу с увлечением, даже самоотверженно. Часов на службе не считал, все время

с солдатами. И вскоре взвод как переменяли, все показатели пошли в гору. Солдаты его полюбили за справедливую требовательность и душевную теплоту.

Ефрейтор СЕРГЕЙ ВЛАСОВ: лейтенант Гладков настоящей офицер, он нас учил военному делу и заботился, как командир. Мы все брали с него пример.

Ефрейтор ГРИГОРИЙ ТАТКАЛОВ: командир взвода справедливый человек, любой солдат мог с ним говорить откровенно. Он не позволял «старичкам» заноситься перед молодыми, отмечал тех, кто хорошо служит. После того, как он пришел во взвод, мы сразу почувствовали, что такое воинский коллектив, солдатская дружба.

Хорошего мнения о лейтенанте Гладкове и командир части, и начальник политотдела. Все они отмечали его трудолюбие и профессионализм, близость к подчиненным, стремление сплотить взвод и вывести его в передовые.

И вот — скамья подсудимых, суровый приговор. А случилось все так. В тот день командир взвода должен был проводить занятия с подчиненными. По физической подготовке предстояло заниматься гимнастикой. Упражнение на перекладине было новым для многих солдат: подъем переворотом. Лейтенант Гладков учитывал это, и еще когда готовил конспект к занятиям, подумал, что неплохо бы провести со всеми подготовительное упражнение. Он вспомнил, как еще на гражданке, когда он занимался в спортивной секции, ему показывали такое упражнение, имитирующее переворот вокруг перекладины: два человека обхватывали третьего руками крест-накрест вокруг туловища на уровне поясицы и по команде переворачивали его вокруг оси. Человек получал представление о тех ощущениях, которые встретит во время переворота на перекладине. Это упражнение он и решил включить в подготовительную часть занятия.

Занятия проходили в казарме, рядом с перекладиной. Объявив цель занятия и учебные вопросы, лейтенант Гладков вызвал из строя ефрейтора Чернявского и показал, как они будут страховать выполняющих подготовительное упражнение.

— Ну, кто смелый? — спросил он, закончив объяснения. Первым в строю стоял рядовой Ганзевич, он без сомнений пошел к лейтенанту и ефрейтору Чернявскому. Те крепко обхватили его руками.

— Ну, теперь по команде толчок ногами и — переворот назад! — сказал Гладков. Ганзевич оттолкнулся и, легко сделав переворот, плотно стал на бетонный пол.

— Следующий! — командовал лейтенант.

Но следующий, ефрейтор Власов, побоялся.

— Ладно, — согласился лейтенант, — кто боится — в сторону. И тут наступил черед рядового Уголькова (назовем его так). Он вышел на упражнение с улыбкой, скрывающей робость.

— Оттолкнись, откинь голову назад — и все пойдет, — ободрил его лейтенант.

Крепкие руки офицера и ефрейтора обхватили Уголькова, по команде он пружинисто оттолкнулся от пола. Толчок получился сильным, так что, и перевернувшись, его тело продолжало движение в закруте, и руки страхующих уже не могли справиться с нагрузкой...

Угольков упал на спину, ударившись головой о бетонный пол. Он скончался, не приходя в сознание...

Несчастный случай?

Поначалу это так и было расценено в части. Мало ли что бывает на службе, рассуждали некоторые. Она у нас боевая, значит, как в бою, не миновать потерь.

Что же, такие рассуждения, хотя и неофициальные, но прижились в нашей среде, особенно там, где на службе происходят еще несчастные случаи, гибель военнослужащих. Как ее объяснишь себе, родственникам погибшего, как правило, молодого человека, его сослуживцам? Проще всего — списав на несчастный случай. За ним, как за стеной, никто не различит личной ответственности командира, начальника, не упрекнет в том, что несчастный случай можно было предотвратить.

Кстати, расследования их чаще всего приводят именно к такому выводу: предотвратить происшествие порой чрезвычайно просто. Но для этого в командире постоянно должна жить тревога за судьбу подчиненного. Эта тревога побуждает его предусматривать все опасности, которые могут возникнуть для солдата в любом деле, поручаемом командиром.

Бушевала ли эта тревога в душе лейтенанта Гладкова? Да, говорил он, мои солдаты работают со сложной аппаратурой. Высокое напряжение тока, под которым она находится, опасно для жизни. Здесь нужно особое внимание, отличное знание техники безопасности, постоянная осторожность.

И тут лейтенант Гладков был на высоте своего положения. Обучая солдат, работая с ними на узле связи, на радиостанциях, он требовал от них строжайшей дисциплинированности и предусмотрительности. Именно чувство ответственности за дело, жизнь и здоровье подчиненных побуждало его лично контролировать, точно ли выполняют они правила работы с техникой и аппаратурой. Оно заставляло его оставаться на службе в вечернее время, в минуты «напряженки» помогать подчиненным в деле, влиять личным примером на их сознание и поведение.

Но беда пришла к лейтенанту Гладкову с другой стороны. Вспомним его фразу: «Если бы я знал, что так получится!»

Погиб человек. Можно не говорить, как

болезненно это отразилось на семье погибшего солдата, на моральном духе взвода, на офицерском коллективе части, потерявшем своего не худшего офицера. Две неболевые потери, если можно так выразиться, понесла часть от неосторожности, халатности лейтенанта Гладкова.

И все-таки сожаления о погибшем солдате и сломленном офицере не должны заслонить от нас главного: неразвитости у некоторой части офицеров, особенно молодых, чувства ответственности за подчиненных, того самого главного качества, которое отличает офицера от человека любой другой профессии.

Большая власть дается ему над солдатом и сержантом. Не спасало на суде лейтенанта Гладкова робкое возражение, что он же не приказывал категорически никому выполнять это придуманное им упражнение: вот и ефрейтор Власов отказался, и ничего...

Нет, устав четко определяет, что командирское распоряжение, указание, команда — приказ, не выполнить который подчиненный не имеет права. Такова власть, данная командиру его положением начальника. Но эта самая власть предполагает и ответственность командира за каждый шаг, свой и подчиненного. Эта сторона как раз и остается порой в его сознании на втором плане, что и приводит к многочисленным еще осложнениям в войсковой жизни.

А причина одна: не было в части настоящей требовательности к офицерам, начальникам за законность, соответствие каждого их шага уставу, не было действенного контроля за ними. Иначе и командир роты, выступавший на суде свидетелем, и начальники рангом выше обязательно проконтролировали бы, как готовился лейтенант к занятиям, все ли предусмотрел, чтобы они прошли без происшествий. Но вот этой настороженности, которой требуем мы от лейтенантов, не было здесь и у более опытных и более ответственных офицеров.

Да только ли в этой части? Не так уж и редко поступают из войск донесения о происшествиях, в основе которых небрежное, халатное исполнение офицерами своих обязанностей, пресловутая безответственность. И ломаются судьбы, наступает час ответственности перед совестью и законом.

В штабах, политорганах скрупулезно изучают статистику этих «случаев», вычерчивают диаграммы, показывающие то рост, то падение кривой гибели и увечий солдат и сержантов на постах, занятиях, хозяйственных работах. Но уровень «небоевых потерь» из года в год приблизительно один и тот же. Что ж, может быть, можно согласиться с мнением, что эти потери неизбежны?

Не хочется, особенно если своими глазами увидишь неизбежное горе родителей рядового Уголькова, беспомощное отчаяние лейтенанта Гладкова и всех тех, кто проходит по этой печальной статистике.

Полковник В. ЛОСЕВ.

НЕПЛОХО ДЛЯ НАЧАЛА

ОТ ТОГО, НАСКОЛЬКО ВНИМАТЕЛЬНО ОТНЕСУТСЯ К СТАНОВЛЕНИЮ НОВИЧКОВ В КОЛЛЕКТИВЕ СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ, ВО МНОГОМ ЗАВИСИТ УСПЕШНОЕ ВТЯГИВАНИЕ ПЕРВОГОДКОВ В СЛУЖБУ.

■ Майор В. Мясников — политработник. Но не гнушается Василий Григорьевич выйти и на строевую. Рядом с таким офицером увереннее шаг рядового М. Чкадуа.

■ Нехитрое вроде бы дело — стрижка, а без помощи товарища и здесь не обойтись.

■ У старшего прапорщика Н. Русакова в роте образцовый старшинский порядок: подогнано обмундирование солдат, подшиваются свежие подворотнички, по-деловому проводится утренний осмотр...

У СЕМИ НЯНЕК...

СОЛДАТЫ ОКАЗАЛИСЬ БЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕПЛА И УЧАСТИЯ

«Мы сомневались: писать вам или нет, долго терпели, но, поняв, что командиры не могут ничего сделать, а в какой-то степени даже ухудшают наше положение, все же решились...»

Так начиналось письмо в редакцию журнала, которое, за малым исключением, подписали все подчиненные капитана С. Чудинова. Факт ложился к факту весомо, раз меренно. И каждый — полный горечи и боли: «Постельного белья не хватает; на каждого военнослужащего — одна простыня. Что такое ножные полотенца, прикроватные коврики, тапочки — не знаем. Продуктов нет. Мясо и свежая рыба кончились еще весной. Едим китайскую тушенку, где семьдесят процентов жира, и спинку минтая в томатном соусе. Питьевая вода с большим содержанием железа. Три раза по две недели не ели сливочного масла. Куда смотрит и чем занимается заместитель командира батальона по снабжению майор Ченцов!»

Письмо большое — больше десяти тетрадных страниц, мы еще будем цитировать его.

В СУРОВОМ и малообжитом краю дислоцируется подразделение. И хотя несколько лет назад здесь пролегла знаменитая Байкало-Амурская магистраль, появились железнодорожные станции и поселки, по-прежнему разделяют их десятки и даже сотни километров, между которыми — сопки, покрытые редколесьем. Трудностей много: не хватает жилья, рабочих мест, перебои со снабжением самым необходимым. Молока, например, люди не видят месяцами...

Вертолет завис над поселком, рядом с которым расположилась застава. Место выбрано удачно: иные гарнизоны в таких «медвежьих углах», а здесь рядом — клуб, почта, хлебопекарня. Но проблем хватает. Снабжение продуктами, пожалуй, основная. Офицеры тыла А. Пыленок, Л. Буковский и другие ссылаются на объективные причины. Например, на такую: летам тушенкой питались все подразделения, дислоцирующиеся на БАМе. Мясо и свежую рыбу

можно доставить на заставу только в специальном вагоне-раздатке, который арендован у железной дороги. Сейчас вагон на ремонте, а значит, нет возможности перевезти продукты в замороженном виде. Обращения же к руководству железной дороги остаются без ответа.

Да, подразделения очень часто выступают просителями. Роль, что и говорить, малоприятная. Но иного выхода нет: снабжение продуктами и эксплуатационными материалами зависит от железной дороги. Она же отмахивается от наших нужд — своих проблем хватает, тем более с переходом на хозрасчет и самоокупаемость. Или заключили договор с организацией Ресторгантаж. Та обязалась обслуживать холодильные установки на заставах, но долгое время мало чем помогает, ссылаясь на нехватку запчастей. Что такое вышедший из строя холодильник — объяснять не надо.

Все так. Но в письме ведь речь не только о «мясной и рыбной» проблеме. А как объяснить отсутствие на солдатских столах сливочного масла? Несколько дней вместо него людям выдавали гущенное молоко — такая замена предусмотрена. Но ведь остальное время ни масла, ни гущенки воины не получали, никаких объяснений тоже. Здесь на что ссылаться? На руководство железной дороги или какой-то другой организации?

Да, трудностей хватает. Застава — автономный городок. Кроме казарменного помещения здесь — склады, котельная, скважина, трансформаторная и насосно-канализационная станции, другие постройки. Одного угля требуется сотни тонн. А где взять людей, тем более тех, кто бы на должном уровне мог обслужить довольно сложное оборудование?

Вот почему любой начальник заставы заводит командиру отдельно дислоцированной конвойной роты. У того ИТК под боеком, администрация которой снимает многие проблемы. А здесь крутятся сам, помеси подчас ждать не приходится. Тем более учитывай особенности БАМе.

Какие особенности? «Магистраль века», как окрестили ее в свое время, после «золотого звена» и шумихи вокруг первого поезда оказалась в бездействии. Сначала рёбко, а затем все сильнее зазвучали тревожные нотки о положении дел на БАМе. Когда строили, размах был купеческим.

УСТАВ И МЫ

Сейчас же остро стала «проблема гвоздя», как пишут военнослужащие. Запчастей и стройматериалов не хватает, как и многого другого. Решить проблемы нелегко.

— О многом мы не знали,— скажет позднее с досадой сержант В. Субботин.— Ведь можно было объяснить...

Вот в чем парадокс. О том, как проходили выборы президента в США, личный состав знал. О событиях в Афганистане осведомлен. Чем живет край, солдатам в общем-то известно. Но что происходит в батальоне, порой понятия не имели. Тут информация «из курилки».

Природа не терпит пустоты. Всякое отсутствие информации пополняется слухами. Слухов полезных не бывает, только вредные.

Нужна гласность, только и всего. Обыкновенная информация. Всеобъемлющая, потому что глупо таить от людей то, что скрыть все равно невозможно. И своевременная, потому что грош цена информации, если она ковыляет позади событий, если обнародована, когда уже, как говорится, подопрет.

Но на заставе вместо серьезного разговора с людьми порой заигрывали. На свои вопросы они слышали: обязательно разберемся, несомненно поможем... А была ли уверенность в том, что все удастся сделать? Иные проблемы ведь с наскоку не решить. Да, пытались. Да, делали. Когда на заставе произошла неувязка с финансовыми документами, что не лучшим образом могло сказаться на личном составе, из части сразу же командировали специалиста, он разобрался, помог. Но все это было покрыто завесой молчания.

Военнослужащим приходилось лишь догадываться, почему офицеры за свои деньги покупали хлеб для личного состава. Связано же это было с определенными издержками в работе банка. Выход нашли: начальнику заставы предоставили право закупать хлеб за наличные. Счет, разумеется, позднее оплачивался. Как офицеры закупали хлеб, солдаты видели. Потому и написали, что их командиры «выкладывают свой заработок для того, чтобы купить нам хлеба». Благодарят даже за этот широкий жест. И зря. Ведь сами же начальники не успевали своевременно представлять необходимые документы.

Трудно объяснимы многие неувязки. А начались они вот с чего. Цитируем письмо: «Раньше застава не имела своего места. Жили надеждой, что скоро примем свой родной городок. Наконец, приняли... Мало-помалу стали налаживаться дисциплина, порядок. Но вдруг понадобилось нашим командирам... на заставу собрать вдвое больше народу».

Произошла явная несогласованность действий штаба и тыла. Ведь надо было сначала обеспечить заставу всем необходимым, а потом уже собирать людей. Заместитель командира части по тылу майор В. Первушин оказался не на высоте. Сказал так: «Моя вина, не смог заставить начальников служб разобраться с положением дел на заставе. Закрутился, превратился в «доставалу». В подразделениях бывал наскоком...»

Впрочем, офицер не только оправды-

вался. Засучив рукава, работал. Эх, так бы до письма в редакцию...

Когда прибыли люди, подчиненные капитана С. Чудинова встретили «чужаков» в штyki. Начались стычки, грубость по отношению друг к другу. А так как в подразделении собрали военнослужащих, что называется, с бору по сосенке, в их числе оказалось немало тех, от кого «избавились» на прежнем месте службы. Одним из первых затеял драку рядовой Н. Алиев. А был переведен он именно за рукоприкладство. Подобный случай не единичен.

Вновь прибывшие решили не пускать в общий оборот то, чем располагали. Позднее, когда появится письмо, проверили вещевые мешки одного подразделения и извлекли... пятьдесят простыней, кипу нательного белья. Но ведь каждый «тянул одеяло» в свою сторону: один — это наше, другие — мол, мы люди временные. Не только солдаты, но и офицеры пошли по ложному пути выяснения отношений. Появились нездоровые разговоры, пересуды. Подключены были даже жены, среди которых оказались довольно информированные. Нередки были высказывания: «А почему мы должны. На это есть...», и следовал кивок в сторону другого подразделения. И никто не подумал о том, что чужих солдат, как и дел, быть не должно. Их нет, а есть слабые, равнодушные командиры и начальники, которые не в силах подняться выше ситуации, настроения, посмотреть на себя со стороны, оценить по достоинству никемную суть раздоров и склок.

Вспышки раздражительности, неприязни друг к другу отнимали время и силы. Где же тут замечать отсутствие простыней или полотенец?

Или еще факты. Под библиотеку на заставе отвели комнату. С прибытием подразделения ее временно (ох уж это временно!) занял дежурный офицер. Зайдет солдат, наткнется на грубое: «Чего тебе?», повернется, уйдет. Потому и называли солдаты между собой эту прокуренную комнату «логовом». И с болью говорили, а позднее и написали в письме, что не читают книг. После вмешательства должностных лиц и помещение освободили, и книжный фондполнили. А ведь в батальоне несколько политработников. Тускловаты светили их комиссарские звезды.

Справедливы были требования солдат о том, чтобы фильмы им демонстрировали регулярно. Отмахивались: не подали вовремя заявку, не завезли фильм, сгорела дефицитная лампа... В качестве выхода из положения сами солдаты предлагали, чтобы им разрешили посещать поселковый клуб... В ответ — отказ. Причин никто не объяснял.

Вот и получается, что не у семи, а гораздо большего числа нянек дитя, то бишь солдаты, остались без самого необходимого.

— К сожалению, в батальоне оказалось немало верхоглядов, — сказал об увиденном на месте начальника тыла УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири полковник Г. Касьян. — Возомнили себя большими начальниками, посмотреть, есть ли у солдата простыня или портянки, считают

ниже своего достоинства. Трещина в отношениях между солдатами и офицерами здесь видна невооруженным глазом. И наша вина: недосмотрели при решении кадрового вопроса, собрали в батальоне тех, кто на прежнем месте службы характеризовался отрицательно.

Относительно верхоглядства можно продолжать. Ведь в подразделении мимо солдатских нужд проходили не только свои начальники. Проверяющих и контролирующих за последнее время было немало — офицеры В. Синявский, Н. Шаповал, В. Подлесный... Список можно продолжить. А результат? На свои требования солдаты, например, услышали от подполковника Н. Шаповала: «Жалуйтесь, кому хотите. Пишите хоть в Москву...» Военнослужащие не преминули воспользоваться советом.

Помните, у поэта: учились бы, на старших глядя... Вот и перенимают офицеры рангом поменьше кабинетный, далекий от людей, стиль работы. Солдаты работают, а их начальники — в канцелярии. Корпят над бумагами, разрабатывая очередную «методичку» индивидуальной работы или сочиняя очередной отчет в вышестоящие инстанции.

А ведь по их действиям люди судили о перестройке, о работе по-новому в войсках. И потихоньку теряли веру в справедливость, в добрые перемены.

Горько читать такие строки: «На занятиях командиры говорят о чести служить в войсках... С нас требуют очень многого, и прежде всего — воинской дисциплины и порядка. А о какой дисциплине может идти речь, если военнослужащие ищут после отбоя кровать, чтобы переночевать до утра».

Положа руку на сердце, спросим: кто слышал о подобном? А ведь «эпопея» с кроватями продолжалась не один день. Сейчас майор В. Первушин говорит, что это его вина, не проконтролировал, чтоб вовремя завезли кровати. И заместитель командира батальона по снабжению офицер С. Ченцов тоже разводит руками. Старая песня: не придал значения, забыл проверить, упустил из виду...

Люди не молчали. Говорили на комсомольском и партийном собраниях в подразделении, на комсомольском — в части. Их просьбы и претензии записывали. Если что-то и менялось в лучшую сторону, то ненадолго. Даже ухудшалось. Вот пример. Какой солдат не хочет иметь сильные мышцы, богатырскую стать? Воины по своей инициативе оборудовали для занятий атлетической гимнастикой комнату.

Довелось слышать от многих, что неложена она по проекту, да и помещение солдаты подобрали не самое удачное. А события дальше развивались так: командир батальона подполковник Ю. Мулгачев распорядился комнату освободить, обещая со временем подыскать другую. Но... слова офицера повисли в воздухе.

Сейчас найдено более просторное помещение. Но опять нужен был толчок сверху.

Письмо воинов сдвинуло с места еще одну, казалось бы, неразрешимую проблему. Вода здешняя, как указывалось в письме, с большим содержанием железа, а если проще — с отталкивающим вкусом. Сейчас растормошили всех. Командир части пообещал, что станция специальной очистки воды войдет в строй в самое ближайшее время.

Да, служба в этих местах особенно напряженная, суровая. Не умеет она считаться ни с ночами, ни с праздниками. Справедливы сетования офицеров: тянешь ляжку, жизни настоящей не видишь. Наверное, есть правда в этих словах. Надо и то, и другое. Но ведь не зря говорят: любовь дело, которое дорого. И если делаешь дело на совесть, если душа болит, когда у солдата, твоего боевого товарища, нет самого необходимого, то забудешь и про свой отдых, и про свои невзгоды.

Именно таким отношением к подчиненным отличаются капитан Г. Шарин, политработник С. Гапонов и другие. Заставы, где они служат, находятся, пожалуй, в худшем положении, чем та, о которой идет речь. Но вот отношение офицеров к подчиненным здесь другое: нет равнодушия, черствости, безразличия.

...

ФАКТАМ, изложенным в письме военнослужащих, дана принципиальная оценка в приказе по войскам Дальнего Востока и Восточной Сибири. На некоторых офицеров наложены дисциплинарные взыскания. Строго спросили с коммунистов-руководителей и в партийном порядке.

Но дело не только в наказаниях. По письму приняты действенные меры. И повеселели люди, в них исчезла скованность, недоверие к словам командиров и начальников. Что положительно — никаких «орывыводов» по отношению к авторам письма не было. К слову, они и фамилий своих не скрывали. Правда, одному из офицеров сказали так: «Вот вы уедете, а у нас все пойдет по-старому». Так что главное сейчас — не подорвать у людей веру в добрые перемены.

Майор В. ГОНДУСОВ.

УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ БАТАЛЬОН

СОЛДАТ ПОД КОНВОЕМ

Кто они, носители неуставных взаимоотношений, что толкает человека на преступление? Ответы на эти вопросы я решил найти у самих бывших военнослужащих, отбывающих наказание в дисциплинарной части.

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ЧАСТЬ, особая воинская часть [батальон, рота], предназначенная для отбывания наказания осужденными военнослужащими... Отбывание наказания... имеет целью исправление и перевоспитание осужденного в духе честного отношения к службе, труду, исполнения законов, требований воинской дисциплины [Военный энциклопедический словарь. — М.: Воениздат, 1983].

Внешне военный городок дисциплинарного батальона почти ничем не отличается от городка обычной воинской части. Лишь постовые вышки с часами над высоким железобетонным забором напоминают, что здесь содержится под охраной осужденные. Массивные металлические ворота тяжело, будто нехотя, откирываются. Сначала показываются конвейерные с автоматами, а уже за ними, выдерживая дистанцию в несколько шагов, почти строевым шагом выходит рота. Потупленные, настороженные взгляды. Все пострижены под «нулевку», отчего кажутся только что прибывшими из военкоматов. На куртках — почти одного с ними фона защитные погоны.

Метет поземка. Нахрилившиеся осужденные зябко поводят плечами. Сержант, идущий сбоку колонны, требует поднять ногу, и солдатские сапоги гулко стучат по заснеженному асфальту.

— На стройку повели, — поясняет мне командир дисбата подполковник С. Петрик. — Строим гарнизонную пекарню.

В должности комбата Степан Васильевич чуть больше полугода. До этого был начальником штаба мотострелкового полка. Все офицеры дисбата раньше служили в войсках, здесь не встретишь лейтенанта, тем более в чем-то проштрафившегося офицера — должности в дисбате на ранг выше, чем в линейных частях.

Сержанты и солдаты постоянного состава живут, служат, учатся и питаются отдельно от осужденных, чьи казармы окружены несколькими рядами колючей проволоки, находящаяся под недремлющим оком охранной сигнализации.

В углу просторного кабинета командира дисбата — большой телевизор. Степан Васильевич нажимает кнопку на пульте, находящемся на приставном столике, и на экране возникает строевой плац.

— Такая же установка есть и у дежурного по части, — рассказывает подполковник. Потом нажимает другую кнопку, и мы видим столовую, где идет сервировка столов к обеду. Снова нажатие кнопки, и на экране — вход в клуб, где двое осужденных усердно метут асфальт. Закончив уборку, они берут метлы «на плечо», один становится в затылок другому, и строевым шагом идут в казарму — здесь все передвижения только строем. Своей чистотой и обустроенностью военный городок может поспорить с образцовыми учебными частями — настолько территория, каждое помещение вычищены, ухожены.

— Внешний лоск осужденные поддерживают, — говорит подполковник Петрик. — Вы не услышите ни единого пререкания с сержантами, не увидите попытки нарушить распорядок дня — каждое нарушение строго пресекается. Но вот взаимоотношения между самими осужденными очень сложные.

...Мне вспомнился разговор с военным прокурором местного гарнизона подполковником юстиции С. Полудневичем, с которым я встретился до приезда в дисбат. Сергей Яковлевич тоже сетовал на нездоровую обстановку среди осужденных —

СЕРЬЕЗНУЮ ОЗАБОЧЕННОСТЬ ВЫЗЫВАЮТ ФАКТЫ... НЕУСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ...

Из постановления Политбюро ЦК КПСС,
Правда, — 1988. — 14 октября.

бывших военнослужащих. Назвал и некоторые причины. Это — недели, а нередко и месяцы пребывания подследственных военнослужащих в следственных изоляторах, где они знакомятся с негласными тюремными «законами». Это — направление в дисбат ранее судимых молодых людей, которые, проходя службу в строительных частях, совершили новые, теперь уже воинские, преступления. Наконец, в дисбат солдат или сержант попадает не сразу — с ним, как правило, долго возятся командиры и политработники, воспитывают, наказывают, пока он не совершит преступление. Короче, дисбат представляет собой что-то вроде отстойника для армии.

Обрисовав такую мрачную, но, увы, правдивую картину, военный прокурор добавил: «Тем, кто служил во внутренних войсках, труднее, чем остальным. Почему! Потому что тот, кто побывал в СИЗО или ИТК, предвзято относится к людям, причастным к правоохранительным органам. Да и сам я, когда прихожу в дисбат, чувствую на себе косые взгляды».

Из кабинета командира дисбата мы выходим вместе с майором Н. Чепелевым, Пропагандист части, он вызвался показать, как живут осужденные. Солдат из постоянного состава отпирает поочередно одну за другой двери КПП, зарешеченные металлическим прутом. На стенах — правила проведения свиданий с родственниками (одно в месяц, продолжительность не более четырех часов), получения посылок (не более одной в месяц), перечня запрещений (денежные переводы не принимаются, осужденный лишается свидания за нарушение дисциплины, к осужденному могут применяться различные виды наказаний, в том числе содержание сроком до 15 суток на гауптвахте, где камеры только одиночные и т. д., и т. д.).

Навстречу нам попадают двое осужденных, несущих из столовой бачок с отходами. Они вытягиваются по строевой стойке, представляют поочередно: «Рядовой переменного состава» и называют себя. На груди, с левой стороны куртки, белые нашивки с указанием порядковых номеров роты и взвода и фамилии. Здесь не услышишь обращения к ним «товарищ», не увидишь на кителе нагрудный знак или комсомольский значок — осужденные лишены знаков солдатской доблести, исключены из комсомола.

На кухне нам представил сержант — дежурный по столовой. Помещение, рассчитанное на одновременный прием пищи несколькими сотнями человек, обслуживает довольно многочисленный наряд. Но им легко управляет один-единственный сержант: его слово — закон для каждого, дважды приказание он не отдает.

Все повара — расконвоированные осужденные. По тому, как они вытягиваются перед подходящим сержантом, понимаешь, насколько эти люди дорожат своей привилегией — иметь пропуск на самостоятельное передвижение по территории дисбата.

Тут, полагаю, уместно будет познакомить читателей с системой поощрения осужденных. После отбывания одной трети срока наказания, разумеется, при безупречном поведении, осужденный может получить право на бесконвойное передвижение в пределах городка. Следующий этап — зачисление в разряд исправляющихся. И самое желанное — после отбывания половины срока наказания заслужить от командира части ходатайство об условно-досрочном освобождении (УДО), которое рассматривает военный трибунал.

Однако путь к УДО, к сожалению, не всем под силу. Восемь часов ежедневной работы преимущественно на строительных объектах, продолжительная строевая подготовка, восьмичасовые занятия по боевой и политической подготовке по субботам, непрерывное поддержание внутреннего порядка, постоянное ощущение, что ты находишься в замкнутом пространстве под вооруженной охраной, натянутые во взаимоотношениях осужденных — все это надо стойко перенести, нельзя позволить себе расслабиться и сломаться. И не так уж редко здесь случаются, когда «рядовой переменного состава» снова преступает закон и оказывается в ИТК. Не хочу, чтобы кто-то посчитал, что дисбат — это безысходность, тупик судьбы. Дисбат дает каждому шанс подняться, вновь стать тем, кем он был раньше. Не случайно дисбат не создает судимости, не оставляет на человеке «родимого пятна» преступника. И подавляющее большинство дисбатовцев возвращаются в свои части. Возвращаются, чтобы дослужить полный солдатский (матросский) срок.

«КАК ТЫ МОГ, СЫНОК?»

Каждой среде людей присущ свой юмор. В дисбате он мрачен, даже в чем-то антигуманен. Рассматривая сатирическую стенгазету первой дисроты, я в первое мгновение даже опешил: неужели над таким можно остеречь? На рисунке был изображен осужденный с обрывком веревки на шее. Оказывается, тот паренек надломился, решил покончить с собой, но ему помешали...

Понятно, молодости присущ эгоизм, но чтобы предметом высмеивания стала трагедия человека — такое возможно только среди людей с травмированной нравственностью. Ожесточенность на якобы чрезмерно строгое (к тому же, по мнению некоторых осужденных, несправедливое) решение военного трибунала, страх перед наказанием за малейший проступок — все это накладывает тяжелый отпечаток на сознание и поведение бывшего военнослужащего, вымывает из характера тепло человеческих отношений. И, разумеется, уже этим дисбат страшен, о чем неоднократно упоминали в разговоре со мной бывшие военнослужащие внутренних войск.

Их, кто еще недавно носил на погонах буквы «ВВ», в дисбате около двух десятков, все служили в частях, дислоцирующихся в Московском военном округе. Более половины из них оштрафованы за нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Побеседовал с каждым из них, убедился, что все [за исключением, кажется, одного, о котором речь пойдет ниже] рассказывается в содеянном, почти у каждого с уст срывалась фраза: «Знал бы, что такое дисбат...»

О существовании дисбата все они знали и прежде, служа в войсках. Знали от командиров и политработников, от своих же товарищей, когда те на общих или комсомольских собраниях, а то и просто в курилке предостерегали их, чтобы от дисциплинарных проступков не сойти на уголовный путь. Предостерегали, но не помогло. Почему? Расспрашиваю об этом «рядовых переменного состава».

Андрей В. (фамилию он просил не называть — об его осуждении не знают доармейские друзья, соседи) немногословен: «Не знаю, что меня толкнуло ударить солдата... Наверное, расслабился — до моего увольнения оставалось семь дней...»

Шел двадцать шестой месяц службы рядового В., когда ему, опытному солдату, однажды поручили вести взвод в столовую. Объявили построение. Одного солдата не оказалось в строю. Андрей нашел его в курилке и... ударил, нанеся травму. Военный трибунал осудил его на 2 года.

— Десятый месяц я здесь, — тяжело вздыхает Андрей. — Недавно меня перевели в разряд исправляющихся... Сначала было нестерпимо трудно. И физически, и морально. Обзывали «взвешником» и тому подобное. Сейчас немного притерся. Вспоминаю по ночам свою часть. Переписываюсь со старшиной роты старшим прапорщиком Цукерником, Николай Михайлович поддерживает меня в письмах... И свои годы жалко, и особенно родителей. Как вспомню глаза матери, когда она приезжала на свидание, дрожь бежит по телу, — высокий, крепко сложенный, Андрей мнет ладонями шапку, говорит чуть заикаясь — нелегко пересказывать свои беды.

В отличие от него Александр Кочуков находится в дисбате меньше месяца. На втором году своей службы он также избил молодого солдата. «Хотел как лучше, — пытается оправдаться он. — Мы с ним делали уборку, я ему сделал одно замечание за плохую работу, второе, ну и не выдержал».

Спрашиваю его о дисбате. Он зябко поводит шуплыми плечами, будто от мороза, признается: «С работой справляюсь, но два часа строевой подготовки — это...» — без пояснений понятно, что значит часами шагать по продуваемому метельными ветрами строевому плацу. После долгой паузы он уже другим тоном восклицает:

— Я готов землю руками рыть, лишь бы досрочно выпустили отсюда!

Почти год отбывает наказание в дисбате Разикул Туракулов. Он также, по его словам, «хотел установить справедливость», избив молодого сослуживца. У Разикула свои заботы: отец на пенсии, в семье де-

вять детей. «Каково старшему брату без меня, — огорчается бывший солдат, — он хотел приехать ко мне на свидание, а я ему написал: не трать деньги на дорогу, лучше купи сестренкам новую школьную форму...»

А вот Гусейн Дадиллов, похоже по всему, едва ли раскаивается в совершенном преступлении. На три года лишил его свободы военный трибунал. Более десяти человек показали на следствии, что Дадиллов избивал их. «Я признался, что серьезно тронул только двоих, — говорит он, — а остальные — так, ишаки молодые, их надо было учить, — кривая ухмылка трогает его губы. — Просто родители их стали жаловаться, писать, вот я и оказался крайний». Однако следователь военной прокуратуры пришел к выводу: Дадиллов не «крайний», а казарменный хулиган.

...По-разному оценивают бывшие солдаты свои преступные деяния, хотя в одном их рассуждения схожи: «хотел, как лучше; надо было привести в порядок молодого». И приводили, сами себе присваивая права унижать, оскорблять, избивать сослуживца. И заметьте: в момент совершения преступлений рядом не было ни сержантов, ни других сослуживцев, кто одернул бы зарвавшегося «старика» или хотя бы укорил его словом. Более того, в тех подразделениях, где служили нынешние осужденные, сложились обстановка, когда с молчаливого одобрения некоторых офицеров и, главным образом, сержантов солдаты второго года службы возлагали на себя права «учить и воспитывать молодых». В итоге утверждалась «дедовщина».

Спрашиваю Андрея В.: «А если бы вас кто-нибудь остановил, когда замахнулись на молодого солдата?»

Он с минуту молчал, представляя, вероятно, как бы это произошло в жизни. Потом горько улыбнулся:

— Если бы такой человек нашелся!.. Конечно, сдержался бы. Я, честно говоря, здесь, в дисбате на себе почувствовал, что значит унижение.

Не только он, но и Геннадий Бурлаченко лишь в дисбате начал понимать, что ощущает молодой солдат, когда унижают его человеческое достоинство. Вот как об этом, в кратком пересказе, говорит сам Бурлаченко...

Прослужил полтора года. Обслуживал котельную части. Не тяготился, с работой управлялся неплохо. Примерно за полгода мне дали молодого напарника: «Учите его кочегарскому делу». Как-то мы с ним красили помещение котельной. Вижу, он ленится, сделал ему замечание, а он сломал малярную щетку. Ну, я не выдержал, ударил его... Во второй раз я отдал ему ключи от входной двери, сказал: «Убери кочегарку, а ключи после верни мне». Он убрал, но ключи отдал прапорщику... Пришлось еще раз стукнуть его...

Вот как, оказывается, расценивает свое «наставничество» Бурлаченко! Будто исходя только из благих намерений, в интересах службы прикладывал он руку к молодому напарнику. И — ни слова осуждения своего преступного деяния!

Но о своих лишениях и трудностях, с которыми он встретился за десять дней пребывания в дисбате, рассказывает с интонацией глубоко обиженного человека:

— Никому я здесь не нужен, никому до меня нет дела. Обзывают «легавым взвешником».

— Тяжело здесь? — спрашиваю его, памятуя бравадные слова Дадилова: «Трудностей дисбата не боюсь. Жить можно».

— Очень, — отвечает он, и глаза его влажнеют.

— Притесняют?

Он мнетя, мотает головой:

— Нет... Но ко мне все относятся плохо, — и тут он уже не в силах сдерживать слезы. — Я обязательно подам на пересуд, иначе не выдержу...

Мне хотелось напомнить Геннадию, что в свое время он издевался над молодым сослуживцем, но сдержался — упрек неуместен в такой ситуации, ибо лежачего не бьют.

Но вообще самооценка осужденными военнослужащими своих же преступлений меняется по прошествии времени. В первые недели это — озлобление, неверие в справедливость приговора, угнетенность от мысли, что жизнь твоя кончена. Затем, когда эмоции поулягутся, когда человек как бы со стороны посмотрит на содеянное им, тогда перед ним встают вопросы: «Как я мог совершить такое! Почему не внял наказам отца и матери, внушениям командиров и сослуживцев!» И, наконец, наступает такой момент, когда человек осуждает себя, рассказывает. Тогда преступивший закон осознанно добивается цели — искупить вину честным трудом, добросовестным поведением в дисциплинарной части. Однако, как ни огорчительно, кое-кто из осужденных не дорастает до последней стадии, а значит, срок не всегда, что называется, идет впрок.

— Мы, — делится своими мыслями подполковник Петрик, — учитываем эти особенности в своей работе. Хотя перед нами немало трудностей, прежде всего, это незнание офицерами — а все они приходят из линейных частей — тонкостей и специфики воспитания осужденных. На сей счет нет ни учебных пособий, ни иных методических материалов... Вот сейчас перед нами стоит архиважная задача — оздоровить обстановку среди осужденных, выбить из них так называемый тюремный духок, чтобы создать атмосферу, максимально способствующую исправлению и перевоспитанию людей. Уверен, своей цели достигнем. Сейчас у нас значительно обновлен офицерский состав...

Вечереет. Мы выходим из спального помещения. Кровати здесь одноярусные. У входа — столик со стопкой общевоинских уставов, которые осужденные студируют от корки до корки, чтобы впрде не отступать от них и не ссылаться на незнание тех или иных статей. У двери — несколько пар самодельных шлепанцев на деревянном ходу: осужденные снимают здесь сапоги, чтобы не заносить пыль и грязь туда, где спят.

В военном городке пусто, если не считать двух человек, они сметают с газонов снег с таким усердием, что видны пожухлые стебли травы.

Слушаю командира дисбата, радуюсь в душе его энергичности, с которой он приступил к новой своей должности, и одновременно пытаюсь определить социальную подоплеку преступлений, совершенных бывшими военнослужащими внутренних войск. Да, очень и очень не просто будет офицерскому и партийному коллективам дисбата убить бациллы неуставных взаимоотношений среди рядовых переменного состава. Ведь армия — сколок общества. И истоки «дедовщины» кроются в болезни общества. Конечно, «дедовщина» наказуема, даже жестоко наказуема, что я пытался показать в описаниях уклада дисбата. И все же надо смотреть глубже, в корень: гены рабской крови, переданные нам предыдущими поколениями, многолетие бесправия и репрессий выпестовали модель «подчиненный — начальник». Вот и, оказавшись благодаря стечению обстоятельств в невольной роли начальника (одному солдату поручили вести в столовую строй таких же солдат; второй был поставлен «наставником» молодого; третий, видя молчаливое одобрение со стороны командиров, кулаками «поучал» солдат более позднего призыва), военнослужащие перешли грань, отделяющую «наставничество» от уголовщины. Как тут не воскликнуть: «Командиры! Перекладывая бразды правления отделениями, взводами и ротами на «бывалых» солдат, вы утверждаете «дедовщину». Сомневаетесь! Тогда приезжайте в этот дисбат, полистайте «дела» ваших бывших подчиненных, поговорите с ними самими, с военными юристами — и вы поймете, насколько велика ваша вина.

И возникает вопрос: так что же, с неуставными взаимоотношениями в армии бороться не под силу, коль они срдно болезням общества? Нет, под силу. Только эта сила тогда станет боееспособной, когда в нее внесет свою лепту каждый из нас. Каждый, без исключения.

— Жаль, что не все офицеры по-настоящему понимают, насколько страшна «дедовщина» и как глубоки ее корни, — словно угадав мои мысли, говорит подполковник Петрик. — Немало таких, кто полагает: если отдал подчиненного под трибунал, значит, избавился от болезни. А ведь даже дисбат не всех ставит на путь истинный, и когда несправившийся солдат вновь вернется в свой полк, то зараза может снова появиться.

— А какие связи есть между осужденными и теми частями, где они служили?

— Вот в том-то и беда, что почти никаких. Неужели офицер, чей подчиненный совершил преступление, не видит и своих промашек? Пусть и в разной мере, но каждый из нас должен ощущать и свою долю вины, которая привела человека на скамью подсудимых. Больше того: некоторые офицеры даже оправдывают то, что их подчиненный осужден, своей требовательностью (по-моему, она должна быть в кавычках) или изъятиями общественных отноше-

ний. Потому, наверное, не хотят вспоминать, что их солдат или сержант находится в дисбате.

Конечно, те же неуставные взаимоотношения в армии легче всего объяснить деформациями, произошедшими в стране за годы культуры личности и в застойный период. Но разве беды общества — не наши с вами беды! И наши тоже. Следовательно, нам, офицерам, нельзя быть сторонними наблюдателями процессов обновления, оздоровления общественного уклада. И надо использовать любую возможность для того, чтобы напрочь отсечь «дедовщину» от здорового тела войск. Разумеется, всякую операцию удобнее и эффективнее делать, когда «препарировемый» объект находится, что называется, под рукой. Потому и извращения уставов легче искоренить в самих подразделениях, частях. Однако было бы неправильным забывать о людях, оказавшихся в дисциплинарных частях. Наконец, просто безразлично выбрасывать из памяти тех, кто еще недавно стоял с тобой в одном строю, назывался твоим однополчанином.

И с огорчением приходится констати-

вать: даже здесь, в дисбате, бывшие военнотруженики оказались забытыми своими командирами. Ни один из осужденных, с кем я встречался, за исключением Андрея В., не получает писем от своих бывших наставников. И потому люди чувствуют себя чем-то вроде отрезанного ломтя, хотя каждый с радостью получил бы весточку из воинского коллектива, в котором начинал службу и где будет ее заканчивать. Неужели так прочна стена равнодушия, что офицеры и не пытаются пробить в ней брешь! Но пробивать-то надо! Да и негоже забывать слова известного педагога: «Трудный подросток — это тот, которого предали взрослые».

...Проходим через КПП. За нами звучно щелкают запоры. Возле окна стоит женщина с большой дорожной сумкой — приехала на свидание с сыном. Она прикинула к стеклу: в зону возвращались с работы осужденные. Не знаю, что творилось в душе этой матери, какой болью сжимало ее сердце, но глаза ее с горечью спрашивали: «Как ты мог, сынок?..»

Полковник В. УСКОВ.

Нет конца бумагам...

В казарме было тихо, когда я туда вошел. Одни солдаты отдыхали перед заступлением в караул, другие занимались кто чем. Я направился в канцелярию роты. Там сидел рядовой Н. Малько и переписывал с одной страницы тетради на другую какой-то текст, как выяснилось, «План инструктажа актива караула, заступающего на боевую службу». Переписывал слово в слово, запятую в запятую, лишь даты менял и фамилии.

Этот документ, сотворенный солдатской рукой, подписывает заместитель командира роты по политической части, в данном случае капитан Н. Афанасьев, и утверждает командир роты. Причем он это «делает» даже тогда, когда находится в командировке или в отпуске.

И вот таким бессмысленным, бесполезным текстом заполнена толстая красивая тетрадь. Ясно, что этим планом замполит не пользуется и никому он не нужен. Впрочем, нужен — проверяющему офицеру. По инструкции план положен,

значит, вынь да положи его перед ним.

«Болезнь», оставшаяся в войсках с времен застоя, пока продолжается: офицеры обременены писаниной, отчетами, конспектами.

Я далек от мысли, что не нужны все планы и конспекты. Некоторые из них действительно необходимы, но не в таком, полагаю, количестве. Взять, например, политработника роты. Сколько ежедневно ему приходится писать! Ведь на его попечении чуть ли не десяток разных планов и учетов: партийно-политической работы, всяких инструктажей актива, личные планы на день, неделю, месяц, конспекты занятий, выступлений перед личным составом, планы проведения культурно-массовых и спортивных мероприятий в предвыходные и выходные дни, дневник индивидуальной воспитательной работы... Кажется, все или что-то пропустил! Да! На контроле у политработника партийное и комсомольское хозяйство, работа совета ленинской комнаты, женсо-

вета, совета прапорщиков и военнотружеников сверхсрочной службы. Чтобы «перемолотить» такую лавину документов, нужно время, а его и так не хватает для встреч с людьми.

Аналогичная ситуация и у командиров взводов, рот. Вот и занимается ежедневно целая армия офицеров «рукопашным боем» с конспектами, планами, инструкциями... Сколько бумаги уходит впустую! Вот где резерв времени и сил.

Рота, в которой политработником капитан Афанасьев, на итоговых занятиях получила удовлетворительную оценку. Ему бы вплотную заняться за повышение качества учебы и воспитания воинов, но держат у стола бумаги. К тому же на какое-то время Афанасьев остался за командира роты. Не удивительно, что я застал его в кабинете, корпящим над какими-то бумагами. Но сам он не за всем поспевал. Вот и попросил рядового Малько переписать «План инструктажа...» Подумалось: с какими чувствами к армии он уволится в запас! Будет помнить ее как большую канцелярию!

Капитан Ю. ГЕРАСИМОВ,
Орден Красной Звезды
УВВпо Северо-Западу
и Прибалтике.

125

Всякий раз после отчетов и выборов в организациях ВЛКСМ в частях и соединениях проводятся двух-трехдневные сборы и семинары с вновь избранными активистами. Как сделать их учебу интенсивнее, получить больший эффект от каждого часа занятий? — эти вопросы волнуют многих комсомольских руководителей.

На недавней научно-практической конференции, посвященной 70-летию ВЛКСМ, свое мнение по этому вопросу высказал капитан М. Кибакин. Оно вызвало живой интерес, хотя, разумеется, и не бесспорно. Поэтому, приглашая Михаила поделиться накопленным опытом на страницах журнала, мы рассчитываем на заинтересованные отклики читателей и прежде всего деловые, конструктивные предложения.

Метод «погружения»

ДАЖЕ по самым скромным моим подсчетам, чтобы сегодня «довести до ума» группкомсорга, надо заниматься с ним минимум 22 часа. С секретарем комсомольской организации — вдвое больше. С комсомольскими работниками частей — около восьмидесяти часов. А со временем, как всегда, туго. Выбираю вроде бы самое основное, но все равно удовлетворения от занятий нет, а главное — нет уверенности в глубине приобретаемых людьми знаний (о прочности навыков тут и говорить не приходится). Правда, была у нас мысль параллельно с учебой издавать памятки, пособия, где бы активист потом самостоятельно находил ответы на возникающие вопросы. Однако нужного эффекта это тоже не даст, ведь работать с людьми по шпаргалке нельзя.

Словом, времени наших сборов не хватает, если доводить весь материал старыми методами, посредством докладов, инструктажей, изучения документов. Но выход есть. У себя в соединении мы его нашли, знакомясь с опытом работы педагогов-новаторов страны В. Шаталова, Е. Ильина, Ш. Амонашвили и других. Применили его в своей практике, обучая комсомольский актив.

Разительно изменились занятия, вырос интерес воинов: все работают, ищут, а не просто сидят, внимая истинам, да под диктовку заносят их в тетради.

Метод «погружения» — вот ключ к коренному улучшению качества занятий. Слушатели ставятся в положение, когда проблеме они видят как бы изнутри, живут ею, ищут выход из той или иной ситуации, определяют свое место в каждом конкретном случае. Ведь все, что происходит на занятиях, это как бы «прокручивание», «проигрывание» реальной жизни комсомольских организаций, зачастую противоречивой и неоднозначной.

Впрочем, не буду дальше агитировать за подобный подход к учебе актива, пусть это сделают приведенные ниже примеры.

Возьмем изучение такой актуальной темы: «Комсомольская информация — важное средство предупреждения происшествий, преступлений, нарушений службы и дисциплины среди членов ВЛКСМ».

Как бывало раньше? Комсомольский руководитель доводил требования партии, руководства войск по этому вопросу (как правило, под запись), в лучшем случае приводил 2—3 житейских примера (часто экспромтом) и обращался с призывом давать информацию командирам, политработникам, при необходимости, ему обо всем негативном, что есть во взводе, роте. Были ли мы убедительны в своих призывах? Пожалуй, нет, ведь люди на занятии молча принимали наставлениям и уходили, даже не высказав своего отношения по этому поводу. А вопрос: «Будете давать нам информацию?» был бы, по меньшей мере, наивным.

Сейчас идем другим путем: начинаем рассказывать активистам обстоятельства преступления, происшествия. Доходя до того момента, когда еще все можно было предотвратить, ставим вопросы: «Как бы вы лично поступили? Что нужно сделать, чтобы помешать развитию конфликта, снять остроту возникшей ситуации?» Каждый (подчеркиваю: каждый!) активист высказывает свое мнение (кстати, оно первоначально, как правило, меньше всего склоняется к тому, что нужно информировать по этому поводу командира). Выслушав всех, продолжаем рассказ: называем конкретные фамилии, даты, обстоятельства гибели или серьезного увечья, сроки, полученные виновными. Подчеркиваем, что все это стало возможным и потому, что не хватило у активистов мужества поступить, как должно. Эффект поразительный. Если минуту назад подавляющее большинство было убеждено, что можно скрыть нарушение, так сказать, из лучших побуждений, то теперь многие переменили свой взгляд. Каждый вольно или невольно испытал холодок на сердце: ведь и его неверная позиция вполне могла бы привести к тяжелейшим последствиям. Как правило, после всего этого остается только уточнить, как же грамотно поступать в той или иной ситуации, предотвращая преступление.

Различных случаев во время занятия мы разбираем до десятка. Тут и положительные примеры, и негативные, взятые из войсковой практики, из газет, журналов.

Считаю принципиально важным, чтобы люди были готовы и к тому, что отдельные офицеры не всегда принимают верные решения по полученной информации.

Кто скажет, что тема усвоена хуже, чем по старой методе? Не осталось записей? Не беда! Главное, есть понимание своего места, своей роли в таком ответственном деле, как информация.

В арсенале методов обучения актива эффективен, например, и такой. На магнитофонную ленту записываем ход комсомольского собрания, причем самого обычного, рядового. Во время прослушивания возникает немало спорных моментов, вокруг которых и разгорается дискуссия активистов. Вот останавливаем запись на самом сакрентальном вопросе председательствующего: «Кто желает выступить? Никто?..» Обсуждаем с активистами, почему это произошло, как выйти из затруднительного положения, как готовить собрание и т. д. Магнитофонная лента крутится дальше, новая остановка: сейчас будет предложено решение, однако сначала пусть свое мнение выскажут обучаемые: ведь они по условиям занятия тоже набрасывали предложения. Эти записи и позволяют нам коллективно составить «свое» решение, которое, как показывает практика, оказывается толковей прозвучавшего потом с магнитофонной ленты. Добавлю, что на этом занятии мы достигаем и еще одной цели: учим вести протокол. Он составляется каждым в процессе прослушивания записи.

Добавлю, что на магнитофон у нас записано несколько собраний с различными повестками дня. Но есть и еще один вариант — текстовый, который «озвучивают» слушатели (кстати, прекрасная возможность избавиться от робости перед аудиторией, натренироваться в роли докладчика, ведущего и т. д.).

А как дать навыки в написании комсомольской характеристики? Придумали вот что. В газете «Красная звезда» нашли очерк о службе хорошего парня. Запасли его в двадцати экземплярах. На занятии раздаем каждому вырезку, просим составить характеристику на этого военнослужащего. Затем обсуждаем, у кого что получилось по ее разделам. Одновременно уточняем: «Где затем утверждается харак-

теристика? Каковы особенности ее содержания при направлении в органы МВД, в гражданский вуз?» и т. д.

Острые споры вызывает методика опорных конспектов В. Ф. Шаталова. Каких только упреков не слышат те, кто пытается ее применить: от подверженности веяниям моды до желания заформализовать комсомольскую работу. Являясь горячим сторонником шаталовской методики, могу с уверенностью сказать о бесосновательности того и другого мнения.

Как строится занятие? Перед обучаемыми — яркая цветная схема, рисунок опорного конспекта. Руководитель 2—3 раза (при необходимости больше) рассказывает его содержание («озвучивает» его), подробно раскрывая логические связи, символы, возникающие ассоциации. Затем идет опрос по каждому элементу этого опорного конспекта: ясный четкий вопрос — быстрый короткий ответ. Отвечает каждый (можно усложнить опрос — ставить вопросы в обратной последовательности, «раскручивая» конспект в обратную сторону). Даем практические вводные, для решения которых нужно снова заглянуть в содержание конспекта. (Заметьте: все это время пристальное, неослабное внимание активистов приковано к конспекту, к теме). Дальше начинается самое интересное: схема убирается, и обучаемые в течение 3—5 минут по памяти (!) должны восстановить содержание конспекта. Руководитель проверяет контрольную работу (может и оценки выставить). Снова рассказ по схеме (кто не смог нарисовать, дополняет свою схему). Затем сидящие за одним столом по очереди превращаются в «учителей» и «учеников», объясняя содержание конспекта друг другу. Так, несколько раз прокручивая содержание конспекта, мы добиваемся прочных знаний по теме. Конспектов по различным аспектам внутрисоюзной работы у нас двенадцать. Находясь под рукой у вновь избранных активистов, они потом будут для каждого хорошим подспорьем в делах: помогут быстро проникнуть в суть любого вопроса, не упустить чего-то главного, избежать серьезных ошибок.

Капитан М. КИБАКИН,
помощник начальника политотдела
соединения по комсомольской работе.

Наша школа сравнительно молодая, ей всего 10 лет. И все эти годы нас объединяет крепкая дружба с личным составом части, где помощником начальника политотдела по комсомольской работе старший лейтенант Н. Мизгирь.

Уже стали традиционными встречи по волейболу, баскетболу, армейскому и юнармейскому многоборью. Старшеклассники

СОТРУДНИЧАЕМ

непрерывно бывают в музее части, знают историю, боевой путь ее. Нам предоставляют стрельбище, тренажеры для занятий по начальной военной подготовке. Регулярно передовые воины проводят уроки мужества. Мы часто выступаем друг у друга с концертами художественной самодеятельности,

вместе трудимся на субботниках по благоустройству территории военного городка и школы. Часть помогла нам в оборудовании тира, организовала встречу ребят с участниками ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Л. РУСАКОВА.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Изучение данной темы предполагает уяснение солдатами и сержантами ленинских идей о значении творческой активности народных масс в построении социалистического общества, роли человеческого фактора, о дальнейшем развитии этих идей КПСС в условиях перестройки в стране, в Советских Вооруженных Силах.

Из 6—8 часов, отведенных на изучение темы, большую часть времени целесообразно использовать на рассказ, беседу по следующему вопросу:

1. В. И. Ленин, КПСС о роли и значении творческой активности масс, коммунистическом воспитании советских людей, воинов.
2. Советские Вооруженные Силы — школа воспитания высоких морально-боевых качеств.
3. Быть активным участником перестройки — патриотический долг каждого воина.

Во вступлении следует отметить, что революционное обновление социалистического общества, развернувшееся в нашей стране после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии и получившее мощный импульс с принятием исторических решений XIX Всесоюзной партийной конференции, затронуло все стороны нашего развития, поставив в центр человека с его политическим и интеллектуальным обликом, мастерством, способностями к творчеству, патриотизмом и интернационализмом, с его взаимоотношениями с коллективом.

Задача воспитания активной жизненной позиции у советских людей, воинов Вооруженных Сил СССР не только одна из самых важных, но и одна из наиболее трудных и сложных в области формирования нового человека — строителя нового общества. Партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего как гражданин социалистического общества с присущими ему идеями, установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения.

Активная жизненная позиция — характерная черта советского воина, которому народ доверил охранять завоевания Великого Октября. Успех решения задач, поставленных Коммунистической партией и Со-

ветским правительством перед внутренними войсками, во многом зависит от повышения политической сознательности, ответственности и социальной активности каждого военнослужащего.

Таким образом, проблема человека и человеческого фактора стала сегодня одной из важных в перестройке в стране, в том числе и в Вооруженных Силах как неотъемлемой части общества.

Этим и определяется актуальность темы политических занятий «Человеческий фактор в условиях перестройки».

При изучении первого вопроса следует подчеркнуть, что, осуществляя перестройку в нашем социалистическом обществе, партия, весь советский народ вновь и вновь обращаются к идейному наследию великого Ленина. Новое прочтение его произведений дает нам методологический ключ к пониманию современных задач перестройки.

В. И. Ленин безгранично верил в творческие силы народа и под социализмом понимал прежде всего живое творчество масс. В статье «Как организовать соревнование?» он отмечал, что в рабочем классе и крестьянстве имеется богатейший родник талантов. Раскрыть их, привлечь трудящихся к строительству социалистического государства и управлению им было одной из первоочередных задач.

Рассматривая вопросы военного строительства, В. И. Ленин писал, что современная война «так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне» (Полн. собр. соч.—Т. 9.—С. 155).

Именно к творческим силам народа партия и сегодня приковывает внимание, ибо перестройка рассчитана на знания, ум и опыт каждого человека, на лучшие человеческие качества, на сознательность масс.

Основатель Советского государства неоднократно подчеркивал, что высокая степень политической зрелости трудящихся обеспечивает лучшее проведение в жизнь политики партии в самых сложных, в том числе и военных, вопросах. Широко известны его выводы о решающей роли морального фактора, инициативы и сознатель-

РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНЯТИЙ

ности воинов, их твердости, воли, мужества, решительности, дисциплинированности, стремления учиться военному делу настоящим образом, т. е. всего того, что связано с человеческим фактором.

Ленинские положения составляют методологическую основу всей работы по коммунистическому воспитанию трудящихся, личного состава Советских Вооруженных Сил и внутренних войск. Руководствуясь ими на современном этапе, КПСС обращает внимание на постоянное согласование задач хозяйственного и оборонного строительства с работой по активизации человеческого фактора. «Успешное решение намеченных задач, — записано в Программе КПСС, — партия связывает с **повышением роли человеческого фактора**. Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни» (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С. 140).

Все эти годы перестройки шел активный поиск этих путей. И, пожалуй, одно из главных достижений состоит в том, что в стране началось и с каждым днем углубляется нравственное очищение людей от коррозии прошлого, набирает темпы духовная революция, идеология обновления проникает во все сферы общественной жизни. Человек обретает собственное достоинство, право на мысль и свое мнение, на творчество. Он освобождается от безразличия, страха, чинопочитания, покорности, привычки к демагогии, от всего того, что прорастало в душах десятилетиями.

XIX Всесоюзная партийная конференция, опираясь на накопленный опыт перестройки, обогатила стратегию и конкретизировала тактику преобразований в стране, определила пути, формы и методы дальнейшего обновления нашего общества, ибо оно немислимо без всемерной активизации интеллектуального, духовного потенциала, без целенаправленного воспитания у людей революционного сознания, гражданской позиции, мужества и ответственности, инициативы и самостоятельности, острого интереса к новому, потребности в нем.

Дальнейшему развитию творческой деятельности масс, активизации человеческого фактора способствовали решения и документы ноябрьского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС и внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР. Всенародное обсуждение проектов Законов об изменениях и дополнениях Конституции и о выборах народных депутатов СССР показало широкий интерес общественности к этим проблемам, а поступившие предложения трудящихся помогли значительно улучшить законопроекты. Одобряя активность масс, наша партия и в дальнейшем будет настойчиво направлять растущую политическую инициативу населения в русло практических дел, утверждать у людей понимание, что только общими усилиями, ударным трудом на каждом рабочем месте, новаторским и ответственным подходом на всех участках можно решить назревшие проблемы общественного развития.

Исходя из сказанного, следует дать определение понятия человеческого фактора. Под ним понимается такая совокупность возможностей, свойств, знаний, опыта, способностей и навыков человека, которые проявляются в его действиях и тем самым влияют на социальные процессы.

Применительно к условиям военной службы человеческого фактор представляет собой действие духовных и физических усилий людей в сфере обеспечения безопасности социалистического Отечества.

Приступая к рассмотрению второго вопроса, надо обратить внимание слушателей на то, что, хотя воспитание их как вооруженных защитников Родины начинается в семье, школе, в трудовых коллективах, в период допризывной подготовки в системе учебных организаций ДОСААФ, подлинную школу гражданственности юности проходят за время армейской службы.

Именно здесь они получают идейную закалку, знания о военно-политической обстановке в мире, агрессивной сущности империализма, овладевают воинским мастерством, вырабатывают стойкость, мужество, дисциплинированность, способность с достоинством и честью нести звание защитника социалистической Родины.

Социально-политическая природа армии социалистического общества, весь уклад воинской жизни способствуют формированию высоких морально-политических качеств у личного состава, выявляют, закрепляют и развивают лучшие черты личности, делают ее чище, сильнее духом, внутренне богаче.

Воспитательная роль армии обусловлена также их общенародным характером, единством армии и народа. Личный состав активно участвует в практическом решении самых разнообразных задач хозяйственного и культурного строительства, помогает населению в борьбе со стихийными бедствиями, оберегая жизнь людей и государственное имущество.

Воспитанию морально-политических и боевых качеств военнослужащих способствуют такие факторы, как постоянная боевая готовность, четкая регламентация подготовки, всей жизни и деятельности войск, особая ответственность за неукоснительное соблюдение требований воинских уставов и воинской дисциплины и другие специфические условия военной службы.

Безусловно, для того, чтобы эффективно действовал весь имеющийся в войсках арсенал воспитательных средств, необходимы усилия не только командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций. Перестройка во внутренних войсках предполагает широкое развитие творчества, инициативы каждого военнослужащего.

Важность и значение активизации человеческого фактора в армейских условиях в настоящее время возросли в связи с выдвинутым на XIX Всесоюзной партийной конференции новым подходом к оборонному строительству, которое «...должно отныне быть ориентировано преимущественно на качественные параметры — как в отношении техники, военной науки, так и состава вооруженных сил» (Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. — М.: 1988. — С. 117).

В армии человеческий фактор характеризуется прежде всего прочной, идейной стойкостью воинов, их высокими морально-политическими качествами, которые во многом определяют выполнение поставленных задач. Основными из этих качеств являются коммунистическая идейность, советский патриотизм, пролетарский, социалистический интернационализм, бдительность, верность воинскому долгу, дисциплинированность, мужество, смелость, стойкость, инициатива, мастерство и другие.

Для личного состава внутренних войск, как и для военнослужащих всех видов и родов Советских Вооруженных Сил, характерны все эти черты. Однако особенности задач, выполняемых внутренними войсками, предъявляют повышенные требования к ряду морально-боевых качеств. Наиболее четко они выражены в известном Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». В нем подчеркивается: «Характер обязанностей, выполняемых внутренними войсками Министерства внутренних дел СССР, требует от каждого военнослужащего строго соблюдать социалистическую законность, быть честным, правдивым и храбрым, справедливым в обращении с гражданами, мужественно и самоотверженно защищать их личное достоинство, конституционные права и свободы от преступных посягательств и иных антиобщественных действий».

Перечисленные в Указе морально-боевые качества военнослужащие внутренних войск проявляют каждодневно при выполнении задач боевой службы, в повседневной жизни. Особенно наглядно их продемонстрировали воины при ликвидации черномыльской аварии, при выполнении задач по охране общественного порядка в Закавказье в связи с событиями в Нагорном Карабахе.

А когда на армянский народ обрушилось тяжкое горе, когда тысячам людей потребовалась помощь, воины внутренних войск стремились сделать все возможное, чтобы облегчить страдания братского народа, ибо беда Армении — горе общее. Повсюду, где шли спасательные работы, можно было видеть солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров внутренних войск. Сдать свою кровь для пострадавших, накормить немудреной солдатской пищей оставшихся без крова и очага людей, поставить палатки, поддерживать отчаявшихся сограждан. И в то же время воины не забывали и о необходимости быть все время на страже порядка, бдительно охранять жителей от отдельных мародерствующих элементов в местах стихийного бедствия, строго соблюдать при этом социалистическую законность.

А что вообще для военнослужащего внутренних войск значит требование о строгом соблюдении социалистической законности? Личный состав внутренних войск находится на переднем крае борьбы за укрепление социалистического правопорядка. Он активно участвует в охране общественного порядка, государственных объектов, исправительно-трудовых учреждений.

Выполнение этих задач тесно связано с точным и неуклонным соблюдением и исполнением законов Советской власти, что и выражает сущность социалистической законности. Воину надо всегда помнить о том, что малейшее отклонение от существующих норм чревато самыми серьезными последствиями. Нередко злоумышленники и преступники преднамеренно провоцируют военнослужащих на нарушение социалистической законности. В этих случаях должны сработать выдержка, хладнокровие и самообладание.

В условиях служебно-боевой деятельности внутренних войск характерным качеством, определяющим взаимоотношения воина с окружающими, является справедливость. Надо на боевой службе, на занятиях, в повседневной жизни не избегать трудностей, не пытаться переложить их на плечи других, добросовестно выполнять свои обязанности, строго соблюдать уставные требования, нормы коммунистической нравственности.

Важная государственная задача для воина внутренних войск — мужественно и самоотверженно защищать личное достоинство граждан, их конституционные права и свободы от преступных посягательств и иных антиобщественных действий.

По каждому перечисленному морально-боевому качеству руководитель занятий может привести пример из жизни своего подразделения, а также из материалов брошюр «Честь, отвага, мужество», журнала «На боевом посту».

Приступая к третьему вопросу, пропагандист должен разъяснить слушателям, что быть активным участником перестройки в войсках — это значит глубоко осознать стоящие задачи и с высокой ответственностью выполнять их, проявляя при этом творчество и инициативу. Для перестройки на современном этапе главное — практические дела. Служебно-боевая деятельность частей и подразделений внутренних войск требует от каждого военнослужащего бдительности и боевой готовности, профессионального мастерства. А для этого нужно иметь хорошую выучку, знания. Навыки же и умения приобретаются в процессе интенсивной учебы. Став отличником боевой службы, боевой и политической подготовки, воин тем самым подтвердит свое участие в перестройке.

Особое внимание сейчас уделяется укреплению воинской дисциплины. Фундаментом ее являются идейная убежденность, духовная зрелость, сознательность. Следует безупречно исполнять требования военной присяги и воинских уставов, приказы командиров и начальников. Присходящая в войсках демократизация создает в каждом воинском коллективе атмосферу нетерпимости к фактам недисциплинированности, аморального поведения. Особого осуждения заслуживают случаи неуставных взаимоотношений, грубого отношения друг к другу, которые противоречат сущности войскового товарищества.

Каждому военнослужащему нужно постоянно спрашивать себя: что ты сделал сегодня и чему научился, чего не учел, что сделаешь завтра, какую помощь можешь оказать отстающему товарищу?

ЦК КПСС, обсудивший в октябре 1988 года состояние воинской дисциплины в Вооруженных Силах, потребовал обеспечить строгий уставной порядок в каждой части и подразделении, добиться глубокого понимания каждым военнослужащим своего патриотического долга, сознательного и безупречного исполнения требований военной присяги и воинских уставов. Одновременно ЦК КПСС обратил внимание на необходимость осуществления мер по преодолению отставания в социально-культурной сфере в воинских частях, улучшению материально-бытового обеспечения военнослужащих и их семей.

Забота партии о личном составе, безусловно, способствует повышению его служебной и общественной активности.

В перестройке важно, чтобы в коллективе не было равнодушных к его успехам или неудачам, чтобы каждый воин гордился своим подразделением, его боевыми традициями, чувствовал свою причастность к делам коллектива.

В выводе по теме следует подчеркнуть, что человеческий фактор в условиях перестройки, применительно к Вооруженным Силам, играет ведущую роль в повышении боевой готовности, в обеспечении качества боевой службы, в укреплении воинской дисциплины.

Действенность влияния человеческого фактора на состояние дел зависит прежде всего от морально-боевых качеств воина, формирование которых происходит в процессе боевой службы, обучения и воспитания личного состава. Сейчас, когда в воинских коллективах идет перестройка во всех сферах жизни и деятельности, долг каждого воина — добиваться, чтобы все поставленные задачи выполнялись качественно, честно, добросовестно.

Литература:

Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Полн. собр. соч.— Т. 9.— С. 151—159.

Ленин В. И. Главная задача наших дней. // Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 78—82.

Ленин В. И. Речь в «День красного офицера» 24 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч.— Т. 37.— С. 200.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: 1986.— С. 62, 68—91, 140.

Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза.— М.: 1988.— С. 22—27, 117.

«О мерах по осуществлению политической реформы в области государственного строительства». Постановление ЦК КПСС от 28 ноября 1988 г. // Правда.— 1988.— 29 ноября.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». На боевом посту, 1988, № 10, с. 2—3.

Лизичев А. Д. Защита Отечества: человеческий фактор — М.: Воениздат, 1986.

Полковник М. ГЕРУСОВ.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА

ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении
тов. Аюпова Р. Р.

орденом Красной Звезды

За мужество и самоотверженные действия, проявленные при задержании опасного вооруженного преступника, наградить лейтенанта Аюпова Равиля Ривусовича орденом Красной Звезды.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГОРБАЧЕВ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль. 22 декабря 1988 г.

ОТ РЕДАКЦИИ: очерк «Прикрыл собой людей», в котором подробно рассказывается о подвиге лейтенанта Равиля Аюпова, был опубликован в декабрьском номере нашего журнала за прошлый год.

Редакция поздравляет мужественного офицера с высокой государственной наградой.

О СОКРОВЕННОМ

ПРИКОСНУЛИСЬ К ПОДВИГУ

Солдаты нашего подразделения побывали в Центральном музее внутренних войск МВД СССР. Впечатление от увиденного и услышанного огромное.

Многие ли мы знали на «гражданке» о внутренних войсках! Если честно, то не очень. Больше слышали, читали о десанниках и ракетчиках...

Знакомство с экспонатами, раскрывающими историю, традиции, героическое прошлое и настоящее войск, и у меня, и, думаю, у всех моих сослуживцев вызвало чувство гордости за принадлежность к войнам-чекистам. Мы словно прикоснулись к подвигу тех, чье дело нам продолжать.

Рядовой Ю. ГАЛКО.

К 60-ЛЕТИЮ БЕССМЕРТНОГО ПОДВИГА

В СТРОЮ НАВЕЧНО

Эта форма отдания воинских почестей герою — зачисление навечно в списки части — имеет давнюю и славную историю.

1840 год. Кавказская война. Небольшой гарнизон, состоявший из трех рот, оборонялся в окруженном Михайловском укреплении. Защитники крепости решили в случае прорыва неприятеля взорвать пороховой погреб, предпочитая умереть со славой, чем сдать на милость победителя. Выполнить задуманное вызвался солдат 77-го Тенгинского пехотного полка Архип Осипов. В критическую минуту, схватив тлеющий фитиль, он бросился в пороховой погреб. Форт был уничтожен вместе с ворвавшимися в него врагами. Тогда-то и состоялся приказ военного министра, в котором говорилось, что в целях увековечивания памяти о подвиге рядового Архипа Осипова решено «сохранить навсегда имя его в списках 1-й гренатерской роты Тенгинского полка, считая его первым рядовым, и на всех переключках при спросе этого имени первому за ним рядовому отвечать: погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении».

В честь героя-солдата на месте бывшего Михайловского укрепления сооружен памятник, который сохранился и в наши дни. Через сорок лет после подвига памятник А. Осипову воздвигнут в городе Владикавказе (ныне город Орджоникидзе). Деньги на него были собраны по подписке. Возникший на месте бывших боев поселок, где погиб герой, стал именоваться Архипо-Осиповка.

Обычай, рожденный в русской армии, не был забыт после победы Велико-

Зачисление навечно в списки части производилось в основном посмертно приказами наркома (министра) обороны СССР, военноморским министром СССР, министром внутренних дел СССР.

По имеющимся ныне данным, впервые эта форма увековечивания подвига героя в Советских Вооруженных Силах была применена 60 лет назад.

...В конце двадцатых годов контрреволюционные элементы в Якутии подняли мятеж против Советской власти. Борьба с бандитизмом возлагалась на подразделения внутренних войск. Личный состав их, благодаря умелым действиям, выносливости, мужеству и храбрости, успешно провел ряд операций по разгрому контрреволюционных гнезд. Многие из отличившихся воинов были отмечены наградами. А погибшие смертью храбрых командиры взвода 2-го полка ОГПУ Реут Владимир Доминикович и красноармейцы того же полка Ива-

ненко Николай Исаевич и Потанин Александр Васильевич приказом Объединенного государственного политического управления от 4 марта 1929 года № 38 «зачислены навсегда в списки 2-го полка ОГПУ».

Вслед за Реутом, Иваненковым и Потаниным такой высокой чести удостоились командир отделения 2-го кавполка войск ОГПУ Петухов И. А. и курсант полковой школы Циркин В. О., павшие смертью храбрых 5 сентября 1929 года при проведении операции по ликвидации банд у дальневосточных границ в районе Тютюпай и, как отмечалось в приказе ОГПУ от 15 марта 1930 года № 89, «достойные высшей боевой награды».

Среди тех, кому также в те годы отданы высокие воинские почести, командир отделения 24-го полка Волков Василий, красноармеец этого же полка Недоносков Василий, воины дивизии им. Ф. Э. Дзержинского — командир дивизиона Павел Спивак и помощник командира взвода Алексей Толстов, курсант школы младшего начсостава 8-го Закавказского полка Саппа Даниил и другие.

С особой силой проявились высокие морально-боевые качества советских воинов в годы Великой Отечественной войны.

23 февраля 1943 года бессмертный подвиг совершил рядовой 254-го гвардейского стрелкового полка Александр Матросов. В бою за деревню Чернушки был остановлен батальон. Враг хорошо просматривал местность и простреливал ее плотным пулеметным огнем. Тогда рядовой Александр Матросов своим телом закрыл амбразуру. За этот подвиг он посмертно удостоен звания Героя Со-

ветского Союза. Нарком обороны своим приказом от 8 сентября 1943 года увековечил память отважного воина. Имя А. Матросова присвоено полку, в котором он служил, а сам он был зачислен навечно в списки 1-й роты полка.

Однако есть несколько более ранних примеров, когда командиры частей и военные начальники более высокого ранга по собственной инициативе зачисляли в списки подразделений навечно отличившихся в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Так приказом командира 71-й бригады внутренних войск от 26 декабря 1941 года № 220 командир батальона старший лейтенант Комардин В. С. и санитарка минометной роты Комардина З. А. «зачислены постоянно в списки бойцами 175-го полка в знак памяти, как геройски погибших в борьбе с немецкими оккупантами». В октябре 1942 года такие почти были отданы автоматчику рядовому 272-го стрелкового полка Ващенко А. Е., закрывшему собой амбразуру вражеского дзота. 1 июля 1943 года приказом командира 23-й дивизии войск НКВД № 51 зачислен навечно в списки полка прославленный снайпер Ленинградского фронта сержант Николай Маркович Красношапка. В приказе, в частности, говорилось: «При оглашении имени тов. Красношапки правофланговый должен отвечать: «Орденосносец сержант Красношапка Николай Маркович погиб в боях за Ленинград во славу Советской Родины». 25 декабря 1943 года в списки 34-го мотострелкового полка занесено навечно имя Героя Советского Союза младшего сержанта Петра Барбашева, повторившего подвиг Ващенко и Матросова.

Навечно зачислены в списки части за подвиги, совершенные в Великой Отечественной войне, снайпер старший сержант Евгений Петров, комсомолец сержант Иван Белов, заместитель политрука Орджоникидзевского военного училища Аркадий Климашевский, красноармейцы Илья Николенко, Артемий Три-

фонов, младший сержант Илья Яцына и многие другие.

Немало военнослужащих внутренних войск навечно зачислены в списки частей в мирные дни. Вот имена лишь тех, чьи подвиги широко известны. Младший сержант Григорий Астапчик. Он вступил в борьбу с вооруженными преступниками и ценой жизни сорвал их замысел: совершить побег. Однополчане, строившие Красноярскую ГЭС, одну из бригад назвали его именем. Рядовой Турсун Рустамов. Этот воин смело отражал натиск вооруженных бандитов, совершивших нападение на войсковой наряд с целью освобождения сообщников, находившихся под судом. Герой погиб, но память о нем вот уже четверть века живет в сердцах его однополчан.

Среди навечно зачисленных командир роты лейтенант Запровальный Иван Григорьевич, командир взвода лейтенант Гилимьянов Борис Бариевич, прапорщики Назаров Вячеслав Александрович, Уждавинис Ромуалд Францевич, старшие сержанты Халиков Бахриддин Хамраевич, Тактаев Павел Захарович, рядовые Прохоров Юрий Михайлович, Очиченко Иван Семенович, Нурсеитов Кагазбек, Иванов Леонид Львович.

Они шагнули в бессмертие. Всегда будут звучать на вечерней поверке ответы правофланговых: «...пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины!» или «...погиб на посту при выполнении боевой службы!»

Всего в списки частей навечно зачислено более 350 воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, а также 90 военнослужащих внутренних войск.

**Полковник в отставке
В. КРИВЕЦ,
заслуженный работник
культуры РСФСР.**

На снимке: В. Д. Рут. 27 февраля 1927 года. Фото из фондов Центрального музея внутренних войск.

БОЛЕВАЯ ТОЧКА

ТАК ПРОДОЛЖАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ

В поселке, где мы живем, есть магазин. Размещен он на территории подразделения и предназначен для обслуживания военнослужащих и членов их семей.

Так вот посещение этой торговой точки для многих из нас нередко превращается в тяжелое испытание. Тут могут запросто нахамить, оскорбить, унижить любого. Не говоря уже о солдатах и сержантах, с которыми обходятся особенно грубо.

Товары, поступающие для продажи, полностью до прилавка не доходят. О многих из них мы узнаем позже, через соседских жителей, не имеющих отношения к части. Стала привычной торговля дефицитными продуктами и вещами — с нагрузкой. На наши просьбы объяснить, почему так происходит, заведующая магазином Щербакова обычно отвечает вызывающе, дескать, я не обязана перед вами отчитываться.

Много обид накопилось у нас и на продавца Балашова. Её не раз уличали в обвесах и обмане покупателей. Так, в октябре она обесчитала Исангильдина на 13 рублей, а Свиридова в ноябре — на 14 рублей. Работникам магазина нередко высказываются и другие замечания, но им, надо полагать, все нипочем.

Вот и, узнав об этом нашем письме, Щербакова засмеялась и заявила: «Можете далеко не посылать, оно все равно вернется к комбату».

Нет, так продолжаться не может. Помогите нам.
**КОСТЫЛЕВА О. В.,
РЫБАЛКО Е. В.,
МУСТАФИНА Г. С.**
и другие (всего 29 подписей).

Кому АССР.

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ВОЙСКОВОЙ ИСТОРИИ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

В НОМЕРЕ 11 ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД ОПУБЛИКОВАНО ПИСЬМО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПЕРМСКОГО ВЫСШЕГО ВОЕННОГО КОМАНДНОГО УЧИЛИЩА МВД СССР ПОДПОЛКОВНИКА В. ЧУМАЧЕНКО (С. 81—82). ЭТО ЕГО ОТКЛИК НА СТАТЬИ В. АСТАШИНА «ВОСПИТЫВАЕМ «СЛУЖЕБНЫЙ ПАЦИФИЗМ»? (1988, № 2) И «МЕЧТАЮТ ЛИ О ВОЙНЕ ВЕТЕРАНЫ?» (1988, № 7). ОТКЛИК, КАК БЫ ОСОБНЯКОМ СТОЯЩИЙ ОТ ОБЩЕЙ МАССЫ ПИСЕМ НА ЭТУ ТЕМУ. ОН ВЫДЕЛЯЕТСЯ И ШИРОТОЙ ПОСТАВЛЕННЫХ В НЕМ ВОПРОСОВ, И ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ НАКАЛОМ. И ПОТОМУ ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО ЕГО ЗАМЕТИЛИ ЧИТАТЕЛИ. МНЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАЮТСЯ САМЫЕ РАЗЛИЧНЫЕ. И НЕ ВСЕ ИХ РАЗДЕЛЯЕТ РЕДАКЦИЯ.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Прочитал я письмо-отклик подполковника В. Чумаченко и невольно задумался: что же хочет автор — знать подлинную историю внутренних войск или перекрасить ее белые пятна в черный цвет? Он предлагает не какой-то конкретной личности, а войскам в целом взять на себя часть вины за необоснованные репрессии в годы культа Сталина. Какую часть — пятую, десятую? — автор не уточняет. Пусть, мол, решает сам читатель. А ведь известно, сколько голов, столько и умов. Поэтому я ничуть не удивлюсь, если завтра первый встречный, узнав, что я служил во внутренних войсках, бросит мне в лицо: «Кара́тель, бериевец».

Уже не однажды упоминалось и в печати, и в устных выступлениях руководителей нашей партии и государства о том, что знание исторической правды нам нужно не для того, чтобы выискивать нового «крайнего», нового виновного, чтобы замарать десятки тысяч людей, а с целью уяснить действительные причины происшедшего, объективно оценить все черное и белое и сделать соответствующие выводы на будущее, чтобы не допустить просчетов в политике, экономике, социальной сфере и т. д.

Думаю, речь идет не о том, чтобы с аптекарской точностью разделить вину за события времен культа между внутренними войсками, армией, судом, прокуратурой, тюрьмами, лагерями и т. д. Прежде всего необходимо глубоко, с полным научным интересом разобраться, как могла случиться трагедия, как в то время люди жили, что знали, о чем не ведали, во что верили, на что надеялись.

Мне довелось служить в «репрессивном

аппарате» (по выражению Чумаченко) и в период культа личности, и в эпоху «великого десятилетия», и в застойное время, и немного после него: 17 лет моей биографии связаны с дивизией имени Ф. Э. Дзержинского. Всегда трудился с полной отдачей. При этом и у меня, и у других офицеров, солдат и в мыслях не было, что мы — «репрессивный аппарат, выведенный из-под контроля не только народа, но и партии». Мы в точности выполняли уставы и наставления, приказы и распоряжения начальников. А то, что Берия оказался заклятым врагом народа, это, разумеется, не вина солдата внутренних войск, а наша общая беда, боль, если хотите, незаживающая рана.

Мой дядя в 1938 году был репрессирован и осужден на 10 лет. Отбывал наказание в лагере. В 1953 году реабилитирован. Было бы глупостью с моей стороны обвинять офицеров и солдат роты, охранявшей тот лагерь, в том, что они десять лет держали за колючей проволокой безвинного человека. Ведь они его не судили, не принимали решение на арест.

Наверное, и вас, тов. Чумаченко, не стоит обвинять в том, что вы ревностно выполняли приказы бывших министра Щелочкова и его первого заместителя Чурбанова и некоторых других, погрязших в коррупции и злоупотреблениях служебным положением. Хотя, как вы утверждаете, пришли служить в войска для того, чтобы подобные беззакония не повторялись. Почему же вы не выступили против этих людей? Не хватило мужества, смелости? Все гораздо проще. Вряд ли вы знали об их преступной деятельности. Откуда же солдаты внутренних войск во времена культа могли знать, что некоторые приказы, которые они выполняли, неправомерны?

Вы считаете, что трагедией многих служивших тогда в войсках, было то, что они бездумно выполняли приказы. Давайте уточним некоторые детали. Во-первых, солдат обязан выполнять приказ командира не бездумно, а беспрекословно. А это, естественно, не одно и то же. Во-вторых, ему не только не запрещается думать при этом, а наоборот, предписывается проявлять разумную инициативу, за что он за-

служивает поощрения. Так требуют наши уставы. Видимо вы, тов. Чумаченко, наслушавшись некоторых не весьма уместных разговоров, и не заметили, как совместили понятие о беспрекословном выполнении приказа с необходимостью его обсуждения, решили, что вполне допустимы сомнения в его целесообразности, возможность по поводу приказа делать выводы каждому на свой вкус. Такие, на первый взгляд безобидные суждения — не что иное, как подпок под действующие уставы, под святая святых дисциплины — исполнителей.

Не спасает вас и ссылка на ленинское «не за страх, а за совесть». Чтобы понять истинный смысл этой фразы, совершим небольшой экскурс в историю. В трудный период гражданской войны, осенью 1918 года, в Циркулярном письме ЦК ко всем членам партии — комиссарам, командирам и красноармейцам указывалось на необходимость укрепления воинской дисциплины и подъема морального духа войск. Для этого, говорилось в нем, «нужно железной рукой заставить... выполнять боевые приказы...» (Ленинский сборник. — Т. XXXV. — С. 45). А вот как полностью звучит выхваченная вами фраза из ленинского «Письма к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком»: «...не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной Армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески» (Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 152).

Эта ленинская мысль закреплена в уставах. «Приказ командира (начальника) — закон для подчиненных, — гласит ст. 6 Дисциплинарного устава. — Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок». Раз приказ получен, то не может быть никаких ссылок на так называемые объективные причины и обстоятельства.

А как поступают с теми, кто не повинуются? Сначала их убеждают, им разъясняют, их наказывают. В случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненных устав обязывает командира (начальника) для восстановления порядка принять все меры принуждения, вплоть до ареста виновного и привлечения его к судебной ответственности.

Обратите внимание, тов. Чумаченко, и на то, что неповиновение командиру, неисполнение приказов относится к наиболее тяжким преступлениям и карается по всей строгости советских законов. Эта истина вообще-то прописная, но приходится ее повторять, поскольку у вас есть сомнения относительно того, всякий ли приказ надо выполнять. Приказ свят. Так было в армии во все времена, так есть и сейчас. И в армии, и во внутренних войсках. А чтобы еще раз уяснить этот вопрос, нелишне, по моему, обратиться к Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка».

Наконец, еще один момент. Вы, тов. Чумаченко, в конце своего письма упоминаете, и не без гордости, что «прошли Афганистан». А давайте, руководствуясь вашей логикой о необходимости думать, анализировать, сомневаться, прежде чем

выполнить приказ, посмотрим на этот факт со стороны. Зачем вы пошли в Афганистан, ведь ваше кровное дело, как воина внутренних войск, решать задачи внутри своей страны? И вообще, правомерна ли была эта акция? Задавали вы себе такие вопросы? Вы же обвиняете воинов внутренних войск, что они, верно служа Родине (по вашему мнению — Сталину), не думали, а слепо выполняли их приказы, не понимали, что являются орудием в проведении их политики. А задумывались ли вы над тем, что, будучи в Афганистане, находились в таком же положении? Если не сомневались в справедливости принятых правительством решений, то почему оказались столь недалекими? А ведь в том и в другом случае, следуя вашему выводу о презумпции виновности, вы тоже обвиняемы. Если же нет, то почему тогда виноваты «те» солдаты внутренних войск? Только потому, что, как и вы, верили властям?

Вот видите, как все просто. Конечно, легче мнить себя героем, наблюдая бой издалека, ставить других в положение «винтиков» и «шпунтиков». А оказались сами в подобной ситуации и тоже стали «бездумными». Так как же нам теперь относиться к вам, как к «афганцу»? На этот вопрос есть однозначный ответ. Его дал М. С. Горбачев на встрече с молодежью Москвы и Подмосковья: «Сегодня, — сказал он, — мы, конечно, можем обсуждать политику того времени, но прежде мы обязаны сказать самые высокие слова признательности нашим воинам». Так что честь и хвала вам, Владимир Петрович, и многим другим «афганцам» за вашу службу на земле Афганистана! Хотя не вся литература, которую упоминает тов. Асташин, согласна с этими выводами.

В вашем письме много спорных вопросов, вызывающих досаду и недоумение. Вы, например, пишете, что «войска после разоблачения Берии прошли целый ряд преобразований, которые имели, кроме прочих задач, задачу уничтожения в них духа «бериевщины», культа». Да, преобразования были, но связаны они не с «духом» (из собственного опыта знаю, что никакого подобного «духа» в них не было), а исключительно с изменяющимися задачами. Известно, что и сейчас в войсках по этим причинам (а не в связи с «духом» Щелокова, Чурбанова) происходят большие изменения. Такова правда.

Далее, вы утверждаете, что «если сегодня есть в войсках нарушения социалистической законности, отношение к подчиненным как к людям второго сорта (трудно представить, что вы здесь имеете в виду. — М. Л.), отсутствие доверия к людям и другие извращения, то корни этого в нашей истории» (то есть истории внутренних войск). Думаю, не надо столь безапелляционно обобщать. Не слишком ли просто — всегда, во всех случаях кивать на прошлое? Мы и сегодня делаем ошибки на каждом шагу. Да и помогают ли подобные суждения командирам, политработникам внутренних войск решительно бороться с этими уродливыми явлениями или,

напротив, оправдывают их — ведь всегда есть возможность сослаться на плохую родословную.

Считаю, что подполковник Чумаченко совершенно прав, и я полностью поддерживаю его, в том, что нужна новая, не лакированная история внутренних войск, а действительно правдивая — со всеми ее минусами и плюсами. И главное, чтобы события в ней освещались не в угоду кому-то (такое у нас случалось даже с историей Великой Отечественной войны), а в тесной взаимосвязи с жизнью страны.

В нынешнем пособии по истории войск, в том числе и дивизии имени Ф. Э. Дзержинского, одним из составителей боевой

летописи которой мне пришлось быть, есть немало белых пятен. Только проясняя их, надо уберечься от оценки событий со своей колокольни, не заглядывать в замочную скважину и не писать по принципу: «что хочу, то и ворочу», а показать войска так, чтобы видны были все поколения, дела всех воинов, все, что они испытали, выдержали. Только в этом случае история даст нам поучительный урок, послужит стимулом для сегодняшних дел, для революционной перестройки. Тогда не будет без вины виноватых.

М. ЛОГУНОВ,
полковник в отставке.

ПРИМИТИВ В ОДНИ ВОРОТА?.. НЕ ПРОХОДИТ

Уважаемая редакция! Внимательно прочитал письмо подполковника Чумаченко, где затронуты довольно полемические вопросы, которые, к сожалению, так и остались только затронутыми.

Если вскрывать проблему, то нужно указать путь ее решения. А каков же путь решения проблем, затронутых автором? В широком их осмыслении? И только? Тогда невольно возникает вопрос: каких действий и предложений ждать от нас, молодых офицеров, когда люди, умудренные опытом, прошедшие нелегкую жизненную школу, связавшие свою жизнь с внутренними войсками для того, чтобы не повторилось беззаконие, советуют... широко осмысливать проблемы. Примитив здесь не проходит. Так что же мы предложим нашим воинам?

Сам я в 1988 году закончил Пермское высшее военное командное училище МВД СССР. Сейчас командир взвода. Солдаты задают очень серьезные и актуальные вопросы, ответы на которые должны быть правдивы и однозначны. Сейчас настало время переходить от слов к реальным делам, а у кого мы позанимаемся столь необходимым и драгоценным опытом, как не у своих старших товарищей?

Лейтенант А. БАТАКИС.
УВВ по Уралу.

Непосредственного отношения к внутренним войскам я не имею, но внимательно прочитал статьи В. Асташина. Считаю, что написаны они аргументированно, особенно полемические заметки «Боль», опубликованные в журнале «На боевом посту» (№11 за 1988 год). В них использованы конкретные примеры, характеризующие государственную значимость войск.

Только вот невольно напрашивается такая мысль. Ваш журнал, как ведомственное издание, имеет все-таки довольно ограниченный круг читателей. Получается, что различные измышления, дискредитирующие внутренние войска, многотысячными тиражами распространяются среди массового читателя, а противоположное мнение можно услышать только в войсковой аудитории.

Почему бы не попытаться использовать трибуну популярных изданий, авторы которых подчас дают весьма субъективные и предвзятые оценки деятельности войск, для доказательного опровержения этих оценок. Думается, тогда не было бы игры в одни ворота, и многие читатели изменили бы свое предубежденное отношение к солдату с буквами ВВ на погонах.

В. СТАРИКОВ.

КОМУ НУЖНЫ МИФЫ

Сегодня раздаются голоса и о некой преемственности внутренних войск и войск НКВД. О чем, собственно, речь! Да все о том же: они, дескать, как и прежде, нарушают социалистическую законность, их деятельность якобы антидемократична. При этом ссылаются на недавно принятый Указ Президиума Верховного Совета СССР о правомочиях внутренних войск. Это уж явный перекосяк, притом с заведомой целью. А то, что наши воины мужественно и самоотверженно стоят на страже интересов армянского и азербайджанского народов, не давая массовому националистическому психозу перерастать в резню, пустяк! Наша помощь милиции при обеспечении общественного порядка на улицах городов тоже не в счет! А охрана важных государственных объектов — разве не факт, достойный упоминания!

Подобные вопросы можно было бы продолжить, только вот у меня нет уверенности, что на них дадут ответы люди, сочиняющие мифы о неконституционных действиях внутренних войск.

Старший прапорщик И. БОЛДИН.

НЕ ВПАСТЬ БЫ В КРАЙНОСТЬ

Вспоминается услышанный разговор у прилавка книжного магазина.

— Этому автору нельзя не верить, он очевидец описываемых им событий! То время — его время, понимаешь?

— Оно было и моим временем, — возразил собеседник. — О тех событиях знаю не понаслышке.

— Так кто же в конечном счете прав: ты или писатель?

Тот, которому был задан вопрос, чуть заметно пожал плечами:

— Чтобы прийти к истине, нужна дискуссия.

Я человек немолодой, немало повидал на своем веку, бывший политработник внутренних войск, сейчас нахожусь на пенсии, мое страстное увлечение — литература. Так подробно сообщая о себе лишь с одной целью: показать, что знаю мое время и мои события. И желаю принять участие в поисках истины.

А вопросы меня интересуют такие...

В оцеплении, не смолкая,
Целый день стучат топоры,
А у нас работа другая:
Мы солдатам палим костры.

Стужа — будто Северный полюс.
Аж трещит мороз по лесам.
Мой напарник — пленный японец,
Офицер Кумияма-сан.

Все посты мы обходим за день...
Мы, конечно, с ним не друзья.
Но с напарником надо ладить.
Нам ругаться никак нельзя.

Потому что все же — работа.
Вместе палим одно бревно...
Закурить нам очень охота,
Но махорочки нет давно!

Табаку не достанешь в БУРе.
Хоть бы раз-другой потянуть.
А конвой стоит и курит,
Автомат повесив на грудь...

Прочитал эти строки и задумался. Сначала представилось, что речь идет о вольнонаемном рабочем, который трудился вместе с пленным японцем и как бы контролировал его. Но когда речь шла о БУРе (а это значит, о баракке усиленного режима), то стало ясно, что герой стихотворения — заключенный. «Тогда почему же осужденный находится вместе с военнопленными?» — задал сам себе вопрос. Ведь они содержались в отдельных лагерях. Впрочем, это мелочь.

Читаю дальше.

На японца солдат косится,
Наблюдает из-под руки.
А меня, видать, не боится,
Мы случайно с ним земляки.

Да и молод я.

Мне, салаге,

И семнадцать лет не дашь...

— Ты за что же попал-то в лагерь?

Неужели за шпионаж!..

Опять отодвинул книгу и вспомнил рассказ одного моего давнего товарища о жизни военнопленных. После их освобождения эти лагеря были расформированы, а он, мой товарищ, был направлен на работу в исправительно-трудовые учреждения.

— На, возьми мужик!

Закури!

Я готов протянуть ладони.

Я, конечно, махорке рад.

Но пенек-то в запретной зоне.

Не убьет ли меня солдат?

И такая бывает штука.

Может шутку сыграть с тобой.

Скажет после: «Бежал, подлюка!» —

И получит отпуск домой...

О чем это стихотворение? О том, что солдату нельзя доверять, что он, этот ровесник лирического героя, его земляк, способен на любую подлость.

Читаю гневные строки и вспоминается моя недавняя командировка в одну из отдаленных частей по ветеранским делам. Не по-зимнему теплый вечер и концерт художественной самодеятельности в солдатском клубе. Номер сменялся номером. Молодые воины показывали свои таланты. Вот на сцену вышел паренек и сказал:

— Я вам прочту стихотворение старшины Олега Кулемы «Солдат-герой».

Он сделал паузу, а потом начал:

Тайга, тайга... Без края и конца.
Суровый край раскинул свои дали.
Здесь у могилы павшего бойца
Седые ели часовыми встали.

Пылал костер. А рядом с ним, в кругу
Рецидивистов своры озверелой,
Стоял солдат, раздетый на снегу,
Солдат бесстрашный, мужественный,
смелый...

Крепчал мороз. Остыл костер давно,
Крутил поземку ветер, завывая,
Он принял смерть в лицо, но все равно
Не выдал тайны воин, умирая...

Солдат продолжал читать, а мысли мои поплыли в тот пятидесятый второй год. По всем войскам тогда пронеслась тревожная весть о случившемся в далекой Сибири. Я в то время проходил службу в части, дислоцировавшейся в одном из приволжских городов. Помню, как зачитывали приказ, как содрогнулись наши сердца. С годами вроде бы все стерлось в памяти. А сейчас солдатское стихотворение особой болью отозвалось в душе. Мысленно перекинул в 1965 год, тогда я впервые побывал в этой части. В то время проводились мероприятия, посвященные памяти героя. Я сидел на вечере, слушал воспоминания, в том числе и стихи о рядовом Иване Очищенко, и передо мной все ярче рисовалась картина его подвига.

Мороз и ветер заставляет часовых то и дело прикрывать лицо, мять нос, потирать щеки. Но не уйдешь с поста, не спрячешься за ветвистую ель или разлапистый кедр,

где ветер стихает, будто запутываясь в ветвях. И не погреешься у костра: ты на посту. И подменить некому: в карауле всего два человека.

Воспользовавшись тем, что солдаты друг друга не видят из-за кустарника, один заключенный стал подходить к часовому Кондакову, а второй — к Лебедеву, тот и другой попросили у солдат махорки. Рядовой Лебедев окрикнул:

— Стой!

Осужденный не останавливался.

— Стой! Стрелять буду!

— Тебе жалко махорки? Какой же ты жмот!

— Последний раз предупреждаю: буду стрелять.

Прыжок, молниеносный рывок, и карабин в руках напавшего.

— Ни звука, а то сейчас прикончу, — злорадствуя, предупредил преступник.

Так же поступил и другой осужденный. Тоже говорил о жалости и совести. И ничего, мол, в той просьбе особенного нет, обычные, дескать, взаимоотношения курильщиков. Сработало это и тут. Осужденный завладел карабином и ударом приклада сбил Кондакова с ног.

— Сколько солдат осталось в казарме? — зашипел он.

Стало ясно, что бандиты задумали разоружить роту.

— Сколько есть, все наши!

Штык карабина вонзился в грудь солдата.

Другой осужденный, подставив штык к горлу рядового Лебедева, тоже попытался об оставшихся в казарме. Солдат смалодушничал.

— Точно не помню... Человек пятнадцать...

— Какое оружие?

— Восемь карабинов... Да, часовой охраняет казарму и склад... Да, еще Очиченко проверяет службу.

Посмотрев с презрением на труса, бандит всадил в него штык.

Тут преступники увидели, что Очиченко действительно идет к караулу.

У него было приподнятое настроение: близилась весна. Он вспомнил, какой суровой была зима в этом году. Вдруг он заметил в кустах человека в солдатском полушубке, в военной шапке, с карабином, направленным на него. «Не признал что ли меня Лебедев?» — подумал Очиченко.

Раздался выстрел.

Последовали еще два выстрела, одна пуля ударила по руке, другая вошла в шею. Рядом с человеком в солдатском полушубке поднялась фигура в телогрейке.

«Бандиты», — догадался Очиченко. Превозможная боль, он выстрелил. Человек в телогрейке упал. Но и сознание Очиченко помутилось.

Укол в грудь заставил его застонать. Иван открыл глаза. Теперь и его карабин оказался в руках осужденного.

— Очнулся, дежурный!.. — загоготал тот.

— Давай лучше поговорим. Сколько солдат в казарме?

Молчание.

— Много ли там боеприпасов?

Опять молчание.

Подошел еще один осужденный, держа в руках карабин.

— Где ваша ротная автомашина?

Очиченко молчал, а боль все сильнее сдавливала голову. Мысль билась только об одном: могли ли соседние караулы услышать выстрелы?

— Ты у меня заговоришь! — с яростью закричал второй бандит.

Они сдернули с него полушубок, гимнастерку и с еще большим ожесточением стали бить прикладами.

Трое вооруженных бандитов в остервенении кололи солдата штыками, били его ногами. Очиченко слабеющим голосом повторял:

— Пойди проверь...

Он почувствовал, как хрустнула кость правой руки, но снова повторил:

— Пойди проверь.

Он уже не ощущал боли. Последний раз в сознании мелькнуло: «Выстрелы услышали солдаты». Он был уверен в этом...

Рядовой Иван Семенович Очиченко навечно зачислен в списки своей части. На месте гибели верного присяге воина однополчане воздвигли памятник...

Закрыв я книжку и долго сидел в раздумьи от стихотворения Анатолия Жигулина. Помнил я и стихотворение Олега Кулемы. Оба произведения об одном времени.

Два взгляда, два мнения. И две правды?.. Может ли быть так?..

А поделиться своими сомнениями с читателями меня побудило письмо подполковника В. Чумаченко, вернее, его тезис о пересмотре истории войск. Да, вносить коррективы в нее надо. Как мне известно, сейчас создана специальная комиссия, так что работа уже началась. Но не впасть бы нам в другую крайность — только выискивать ошибки или переключивать на себя чужую вину.

Я думаю, новые факты, которые будут найдены, не могут отрицать старые — имеются в виду очерки истории войск под редакцией генерала армии И. Яковлева, — ведь в них собраны подлинные документы. Тем более нельзя поставить ему в вину этот сборник. Над ним работал большой авторский коллектив, и его материалы объективны. То же самое подтверждает и В. Некрасов в отношении своей книги: другие архивные документы, кроме представленных в ней, тогда не были известны.

Полагаю, что В. Чумаченко поступил весьма незнчно (может быть, и не желая этого), походя сравнил И. Яковлева с Ю. Чурбановым. Всем известно, что И. Яковлев недавно награжден орденом, как сказано в Указе, «за заслуги перед Вооруженными Силами СССР». Он фронтовик, в свое время внес большой вклад в развитие и укрепление внутренних войск. Нам, ветеранам, это хорошо известно. Полагаю, что знает об этом и В. Чумаченко.

Как бы ни была остра полемика, надо избегать крайностей в суждениях. Побольше аргументированности и объективности. Таков закон дискуссий.

А. ПОЗДНЯКОВ,
генерал-майор запаса.

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ТОЖЕ НАДО ЗНАТЬ ИСТОРИЮ

Прочитав письмо подполковника В. Чумаченко, преподавателя научного коммунизма Пермского высшего военного командного училища, в ноябрьском номере журнала, я пришел к выводу, что он поверхностно знаком с материалами XX съезда партии и в особенности с постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года, где бы он нашел многие ответы на интересующие его вопросы, в частности, были ли внутренние войска частью репрессивного аппарата, созданного в период культа личности, и кто конкретно несет вину за эти тяжкие преступления перед народом.

Поражает и то обстоятельство, что офицер, прослуживший в войсках 24 года, абсолютно не знает их истории, а потому и представляет ее в искаженном свете. Ему, видимо, неизвестно, что из 15 начальников внутренних войск межвоенного периода 12 захочили свою жизнь на плахе, та-

кая же участь постигла и практически всех руководителей политуправления войск.

А уж в чем отличие социалистической армии от фашистской, подполковнику В. Чумаченко нужно было усвоить задолго до перехода на преподавательскую работу, тогда бы он с классовых позиций подошел к определению функций, предназначению Вооруженных Сил Советского государства.

Да, у нас еще есть издержки в пропаганде истории войск, их традиций. Но имеющиеся сегодня издания [сборники документов, очерки, монография В. Некрасова и т. д.] — это первые книги, раскрывающие, пусть не полно, историю войск. И в связи с этим совсем непонятна позиция В. Чумаченко, поставившего рядом фамилии человека, находившегося на скамье подсудимых, и генерала армии И. К. Яковлева, долгие годы стоявшего во главе войск. Что же исповедует тов. Чумаченко, и чему он может научить курсантов?

Майор А. ГОРЮНОВ.

«...ВЫ ПОДРЫВАЕТЕ УСТОИ АРМИИ»

На мой взгляд, редакции надо серьезно задуматься, в чем же причины, что письмо Чумаченко в вашей почте в гордом одиночестве, почему к вам сыпятся письма благодарности по поводу статей В. Асташина. Уже Верховный Совет РСФСР присудил премию товарищу Жигулину, а вы продолжаете на своих страницах предоставлять монопольное право поучать его и других писателей устами Асташина, что и как надо писать, как прославлять деятельность воинов внутренних войск.

Неужели у вас самих ни разу не мелькнула мысль, что чудовищно печатать в одном журнале повесть о генерале Строкаче и перлы Асташина о справедливости трибунала над сомневающимися. Вы же подрываете устои армии, пропагандируя «злостного» нарушителя приказов генерала Строкача». Или, может быть, по вашим канонам, право мыслить дано только полковникам и генералам,

а солдат должен строго по уставу выполнять команды?

Остановитесь! По логике товарища Асташина не только уравниены воины ВВ с охранниками лагерей любого тоталитарного государства, но ведь и выдана индальгенция на право подавлять сомнения души тем, кто переселял народы, кто видел «врагов народа» в «ЧСИР» (член семьи изменника Родины). Что ж, по Асташину, они наравне с воинами-фронтовиками войск НКВД имеют право на орден? Страшно, но получается, что из одного металла льют медаль за бой... и за злодеяния.

Нет! Нельзя ставить в один строй чекистов Дзержинского и подручных Берии. И не надо нам индальгенций, пусть гложат души сомнения, только души сомневающих не допустят рождения «охранных» войск, будут гарантом рождения войск народных защитников.

На страницах журнала не место восхвалениям подви-

гов, совершенных в период выселения народов Северного Кавказа. И не дело предавать анафеме литераторов за то, что они не рисуют иконописный образ воина, охраняющего «врагов народа» в период культа. А разве дело, когда разогнали некоторых преподавателей нашего Высшего политического училища накануне XXVII съезда партии только за то, что они прочитали тайком книгу о Сталине зарубежного издательства (своих-то не было)?

Свое письмо закончу словами актера Г. Жженова: «...Говорят, в рассказах В. Шаламова — много злости. Но почему за то, что случилось с ним, с нами, со страной, — почему за то надо благодарить? Да, злость, желчь, жестокость. Но — правда!.. Раз имело место быть в жизни — должно остаться в литературе».

Подполковник
В. БРЮХОВЕЦКИЙ.

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ВОЙСКОВОЙ ИСТОРИИ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Ступень возвышения на пути падения

ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

Чурбанов Юр. Мих. [р. 1936] сов. парт. гос. деятель, ген.-полк. [1981]. Чл. КПСС с 1960. С 1975 нач. Политуправления внутр. войск МВД СССР. С 1977 зам. мин., с 1980 1-й зам. мин. внутр. дел СССР. Член ЦРК КПСС с 1976, канд. в чл. ЦК КПСС с 1981. Гос. пр. СССР [1980].

[Советский энциклопедический словарь, 1984 г.].

О Ю. Чурбанове, его сногшибательной карьере, похождениях и злоупотреблениях не однажды писала «Правда», о его роковой роли в судьбе генерала С. М. Крылова рассказывал «Огонек». Не обойден он вниманием и других периодических изданий. За громким судебным процессом над ним и его сообщниками следили буквально все.

Только вот о том, что он почти семь лет находился на руководящей партийно-политической работе во внутренних войсках, возглавлял Политуправление, нигде ничего не услышишь и не прочтешь. Почему-то экскурсии в наше недалекое прошлое считаются если не запретными, то уж во всяком случае нежелательными и не поощряются. Стоило несколько лет назад на одном собрании мимоходом заметить о вреде, причиненном делу воспитания кадров этим человеком, как один из следом выступавших по непонятным для меня причинам принялся оппонировать мне: дескать, и вред этот, если он и был, не столь существен, мол, войска и при нем преуспевали и т. д., в духе инерционного, убаюкивающего мышления.

Между тем когда я бываю в частях и выступаю перед офицерами и прапорщиками, вопрос о Чурбанове поступает непременно: вы с ним работали, расскажите.

Я уверен, что не только деятельность Чурбанова, а и самый факт его появления и бытия в войсках и в МВД СССР являлись источником тяжких деформаций, перерожденческих тенденций и всего худшего, чем ознаменован период, названный застойным. Глядя на него, на его стремительный взлет, всякий понимал (и мог делать для себя практические выводы), что вовсе не знания и опыт, не способности и талант, не трудолюбие и прилежание, а родство, протекции, связи определяют судьбу человека, его успех и процветание. А умение приспособиться, проложить тропинку к сердцу блатного зятя и фаворита га-

рантирует любой посредственности теплое местечко под солнцем, расположение и благосклонность покровителя. Напротив, всякое собственное мнение, не совпадающее с его капризами и прихотями, опасно, рискованно, словом, так сказать, чревато...

О какой социальной справедливости и справедливости вообще могла идти речь в таких условиях? Не отсюда ли брались безверие, скептицизм, равнодушие?

Недавно, вспоминая Чурбанова, услышал я от своего давнего сослуживца такое:

— Это же всего-навсего продукт времени... — В интонации собеседника уловил нечто вроде оправдания и даже сожаления.

— Как понимать продукт — жертва, что ли? — спросил я.

— Да, коли хотите, и так...

Нет, нельзя изображать Чурбанова этой безвинной жертвой обстоятельств. Все мы продукт своего времени, лишь единицы, гении, выламываются из него, далеко опережают его. Только продукт продукту рознь. Одни ведут себя активно, хотят добиться лучшего, борются — не всегда, увы, успешно — с недугами своего времени (а их всегда хватает). Другие пассивно наблюдают, держа нос по ветру, и, как сказал поэт, в итоге такие «молчаливики выходят в начальники». Третьи оставляют за собой грязный след.

Нет, Чурбанов не жертва, он как раз сознательно творил и насаждал бесчестное, аморальное.

И потому важно хоть частично восполнить пробел, образовавшийся от умолчания его роли в войсках. Не ради сенсации или спекуляции на теме, а во имя правды, пусть и горькой.

Оставляя в стороне картины взяточничества, коррупции, пьянства на царских приемах и боярских охотах в заповедных угодьях, которые Чурбанову устраивали высокопоставленные радетели в республиках, краях, областях — словом, все то, что недавно в нашей печати именовалось «чурбановщиной», затрону лишь вопросы, относящиеся к войскам, к политической работе. Нисколько не претендуя на всесторонний анализ, ограничусь личными воспоминаниями и наблюдениями. Охватывают они больше пяти с половиной лет, начиная с апреля 1971 года, когда Чурбанов у нас впервые появился.

Повторяю: Чурбанов был опасен не только сам по себе, своей самоуверенностью, беззастенчивой вседозволенностью, немой и гласной поддержкой власть имущих фамилий из больших домов. Он растлевал окружающих его людей, порождая и культивируя карьеризм, угодничество да и самое примитивное «стучачество» и наущничество.

Хорошо известно, что подхалимы рождаются и размножаются там и постольку, где и поскольку в них возникает потребность.

Умный, талантливый начальник в услугах холуев не нуждается, ему больше импонируют соратники и помощники мыслящие, творческие, инициативные, наделенные чувством собственного достоинства. Его антипод, взобравшись на пьедестал власти, обойтись без рати подхалимов не может, ему она нужна, как воздух.

Чурбанова такая свита окружала в изобилии. Были это люди разные по калибру и запросам. Большинство скорее по недомыслию своему, наивности почти бескорыстно боготворили его, трепетно, с придыханием произносили имя. Находясь под гипнозом магии его положения, эти поклонники воскуряли своему кумиру фимиам, распространяя басни и легенды о его эрудиции, широте интересов, философской образованности и прочем.

Какая-то часть из окружения не преминула использовать свою близость во благо себе, хоть раз сорвав то покровительственный взгляд, а то и новую квартиру, или воинское звание, или что-то еще. Такие и им подобные сделали на стезе угодничества карьеру. Эти служили Чурбанову с иступлением и усердием, не останавливаясь ни перед клеветой и ложью, ни перед доносом в духе самых худших времен.

Ощутимы следы руководящей деятельности Чурбанова и в сфере партийно-политической работы. Человек, не знавший службы войск, он нередко удивлял работавших рядом с ним поистине уникальными «идеями», заимствованными им в комсомоле, где он, между прочим, не очень преуспел. Я до сих пор убежден, что, возглавляя Политуправление, он не знал толком ни положения о политорганах, ни инструкций партийным и комсомольским организациям Вооруженных Сил. Кстати, именно его порой смехотворные, но вовсе не безобидные «идеи» и «почины» стали основной причиной осложнения в наших личных отношениях.

Такой пример. В канун 30-летия Победы (1975 г.) Чурбанов, участвуя в работе собрания партактива дивизии имени Ф. Дзержинского, провозгласил в своем выступлении и собственноручно вписал в резолюцию лозунг о необходимости широкого внедрения нашумевшего тогда почина московских комсомольцев работать за себя и погибших на фронте товарищей из данного коллектива («За себя и за того парня»). Заодно упрекнул начальника политотдела Н. Ларгина, что тот плохо читает газеты.

Применительно к войскам призыв этот был сформулирован так: «Нести службу за себя и за того парня!», скажем, за Артемия Трифонова или Алексея Чабана. На следующий же день Чурбанов, минуя начальника Политуправления, распорядился отправить срочную телеграмму, в которой предписывалось организовать повсеместное поддержание почина дзержинцев, развернуть работу, мобилизовать и т. п. Совершенно случайно узнав о не успевшей еще уйти депеше и усомнившись в правомерности механического перенесения на нашу службу того, что как-то годилось в трудовых, хозрасчетных коллективах, в возможности практически реализовать звонкий лозунг (как может часовой нести службу за себя и за кого-то еще?), я рекомендовал сначала обсудить этот вопрос у начальника Политуправления. Предложение Чурбанова было признано надуманным. Телеграмму бросили в корзину, из решения партактива дивизии злополучный абзац изъяли.

Можно было бы привести и другие аналогичные факты. Характерно, что во всех случаях он ни разу даже не попытался отстоять или хотя бы как-то обосновать свою точку зрения, ни разу не возразил и лишь утешал себя и ближайших прихлебателей: «Ничего, он еще пожалеет об этом». Да и Василий Иванович Котов (в то время — начальник Политуправления) не был в восторге от таких обсуждений и не чувствовал себя победителем. «Лучше бы с ним не связываться», — вздыхал он.

Позднее, став уже начальником Политуправления, Чурбанов принялся форсированно создавать политотделы в полках, не нуждавшихся в них ни по условиям дислокации, ни по характеру службы. Скажем, такой опытный политработник, как А. Ф. Зайцев, недоумевал: зачем это делается? Ко мне как члену штатной комиссии главка вдруг несут на визу, без рассмотрения на самой комиссии, один за другим перечни изменений в штатах, в коих по личному распоряжению Чурбанова то в одной, то в другой части упраздняются парткомы и комитеты ВЛКСМ и вводятся политотделы. Отказавшись визировать один из перечней, я пытался доказать Чурбанову нецелесообразность такой кампании, внушал, сколь полезно иметь в части выборные и подотчетные партийный и комсомольский комитеты. Не глядя в глаза, выслушав мои доводы, он поднял от бумаг голову, лениво взглянул на меня и сказал:

— Вы что же, не знаете разве, что политорганы в Вооруженных Силах являются органами Коммунистической партии?

— Знаю, конечно. Но ведь и парткомы у нас представляют тоже Коммунистическую партию.

Он еще раз посмотрел на меня, как на чудака, и вполголоса отрезал:

— Вопрос обсуждению не подлежит...

Так и без того урезанная в армейских парторганизациях демократия сводилась на нет.

Вызывало недоумение с точки зрения элементарной логики поведение Чурбанова в ряде щекотливых, я бы сказал, невыгодных для него ситуаций. С каким-то упорством он вел счет офицерам и прапорщикам, с которых удерживались алименты, по его команде сведения о них запрашивались из всех частей. Потрясающая статистикой с трибун собраний и совещаний, он клеймил алиментщиков позором, как людей аморальных, хотя сие далеко не бесспорно и вовсе не однозначно. И ведь занимался такими разоблачениями человек, бросивший ради карьеры жену и сына и, кажется, единственный во всем главке плативший алименты, о чем офицерам было известно.

Другой пример. Человек, ни дня не стоявший в военном строю и, по выражению некоторых остряков, став генералом, не ведавший, через какое плечо поворачиваются кругом, полавший сразу в кресло заместителя начальника Политуправления в чине полковника, вдруг стал с подозрительной придирчивостью блюсти порядок прохождения службы офицерами с точки зрения последовательности ее должностных ступеней. (За достоверность догадки насчет «плеча» не ручаюсь, не проверял. Но вот факт абсолютно точный: когда Чурбанову присвоили в 1973 году генеральское звание, вдруг обнаружилось, что он еще не принимал военную присягу).

Заходит однажды расстроенный подполковник К. Его, предстваленного для утверждения заместителем начальника политотдела соединения, Чурбанов бесцеремонно выпроводил из кабинета, заявив:

— Как вы посмели претендовать на эту должность, не пройдя ступень заместителя командира полка?

Я знал офицера давно. Начальник отделения политотдела, человек толковый и дельный, имеющий опыт работы в роте, батальоне, секретарем парткомиссии части, он вполне соответствовал предстоящему выдвигению, на которое, разумеется, не напрашивался. Его оскорбил и грубый тон разговора, а еще больше то, из чьих уст услышал он гневную тираду.

— Ну, а сам-то Чурбанов что прошел? — возмущался подполковник.

На заседаниях Военного совета Чурбанов, вернувшийся в главк с понижением, бывало, громил командиров и политработников за слабую борьбу с пьянством. Между тем присутствующие знали, что сам рьяный «поборник трезвости» этим достоинством не блистал — совсем-таки наоборот.

Вероятно, объяснение такому, казалось бы, странному поведению Чурбанова на редкость просто: к себе он подходил с иными, чем ко всем остальным, мерками, верил в свою непогрешимость и даже богоизбранность, действуя по классическому изречению: что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку. Юпитером он считал, разумеется, себя.

О бесцеремонности Чурбанова можно было бы рассказывать бесконечно. Не удержусь, приведу некоторые оценки.

Идет совещание оргпартработников войск. Выступает начальник отделения одного из политорганов. Говорит не лучше, но и не хуже предыдущих ораторов. Вдруг Чурбанов прерывает его, отчитывает за существующие и надуманные грехи и объявляет:

— Я лишаю вас слова.

Над удаленным с трибуны, сгоравшим от стыда пожилым майором офицеры в перерыве беззлбно потешаются, называя его «лишенцем».

В Политуправлении слушают доклад начальника политотдела полка. Тот изложил вопрос в рамках нормы, по существу, но вместо вопросов, критики, пожеланий слышит из уст Чурбанова:

— Я ваш доклад не принимаю.

Обмениваются опытом идеологические работники войск. Председательствующий на сборах Чурбанов, еще полковник, совсем неуклюжий политработник, ставит в тупик, буквально изводит выступающих с мест назойливыми «почему», «а почему» и наслаждается произведенным эффектом, тем, что офицер не может ответить на каждое «почему», теряется.

Вот так куражился, упиваясь властью, этот восседавший в президиумах сановный зять.

И дело здесь не только в унижении человеческого достоинства тех, кто попадал в немилость к Чурбанову. Деформировались взгляды и отношения в офицерской среде вообще. В атмосфере искусственно раздуваемых истечений, запретов люди отучались от искренности, приучались к фальши и лицемерию. Не всем удавалось оставаться самим собой, сохранить порядочность и честь. Ни о какой инициативе не могло быть и речи, все должно исходить из одного лишь источника и благополучаться им же. Охотников же хоть как-то, даже очень робко противодействовать негодному стилю было, даже если власть в преувеличение, немного. Точнее, не было их.

Рассказываю об этом для того, чтобы не забывали мы горьких уроков прошлого, не прятались от них по-страусиному. Ибо перестройка невозможна без знания и оценки того, ЧТО надо перестраивать, ОТ ЧЕГО отказываться.

И. БЕЛИКОВ, генерал-майор в отставке.

ВОЗМЕЗДИЕ НЕОТВРАТИМО. 30 декабря 1988 г. Верховный суд СССР завершил слушание дела о взяточничестве в отношении ряда бывших ответственных сотрудников Министерства внутренних дел. Суд установил получение Чурбановым взяток на общую сумму 90 960 рублей, а также злоупотребление служебным положением в корыстных целях и приговорил его к 12 годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима, с конфискацией имущества и взысканием с него в доход государства незаконно полученных в качестве взяток денежных сумм.

Георгий ВАЙНЕР,
Леонид СЛОВИН

— Запомнил. Слушай, Какаджан, позвони своему приятелю в оперчасть. Пусть выдернет Уммата из камеры, расскажет ему про брата... Понимаешь? Если будут новости, позвони по тому телефону, что я дал.

— Мне нравится ваше настроение, устоз!

— Это все цветочки, Какаджан!

СИЛАЧ сидел на корточках под деревьями перед телефонным «шкафом».

— Как? — спросил Тура.

— Со сдержанным оптимизмом, я бы так характеризовал ситуацию...

В углублениях дверцы виднелись детали таинственных запорных устройств, хитрости которых Силач преодолевал с помощью складного ножа. Однако уже через несколько секунд перед ним поблескивали желтые клеммы, собранные парно в ровные ряды.

— Если я правильно представляю, номер Зияева в одном из этих блоков... — Тура быстро отошел к телефонам-автоматам и вернулся с телефонной трубкой, на хвосте которой мотался обрывок провода.

— Так, прекрасно!.. — начал Силач. — Хулиганство и умышленная порча имущества. Остается еще сорвать поездной стоп-кран...

Тура, не обращая на него внимания, быстро зачищал концы.

— Сейчас я буду звонить из автомата Адилу Зияеву, а ты подноси проводки к клеммам, ищи наш разговор... — Халматов подал ему трубку. — Как найдешь — махни мне рукой. Все...

Окончание. Начало в № 12, 1988 г.,
№ 1, 2, 1989 г.

Через несколько секунд он уже набирал номер директора ресторана. Трубку сняли сразу.

— Адыл? — спросил Тура.

— Кто его спрашивает? — осторожно спросил Зияев.

— Халматов. Помнишь такого?

В трубке засипело.

— Судя по реакции — помнишь. Хочешь рассказать тебе веселенькую историю. Любишь слушать истории?

В трубке снова раздалось неясное хмыканье.

— Любишь, значит. Но боишься сказать. Слушай внимательно. Один подонок — директор ресторана, куда порядочный человек никогда не войдет...

У Зияева прорезался голос:

— Скажи лучше — «нищий»! Вроде тебя! Будет вернее...

— Так вот. Этот подонок систематически подсовывает клиентам вместо коньяка мешанину из чая и спирта. Она, кстати, стоит до сих пор у него в подсобке. Правда?

Зияев не ответил. Силач не подавал знака — Туре было видно, как он, согнувшись, все еще возится в «шкафу».

— Этот подонок... Ты слушаешь? Интересно?

— Очень. Особенно когда говоришь это ты — человек, который ходит последние часы на свободе! И которого наши славные чекистские органы наконец вывели на чистую воду.

— Зря стараешься, Адыл! Разговор этот не пишется, никто тебе комплименты не зачет. А вот предупредить тебя я должен. Как только со мной что-нибудь случится, на стол первого заместителя Министра внутренних дел Союза ляжет мое письмо. Там описаны все ваши дела. Оно уже в Москве. Передай кому следует.

Силач все еще тщетно искал линию.

— Продолжаю. У этого подонка есть накладные расходы. Он платит вору, который берет на себя чужие кражи. Расплачивается таким образом за липовый коньяк. Кстати, тот, что сегодня привезли, где он? Еще в подсобке?

Адыл закричал.

— Я понял. Так вот, чтобы все уладить, твоим друзьям пришлось вмешаться в это дело брата вора Уммата. Ты меня слушаешь?

— Слушаю тебя, мертвый человек, — присипел Адыл.

Тура увидел — Силач машет ему рукой, он нашел клеммы проводов абонента Зияева.

— Я кончаю свою историю, Адыл. Брата этого убрали, чтобы он не вздумал болтать, когда я до него доберусь. Смотри, чтобы тебе, торговцу, не быть еще замешанным в убийстве.

— Откуда тебе известно, что его убили? — хрипло спросил вдруг Зияев. — Он утонул!

— Его утопили в канале! И мне угрожали той же смертью. А тебя мне жаль. У тебя начнутся небольшие неприятности. Все!

ТУРА и Силач ждали, сидя на корточках у шкафа. С минуту-другую телефон Зияева молчал. Наконец в трубке послышалось еле слышное треньканье — Зияев набирал чей-то номер.

— Шамиль? Ты не увез еще товар? — спросил Зияев.

— Нет еще, — где-то далеко ответил Шамиль.

— Ты что стал себе позволять! Чтоб через полчаса все забрал... В нижней подсобке, прямо под окном, четыре ящика...

В трубке снова послышалось тонкое, еле слышное потенькивание. Зияев уже набирал следующий номер.

— Слушаю, Гапуров, — по-казенному независимо отозвался новый абонент.

— Надо бы поговорить, — тревожно выдохнул в трубку Адыл.

— У себя будешь? — голос прозвучал грубо-напористо.

— Еду к Рахматулле-ака. Надо срочно посоветоваться... Мне позвонил Халматов, он все знает.

— Там встретимся. Жди, я буду. — Раздались гудки, разговор прервался.

— Вот тебе и полковник Равшан Гапуров! — объявил Силач.

Халматов бросил трубку в шкаф и аккуратно закрыл дверцу.

ОКНО подсобки ресторана было за решеткой.

— Где-то здесь должен найтись ломик, — сказал Тура. — Иди вправо, я влево. Нужно что-то тяжелое. Быстрее.

Они двинулись рысью вокруг ресторана. Как назло, нигде не было видно ни одной железки. Тура был почти в отчаянии, когда появился Силач с тяжелым большим колуном в руках.

— Пусти!

Первым же ударом он снес решетку, закрывавшую форточку.

— Отлично! — сказал Тура. — Теперь забрось туда колун. Если мы правы и судьба за нас, хоть несколько бутылок липового коньяка да разобьются!

Ответом ему был звон разбитого стекла.

— Пошли! Все.

— Ну вот! Теперь у нас уже точно есть состав квалифицированного хулиганства, — заметил Силач, подходя к машине. — Дискобар, телефонная трубка, теперь побитые бутылки на складе...

— Это — пожалуйста, — облегченно засмеялся Тура и неожиданно запел: — За восемь бед — один ответ, в тюрьме есть тоже лазарет... Знаешь такую песню?

— Я там валялся, я там валялся, — подхватил Силач. — Думаешь, Высоцкий нас бы поддержал?

— Обязательно! Приятно знать, что, хоть десять холуев Адыла будут вывозить запальный коньяк, явится сегодня-завтра или через неделю Нарижняк и одним соскобом с пола подсобки возьмет ядовитую отраву... Им теперь не подменить бутылки — нет смысла.

Тура захлопнул за собой дверь машины и повернулся к Силачу:

— Эй, таксист! Домой, пожалуйста. Следует отдохнуть. — Он был явно доволен тем, как развивались события этого дня. — Водитель вы первоклассный, Силлов. Однако как юрист... Неужели вы не заметили, что в наших действиях начисто отсутствуют составы означенных преступлений?

— Умысла нет?..

— Делаете успехи! А кроме того, закон ввел такое понятие, как «крайняя необходимость». Да мы просто обязаны как граждане сделать все, чтобы устранить опасность, угрожающую обществу со стороны шайки опасных преступников!..

Силач перебил его, показав через плечо:

— А нас с тобой вниманием и заботой бывшего начальство не оставляет.

Тура оглянулся: на дистанции прямой видимости — почти в упор — за ними ровно тянулась патрульная 13-47.

Силач злорадно засмеялся:

— Пока мы будем прохладиться дома под душем, они хорошо попарятся, дожидаясь нас.

— Ну да, — ухмыльнулся Тура. — Нам же сказал этот сержант, что за баранкой он не устает. Может, и не потеет...

ТУРА поднялся по лестнице и увидел, что в щель у двери воткнул сложенный лист бумаги. Испуганно ворохнулось сердце. Тура выхватил лист — записка. Прочитал.

— «Я в Мубек приехал. Пенсию брать. Надо нам говорить. Вечером буду, в 6 часов, у Сувана-чайханчика. Тулкун Азимов». — Тура аккуратно сложил записку, спрятал в карман и отпер дверь в дом.

СКВОЗЬ шелестящий шум водяных струек душа Туре послышалось дребезжание. Он прислушался: снова отчетливо раздался треск дверного звонка. Быстро перекрыл кран, распахнул дверь из ванной и крикнул:

— Минутку! Сейчас иду!..

Накинул чapan и, оставляя на полу темные пятна мокрых следов, вышел в прихожую, отпер замок, толкнул дверь. Остолбенел.

— Здорово, возмутитель спокойствия, — ухмыльнулся генерал Эргашев весело, будто каждый день, вот так запросто, заглядывал в гости к Туре. — Здесь будем стоять? Или, может, в дом пригласишь?

— Конечно, конечно, — засуетился от неожиданности Тура. — Заходите, Абдулхай Эргашевич. Чай будем пить?

— Будем, конечно, будем. Ты иди, штаны надень, а то как-то несолидно выглядишь...

Тура зажег газ под чайником, вернулся в ванную, обтерся досуха полотенцем, накинул легкие полотняные брюки и рубаху-размахайку. Генерал сидел у стола, задумчиво крутил в руках черный пластмассовый пистолет Улугбека.

— Семья отдыхает? — спросил Эргашев. — Как Надежда?

— В Душанбе к ее подруге отправился, — небрежно ответил Тура. — Пусть развлекается немного.

— Пусть развлекается, — разрешил генерал. — И тебе не мешают тут безобразничать.

— А что я набезобразничал? — поинтересовался Тура.

— Ты заварил очень крутую кашу, — генерал неожиданно подкинул детский пистолет и ловко поймал его. — А я не хочу ее расхлебывать.

— Я вам и не предлагаю ее расхлебывать, — дерзко сказал Тура. — Пусть возбуждают дело и расследуют по всем правилам.

— Ты хорошо подумал? — грустно усмехнулся Эргашев. — Ты думаешь над тем, что ты мне говоришь?

— Конечно, — кивнул скромно Тура. — Вы же меня сами учили — на подозреваемого надо влезать, как на верблюда, — пока он лежит.

— Ты с ума сошел вместе с твоим безумным дружкой Силловым, — покачал головой генерал. — Это вы лежите, а не Салим Камалов. Сын Иноята-ходжа! Ты знаешь, кто он?

— Понятия не имею, — пожал плечами Тура.

— Он профессор, завкафедрой юридического факультета.

— Ну, я свое отучился, — засмеялся Тура.

— Умные от дураков отличаются тем, что до последнего вдоха учатся, — назидательно заметил Эргашев и мягко сказал: — И если ты не хочешь сам учиться, тебя будут учить силой. Иноят-ходжа полвека держит кафедру, он вице-президент академии и председатель Наградной комиссии Верховного Совета. Все заметные люди республики — его ученики и воспитанники. Все ему чем-то обязаны и должны. И я тебе по-хорошему объясняю — не дадут они его в обиду.

— А я разве обижаю почтенного профессора? Я его сыну наркотой торговать не даю.

— Перестань! — прикрикнул генерал и директивно добавил: — Надо найти общий язык с Иноятом-ходжа.

— И не подумаю, — помотал головой Тура.

Генерал внимательно смотрел на него.

— Ты говоришь, как чужой. Со стороны! А постороннему легко рассуждать. Это ведь я отвечаю за область. — Эргашев говорил горько и устало. — Я, я, я отвечаю за все успехи и за всю гадость в Мубеке! — повторил генерал с яростью. — Как ты думаешь, мне это зачем нужно? Я для себя посылаю всех обожэссэсников вместе с заготовителями к соседям, чтобы завозить оттуда и сдавать у нас хлопок? Я этим отчитываюсь? Или другие? Но мне на это плевать, потому что я отвечаю за Мубек. А ты отвечал только за вчерашние успехи, а за сегодняшнюю грязь подставляешь отвечать меня!

— Вы знаете, устоз, что это не так.

— Это так! Потому что я и сейчас за тебя отвечаю. Я делаю все, чтобы прокуратура области прекратила на тебя уголовное дело. Надо подождать, пока пыль уляжется. До старости тебе далеко. И я попробую восстановить тебя, Тура. А если не восстановить, то принять заново. И Силова тоже. Еще поработаете. Чего молчишь?

Халматов вздохнул:

— Я боюсь, Абдулхай Эргашевич, что вы меня неправильно понимаете. Мы с Силачом бьемся не за свое возвращение. Нас никогда не возвращают назад, потому что мы, как попы, извергнутые из сана, не можем снова получить благодать.

— Эх ты! — горестно покачал головой Эргашев. — Этим глупым словам ты научился у своего сумасшедшего дружка. Ты не понимаешь, что Иноят-ходжа своей просьбой оказывает тебе доверие. Он может попросить, если понадобится, самого Отца-Основателя. Ему твое или даже мое согласие не нужно.

— Раз мы с вами говорим об этом, значит, нужно, — заметил Тура.

— Иногда лучше договориться с грузчиком, чем с управляющим... Ладно! — махнул рукой генерал. — Я сделал все, чтобы тебя предупредить. У меня есть личная просьба — думаю, ты мне не откажешь. Иноят-ходжа выехал из Ташкента. Вот-вот будет здесь. Пожилой человек едет, чтобы встретиться с тобой. Ты не должен оскорблять старость, должен его принять. Сами будем пожилыми.

— С ним я встречусь.

— И на том спасибо, — генерал сказал это другим тоном — холодно и злобно. — Все знают, как ты занят, как мало у тебя свободного времени. Боюсь, очень скоро его у тебя совсем не будет...

— **ТУРА** Халматович! — постучала в дверь соседка по лестничной площадке. — Вас почему-то к моему телефону.

— Иду.

— Я так удивилась: мужской голос! Я удивилась, говорю — не тот у вас телефон, нате вам правильный, а он отвечает — не надо, лучше позвоните.

Соседка жила одна, мужчины ее не беспокоили. Такой звонок был для нее настоящим событием.

— Слушаю, Халматов, — Тура взял трубку.

— Устоз! Это я — Какаджан. Мне удалось поговорить с Нарижняком. Когда я рассказывал про операцию с коньяком, он меня все время перебивал. Задал много вопросов. Записывал...

— Будем надеяться, что он не из учеников Иноята-ходжа, — усмехнулся Тура.

Какаджан неуверенно ответил:

— Этого я не знаю. Он — прикомандирован Прокуратурой Союза.

— Так. А что Уммат?

— Думаю, что он даст показания. Он очень любил этого брата, чувствует свою вину. Сейчас он в камере, плачет, жалуется...

— Тебе удалось познакомиться с материалом?

— О гибели его брата? Да.

— Что там? Свидетели есть? Как все случилось?

— Никто не видел. Темная история. К тому же труп обнаружили голым... Понимаете?

Тура помедлил:

— Труссы могли зацепиться за корягу, течение стащило...

— Соседи видели ссадины. Он был истерзан. Все считают, что предварительно над ним надругались. Но родственники не захотели позорить ни парня, ни родителей. Эксперт тоже пошел навстречу родственникам, сразу дал справку. Разрешил захоронить...

ИНОЯТ-ХОДЖА, маленький сутулый человек, приехал под вечер. Служебная «Волга» со штырем над крышей въехала во двор, сидевший рядом с шофером офицер вышел первым, открыл дверцу, почтительно помог старичку выбраться. Несмотря на жару, Иноят-ходжа мерз — на нем был чапан, теплый и простой.

По обычаю Тура встретил старика у дверей с поклоном:

— Здравствуйте. Как здоровье? Как доехали?

На кухне уже кипел самовар. В комнате на столе Тура расставил тарелки с нехитрой едой.

— Спасибо, мой мальчик, — лицо старика было все усеяно коричневыми наростами старости, кожа почти прозрачная. Как ни говори, годы берут свое.

— Садитесь, прошу вас.

Тура проводил его к столу, помог сесть. Сам устроился напротив. Заварил чай.

— Такие дела, мой мальчик, — Иноят-ходжа из вежливости отпил чая, откусил крохотный кусочек лепешки. — Ты не учишься у меня. А я учил половину всех нынешних прокуроров, следователей.

— Я слышал об этом.

— Тысячи людей выучил я пониманию закона, а сына единственного — не сумел. Такая беда у меня, — он тронул

руку Халматова — пальцы отдавали могильным холодом. — У нас с женой один сын. Сам знаешь, что значит один ребенок в доме. Думали, уже не будет. Не чаяли, не гадали. И родился нехорошо — могли его сразу потерять. И болел. Как болел! Каждый день перед тем, как уснуть, я до сих пор представляю, что он погибает. И когда увижу, что он попал под поезд или утонул, тогда уже знаю — все! И засыпаю. Один умный человек хорошо написал: «Для счастья бывает много причин, а по-настоящему несчастными нас могут сделать только дети...» О тюрьме для Салима я никогда и не думал, мой мальчик...

Тура посочувствовал:

— Может, дело прекратят, с учетом его личности.

— Дело не только в этом. Болезнь поразила и его тоже. Сам знаешь — всю жизнь с этим борешься. Мне говорили о тебе. Страшная болезнь, тяжело лечится. Но мы с женой пойдем на все.

Тура подлил ему чая. Старик говорил тихо, будто ему не хватало жизненной энергии, сил, чтобы шевелить языком.

— Дело в другом. Ты же знаешь, мой мальчик, Салим — юрист. Как и ты. Судимость режет его. Он лишится навсегда работы, карьеры, диплома. Он долго не мог найти подругу жизни, мой сын. А год назад на него обратила внимание хорошая девушка из уважаемой всеми семьи. Я уверен, что ты слышал про ее отца. Его имя у всех на слуху. Дело это может коснуться и его тоже.

— Я не знаю, чем вам помочь, Иноят-ходжа.

— Язык — весы ума, мой мальчик. Кто знает, тот говорит обдумывая. В жизни у человека всегда есть два выхода. Тебя еще не допрашивали об этом задержании? — тихо спросил старик.

— Как свидетеля? Нет.

— Салим может вернуться к нормальной жизни и правовой деятельности только чистым, мой мальчик. Если будет признано, что задержание его произошло по ошибке. Подумай об этом, — сказал старик и закрыл глаза. Он был похож на спящую птицу.

— Это невозможно, Иноят-ходжа.

— Все возможно, мой мальчик! Подумай. Всегда есть два выхода. И у тебя, и у меня. И у Салима. И у тех, кто вовлек его в это дело. Я слышал, у тебя большие неприятности, сынок. О, если бы ты смог так же легко убрать все препятствия с моей дороги, как я с твоей!

— Вы могли бы помочь мне возвратиться в органы?

— Сынок! Генерал Эргашев уже не молод. Я сделаю тебя генералом. Мне не трудно это. Сразу, конечно, сделать ничего нельзя, но дай мне небольшой срок. Ты не только вернешься к тому, что у тебя было. Ты возвратишь себе все с большой лихвой. Я пожилой человек, мой мальчик. Я не возьму на душу греха...

— Нет, нет!

— Смотри! Я еще многое мог бы тебе открыть, мой сын, о чем ты даже не

догадываешься в гордыне своей. О врагах, которых мы считаем иногда своими друзьями. И верим им...

— Извините меня, Иноят-ходжа, я ничего не могу сделать, — твердо сказал Тура.

— Ну, что ж! Из каждого положения всегда есть два выхода, — он устало развел руками и неожиданно жестко добавил: — Только когда к нам приходит смерть, он остается один...

ПОЗВОНИЛ Энвер. Голос его был рас-

терян:

— Странно получилось, устоз! Мы все делали, старались.. И какой конец!

— А что случилось? Я не в курсе, — встревожился Тура.

— Сейчас Иноят-ходжа заехал в дежурную часть. С ним полковник Назраткулов и прокурор по надзору за следствием и дознанием в органах МВД. Прокурор принес задержанному извинение в связи с недоразумением. Мне предложили написать объяснение.

— Не расстраивайся, Энвер.

— Я и не расстраиваюсь, — закончил он бодро. — С завтрашнего дня, как смеюсь, уезжаю на хлопок. Управлению дали разнарядку. Полковник Назраткулов мне уже объявил. Уполномоченным. В Джушу, сутки ехать на машине.

Халматов вздохнул:

— Далековато тебя кинули. Чтобы под ногами не болтался. Кого еще отправляют?

— Из ХОЗО, из штаба. Да, и Какаджана тоже!

— Ага! Круто они взялись за нас. Ладно, дружок. Я тебе буду звонить.

Тура взглянул на часы и стал торопливо одеваться. Но в прихожей зазвонел звонок. Тура открыл дверь и с удивлением увидел адвоката Малика Рахимова. Они были мало знакомы.

— Малик Рахимов, адвокат, — представился тот. — Вообще-то мы видели друг друга на всяких партийных, хозяйственных активах. Извините великодушно за вторжение, — Рахимов держался приветливо и достойно. У него в руке был портфель. — Я бы не стал вас тревожить, но, как говорится, только волею посланной мя жены.

— Входите, — посторонился Тура.

— Я ненадолго, у меня минутный разговор.

Они прошли на кухню. Пока Тура заваривал чай, исполняя традиционный обряд восточной вежливости и гостеприимства, Рахимов сказал:

— Я вижу, вы тут один управляетесь на хозяйстве. Семья отдыхает?

— Да, они у подруги моей жены в гостях, в Душанбе.

Они пригубили свои пиалы. Рахимов взял разломленную хозяином лепешку, пожевал безаппетитно, потом сказал:

— У меня к вам небольшое дело. Как говорят, собака не наступит на след тигра, умный поймет смысл слов, — он широко развел руками. — Сейчас на улице какой-то незнакомый человек просил передать для вас этот портфель. Что

в нем, меня не касается. Это все... Спасибо... Такие жаркие дни стоят... — он подвинул портфель к столу. — Что же нас дальше ждет? Хороший чай... Спасибо, — он сделал движение, готовясь подняться.

Не притрагиваясь к портфелю, Тура спросил:

— Что за человек?

— Совершенно неизвестный, — искренно-горячо сказал Рахимов.

— Занятно, — хмыкнул Тура. — А почему он поручил именно вам?

— Трудно сказать, — пожал плечами Рахимов. — Людские мотивы трудно понять. Может быть, слышал, что я тоже юрист? Закончил юрфак. А может, ему известна моя репутация безупречного человека. Я не прошу, чтобы мне верили. Мерило ума — здравый смысл. И умный враг лучше глупого друга. Я не знаю, что в портфеле. Может, там книга, «Кабуснаме», например. Мудрая книга. Из нее многое можно почерпнуть. А может, деньги. Тысяч пятьдесят. А? Вполне приличная сумма.

— Слушайте, Рахимов, а если я вызову дежурного?

Рахимов сердечно улыбнулся:

— Я буду счастлив познакомиться с этим достойным человеком и чистосердечно повторить то же самое.

— В этом портфеле взятка, — устало сказал Тура. — Деньги за то, чтобы я молчал!

Рахимов засмеялся:

— Ошибаетесь! Вы же юрист, сами понимаете, что вы больше не должностное лицо, а подарок частным лицам не является взяткой. Потом разберетесь. Всегда существуют два выхода... Мне это тоже известно. Пока мы живы. А прожитая жизнь, как выпущенная стрела.

Тура посмотрел на часы:

— Разговор окончен.

— Отказываетесь?

Сколько раз за эти дни Халматову задавали этот вопрос.

— Да! Разговор окончен. Ваше счастье, Рахимов, что у меня сейчас нет времени заниматься доказыванием юридических тонкостей вашего подарка. Берите портфель и уходите.

Рахимов беззаботно-весело сказал:

— Я бы как правoved добавил: нет времени и возможности. Но это сейчас неважно. Кстати, если хотите, я могу передать привет вашей жене и Улугбеку. Одна моя знакомая живет с ними рядом — микрорайон Юнус Абад, квартал 6. В Ташкенте. Всего вам доброго. Рад был вас повидать.

Захлопнулась дверь. В сердце Туры входил непереносимый ужас.

ЕХАЛИ молча. Когда уже подъехали к чайхане, Силач, выключив зажигание, сказал Туре:

— Значит, наше дорогое начальство наемкнуло тебе, чтоб мы себя вели скромнее?

— Выходит, что так, — кивнул Тура, — любимый метод мафиозинов — давить с помощью заложников.

— Надеюсь, что это им не удастся, — тряхнул Силач головой. — Сейчас поговорим с Тулкуном Азимовым, узнаем, что у него. А завтра утром выедем в Ташкент, перевезем Надежду и Улугбека в новое место.

Войдя в чайхану, Тура первым делом обратил внимание на ковер — он висел на своем месте.

Самого Сувола в чайхане не было, но в углу они увидели Тулкуна Азимова — старик степенно пил чай. Тура и Силач подошли, сердечно поздоровались, сели рядом. Мальчик-ученик принес свежий чай. Когда он отошел, Тура разлил чай, спросил:

— Тулкун-ака, какие дела привели вас к нам?

— Меня мучает сомнение, — вздохнул Тулкун. — В тот день, что мы с тобой виделись последний раз, Тура, убили этого несчастного мальчишку — Сабирджона...

— Да, Тулкун-ака. И вместе с ним убили Большого Корейца.

— До нас не сразу вести доходят — мы живем в углу мира. Но я уже слышал о твоих делах... — Тулкун замолчал, будто раздумывая, говорить ли дальше на эту щекотливую тему или деликатно промолчать, потом махнул рукой: — Я долго думал, могу ли я высказать такое, пока не понял, что не могу не сказать тебе... Ты не знаешь, почему я позвал тебя сюда?

— Я не думал об этом, — осторожно заметил Тура. — С умным человеком выпить чаю в любом месте — праздник!

— Наверное, — кивнул Тулкун. — Но я решил тебе сказать, что за день перед тем я видел там Сабирджона.

— И что он делал? — заинтересовался Тура.

— Он пил чай и разговаривал с Сувоном.

От неожиданности Тура опешил и бессмысленно переспросил:

— С Сувоном? С нашим Сувоном? Чайханщиком?

— Да, — коротко кивнул Тулкун.

— А он часто бывает у вас?

— Нечасто. Раз в месяц примерно. Он у нас на базе мясо берет. И в тот раз забрал. Не знаю, может, случайно они за столом оказались вместе.

— Долго разговаривали? — спросил Тура.

— Не могу тебе, Тура, сказать точно — не обращал я внимания, сам понимаешь. К ним еще потом Зият подошел, вместе сидели.

— Зият? Кто такой? — подвинулся к нему ближе Силач.

— Бывший инспектор из Дарвазы. В ГАИ когда-то работал. Потом в Казахстан перевели, снова возвращался. Не помните его?

— Зият Соатов! Тот гаишник, что посадил Сабирджона за кражу машины!

Старик отпил глоток чая, положил ладонь на руку Туры:

— Я ничего плохого сказать о них не могу. Но предупредить тебя должен. Он тебе сам ничего не рассказывал о разговоре с Сабирджоном?

Тура обменялся с Силачом взглядом, медленно покачал головой:

— Нет, ничего он мне не говорил о Сабирджоне... Тулкун-ака, напрягись, пожалуйста, думай изо всех сил. Люди, которые убили Корейца и Сабирджона, гонят фальшивый коньяк и распространяют его вместе с опиумом по всей области. Мы с Силачом совершенно уверены, что его делают где-то неподалеку от твоих мест — между Урчашмой и Дарвазой. В маленьком цехе... Подумай, где это может быть? Мы не можем ехать туда наугад — район маленький, сразу все станет известно! Производство уберут мигом, а нас подстрелят. Думай, Тулкун-ака, думай.

— Большое помещение и не нужно, — рассудительно заметил Азимов. — На винопункте излишек спирта. Это просто. Бутылки берут из пункта стеклотары. Этикетки, колпачки скупают. Им привозят. Остаются механизмы для закупоривания. А даты ставят штемпелем, они во всех канцелярских магазинах продаются.

— У тебя есть знакомые на винопункте в Дарвазе? — спросил Тура. — На худой конец, я мог приехать ночью от твоего имени.

— В самой Дарвазе они не станут делать цех, — мотнул головой Тулкун. — Люди заметили бы — машины приходят, чужие ездят. Нет! Я думаю, они в Ак-Су могли окопаться. На рыбзаводе.

— Кажется, я знаю! Бывший завод безалкогольных напитков? С высокой трубой?

— Да. Но ночью вы там ничего не сделаете вдвоем. Мне надо ехать туда с вами.

Тура обнял его за плечи:

— Тулкун-ака, время не терпит. Утром нам надо быть в Ташкенте по очень важному делу. Надо сегодня ехать.

— А что мешает? Сейчас и поедем, — усмехнулся Тулкун и браво разгладил усы.

— Долгий день позади — не тяжело тебе будет? — спросил Тура.

— Силы еще есть, — гордо сказал Тулкун. — Мне наш генерал не раз говорил: на таких людях стоит наша милиция! А тебе, Силов, говорил такие слова генерал? — и засмеялся.

— Нет, мне ничего такого генерал никогда не говорил, — серьезно ответил Силач и позвал мальчика-ученика: — Тебе что дядька твой Суворон сказал — когда будет?

— Не будет его сегодня. Сказал, что ночью приедет, может, завтра.

— Интересное кино, — покачал головой Силач. — А как же он нас собирался поить сегодня вечером «Эрл грэм»?

Тура вдруг встал и подошел к висевшему на стене ковру. В чайхане было почти темно, незаметно накатил вечер, уже толпились за столиками шоферня-дальнобойщики и обычные завсегдатаи. Кто-то играл в нарды, двое разбитых мужиков сняли с противоположной стены, куда Суворон должен был перевесить

в нужный час ковер, музыкальные инструменты, узбекскую скрипку — гжак и тар.

Тура провел ладонью по ковру, и сердце больно, испуганно дернулось. В середине ковра был прорван большой кусок и края разрыва аккуратно, совсем незаметно прибиты к стене мелкими гвоздиками.

Он вернулся, трясаясь от сдерживаемого напряжения.

— Ты что? — спросил Силач, пристально следивший за ним.

— Ничего. Просто этот ковер нельзя никуда перевешивать — он прибит навсегда. Суворон, похоже, получил от кого-то задание — держать меня на приколе. И сегодня тоже... Значит, с ним в чайхане тогда был гаишник Зият? — удостоверился он у Азимова.

— Зият.

— Ты помнишь эту бабу в «Чиройли»? Мы ее потом допрашивали в гостинице...

— Конечно, — кивнул Силач. — Света, Гульчехра. А что?

— Вспомни, она рассказывала, что кричал Пак, когда в него уже выстрелил убийца.

— Он ничего не говорил, он просто закричал: А-я-и!..

Тура схватил его за руку и сжал изо всех сил:

— Кореец кричал: Г-А-И-И! Он опознал убийцу. Вспомнил этого Зията!

У ОСВЕЩЕННОГО подъезда управления толпились люди. Тура выскочил из машины и предупредил:

— Если меня через полчаса не будет, езжайте в Дарвазу сами, решайте по обстановке.

Силач спросил:

— Ты хорошо все продумал? Может быть, визит этот вовсе не обязательный?

— Обязательный! — уверенно сказал Тура. — Иначе нас завтра самих посадят как уголовников.

— Ну, давай! Ни пуха... — напутствовал Силач, и Тура побежал вверх по ступенькам лестницы.

В вестибюле была необычная толчея. Люди носились во все стороны, и только Хромой Халыф стоял неподвижно, как глиняный столб в пустыне. Тура подошел к нему, похлопал его по плечу, спросил:

— Как ты жив?

Халыф медленно перевел на него взгляд, будто видел его впервые, и медленно сказал:

— К сожалению, я еще жив, хотя, по моему, это не имеет смысла.

Он смотрел куда-то мимо Туры, поверх его головы.

Тура обратил внимание, что несколько человек стоят около аквариума, ожесточенно жестикулируя. Он подошел ближе и в испуге отшатнулся — тропические рыбы всплыли к поверхности воды вверх животами, их плавники и хвосты висели грязными сморщенными тряпочками.

— Что это? — спросил пораженный Тура Халыфа.

— Это кокнар. Наркотик. Слышал о таком? — сказал с болью и страданием Халыф.

— Кокнар?! Как он туда попал? — удивился Тура.

— Я его кинул, — сказал мертвым, отрешенным голосом Халыф.

— Ты?! — безгранично удивился Тура. — Где ты взял кокнар? Откуда? Зачем? Что ты сделал?

Халыф долго молчал, потом с ужасной мукой сказал:

— Я всегда считал тебя единственным приличным человеком здесь. Я хочу сказать тебе... Я давно должен был тебе это сказать, но у меня не хватало сил. Ты хотел знать, кто послал Пака к кафе, где его убили?

Тура сцепился руками в мундир Халыфа:

— Ты это знаешь?

— Да. Мне и это известно. О том, что Пак поехал в кафе, знал генерал Эргашев.

— Этого не может быть! — быстро сказал Тура. — Откуда ты это взял?

— Когда Пак выходил из вестибюля, в тот день, мне позвонил генерал и велел вернуть его из машины. Я догнал Корейца, и он говорил при мне с ним по телефону.

— И что Пак сказал ему?

— Не знаю, я не прислушивался, но генерал знал, куда уезжает Пак.

Тура ошеломленно молчал.

— Почему же ты столько молчал? Почему ты это сказал только сейчас?

Халыф, не поднимая головы, сказал голосом человека, для которого в жизни уже все не имеет значения:

— Потому что я сегодня отравил рыб генерала кокнаром, который я нашел у своего внука! Они сделали его тоже наркоманом и сбытчиком кокнара. Будь они прокляты все!

Халыф повернулся и, тяжело прихрамывая, пошел к себе в каморку.

— А где Эргашев? — крикнул ему вслед Тура.

— Нет его, — махнул рукой Халыф, — уехал с вечера.

Стукнула входная дверь. В вестибюль вошла группа офицеров. Тура сейчас не хотел ни с кем встречаться, он быстро пошел к лестнице, легко взбежал на второй этаж, прислушался. Было тихо. Он прошел по коридору и постучал в дверь кабинета.

— Разрешите?

Нарижняк, видимо, собирался ужинать: посреди стола стояла бутылка простокваши, на тарелке лежали помидоры, зелень, мубекская лепешка. Следователь смотрел телевизор.

— Сутки остались до того торжественного момента, когда на Большой спортивной арене Центрального стадиона имени Ленина погаснет олимпийский огонь...

— В чем дело? — Нарижняк, с явным неудовольствием приглушив звук, смотрел на Тура.

— Я пришел к вам сделать официальное заявление. Мой заместитель, майор Пак, был убит в кафе «Чиройли» ско-

рее всего бывшим сотрудником нашего управления инспектором ГАИ Зиягом Соатовым. Зият, возможно, связан с торговцами наркотиками — с чайханщиком Сувоном Акбаровым. И то, о чем мы с вами столько говорили, — как получилось, что Пак уехал, никому ничего не сказав, — имеет простое объяснение: Пак предупредил о том, что он едет на связь с Сабирджоном Артыковым, начальником управления генерала Эргашева.

— А откуда вам все это стало известно?

— Я располагаю свидетельскими показаниями. Эти люди сделают соответствующие заявления на следствии и в суде. Но сейчас нет времени оформлять их документальные свидетельства. Надо срочно ехать в Дарвазу. Там должна находиться база по производству фальсифицированного коньяка, оттуда же шли наркотики.

— Почему сегодня? — спросил подозрительно Нарижняк.

— Есть основания полагать: ночью или завтра утром они ликвидируют все следы производства. Я прошу вас принять все необходимые меры! Завтра будет поздно.

— Но почему я должен вам верить? — настороженно спросил Нарижняк.

— Потому что у вас нет другого выхода. Завтра будет поздно. Вы никогда не простите себе, если хотите считать себя честным человеком. Бандиты и убийцы завтра будут торжествовать победу, а я буду сидеть в тюрьме.

— Я должен проверить все, что вы сказали, — сухо сообщил Нарижняк.

— Проверяйте, делайте, что хотите, но учтите: если завтра мы не сможем с вами поговорить, то хотя бы помните все то, что я вам сказал. Вам смогут дать показания милиционер-пенсионер Тулкун Азимов и Халыф. Всех остальных назовет Тулкун Азимов. У меня больше нет времени разговаривать с вами. Последний вопрос: вы взяли пробы из разбитых бутылкок коньяка в ресторане у Адыла Зияева?

— Да, взял.

— И что?

— Я уже задержал Зияева, — спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, сообщил Нарижняк.

— Он и в камере здесь будет чувствовать себя, как дома. С телевизором и телефоном. И будет по-прежнему руководить своими подчиненными.

Нарижняк поморщился:

— Зияев Адыл находится вне пределов Мубекской области.

Тура получил щелчок по носу, но — странно! — испытал удовлетворение: следователь знал свое дело.

— Вот тот коньяк, который оказался у Адыла в подсобке, скорее всего и производят около Дарвазы. Это помещение рыбокоптильного завода. Раньше там был завод безалкогольных напитков. Заводик видно издалека — над ним высокая труба котельной. Проехать туда от нас можно только через Золотой мост.

— Я приму необходимые меры, — сказал осторожно Нарижняк.

Тура махнул рукой и вышел за дверь.

В коридоре он лицом к лицу столкнулся с Равшаном Гапуровым.

— О! — воскликнул тот радостно. — На ловца и зверь бежит. Ты мне очень нужен, Тура. Я разыскиваю тебя по всему городу. Зайди на минуту!

— У меня, Равшан, сейчас нет времени с тобой разговаривать. Завтра... — сказал Тура и хотел пройти, но Гапуров взял его за руку.

— Только на одну минуту. Ты сразу поймешь, почему это так важно.

Он отпер дверь и пропустил Туру вперед. Тура заглянул в соседний кабинет, никого из его учеников не было.

— Парни твои все в разъездах, я распорядился, — просто сказал Гапуров. — Садись, я сейчас. Один короткий звонок. — Он подошел к столу, выдвинул верхний ящик, что-то проверяя в нем.

Бойся меня, подумал Тура. Он сел.

— Жара такая, даже к вечеру не отпускает. — Гапуров подставил голову и шее мощной струе включенного вентилятора.

— Ты чего такой задумчивый, Равшан?

Гапуров желчно-иронически усмехнулся:

— А ты разве веселый, Тура?

— У меня нет твоих забот.

— У тебя есть свои, — пожал плечами Гапуров. — И они, по-моему, хуже моих!

— Это тебе только кажется.

— Мне ничего не кажется... — Гапуров вынул из папки на столе заполненный бланк. — Вот постановление прокурора области о твоём аресте. Я обязан тебя с ним ознакомить.

Тура взглянул на бумагу.

— «Злоупотребляя должностным положением... принудил милиционера-водителя... нанести значительный ущерб...» — Тура пренебрежительно отбросил бланк. — Но это же все вранье, Равшан. Ты же знаешь...

Вместо ответа Гапуров снял трубку прямой связи с дежурным по управлению.

— Гапуров... Халматов здесь, у меня. Присылай наряд. Я скажу, что делать...

Равшан еще не положил трубку, как Тура перегнулся через стол и выхватил из приоткрытого ящика лежавший там пистолет Гапурова, направил ему в лицо:

— Руки! Быстро! Мне некогда повторять. Быстро, я тебе сказал!

Гапуров побледнел. Из трубки, которую он все еще держал, уже неслись частые гудки. Он так и поднял руки вместе с трубкой.

— К стене! Сюда! Живо! У меня нет времени...

Гапуров шагнул в сторону. Тура с силой дернул кабель, тянувшийся к коммутатору оперативной связи на столе, он не поддался. Тура достал из кармана перочинный нож, полоснул пластмассовый шнур — кабель отделился.

— Ты за это ответишь... — прохрипел Гапуров. — Спротивление при исполнении возложенных законом обязанностей. Понуждение. Пистолет... Под расстрел пойдешь...

— А привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного?.. Заведомо незаконный арест... Связь с Адюлом? Смерть брата Уммата? Как это?..

На лестнице были уже слышны шаги, Тура взглянул на Гапурова, поймал его взгляд.

— Слушай внимательно. Ты меня знаешь, я на ветер слова не бросаю. Сейчас я запру тебя. Если подойдешь к окну и хоть слово крикнешь, я вернусь... Я убью тебя, продажная гадина! — Он сунул пистолет в карман. — Запомни!

Тура вышел из кабинета, повернул ключ в дверях.

Тура показался в коридоре как раз вовремя. Навстречу шел старшина, старый служака, с каким-то молодым милиционером. Появление в коридоре спокойно идущего навстречу Туры Халматова повергло обоих в легкий шок.

— Товарищ подполковник, — старшина замаялся. — Звонил полковник Гапуров...

— Я знаю, — сказал Тура. Позади, в кабинете, все было спокойно, Равшан сидел тихо, как мышь. — Но, слава богу, генерал вмешался, не допустил беды. Идите сейчас в приемную, дождитесь там Гапурова.

— Вот и хорошо, — служака-дежурный достал платок, с облегчением вытер вспотевший лоб. — Пошли, Азиз...

Путь к выходу был открыт.

В вестибюле, около аквариума, Тура увидел нескольких офицеров, столпившихся вокруг Назраткулова, в ужасе и гневě объяснявшего, что произойдет, когда приедет Эргашев. Туру окликнули, но Халматов, не останавливаясь, прошел к выходу.

Навстречу ему из темноты бесшумно выползла машина с Силачом и Тулкун Азимовым.

— Я уже не верил, что ты появишься, — вполголоса заметил Силач, когда Тура нырнул в кабину. Тулкун Азимов тихо дремал сзади.

— Сматываемся!..

В ту же минуту на втором этаже раздался грохот: Гапуров, убедившись, в том, что ему реально ничто не угрожает, чем-то тяжелым, видимо, стулом, сокрушал дверь.

— И быстро!

ОПИСАЛИ по площади стремительную дугу вокруг памятника Отцу-Сыну-Основателю, с ревом выкатились к Великой транспортной развязке, помчались по прямой пустынной трассе.

— Я даже не поверил бы, что такое бывает, — поддал сзади голос Тулкун Азимов. — Лет двадцать назад банда была, они застрелили милиционера, захватили машину. Нам предлагали взять отделение автоматчиков, самоходку и брать их в кишлаке, а генерал Эргашев,

он тогда капитаном был, сказал: «Не надо, мы вдвоем пойдём с Тулкуном и возьмем их». Ну и взяли...

— Э-э-э, Тулкун-ака, — ответил Силач, — если бы генерал Эргашев сейчас пошел меня брать, наверное, ему бы это не удалось.

— Зачем Эргашеву брать тебя? — удивился Тулкун. — Ты же свой.

— Ну, да, — мотнул головой Силач. — Свой среди чужих... А как было тогда, когда убили Садыка Закинова? Зият, гаишник, работал тогда у нас?

— Он перевелся в Чимкентскую область. Но все равно свой. Садык мог подпустить его к себе на Золотом мосту...

Позади послышался нарастающий шум мощного мотора.

— Не ушли, — заметил Тура. Их быстро догоняли. Приближающаяся машина не стала обгонять, а пошла с интервалом метров в триста.

— Сейчас сделаем вот такой финт... — сказал Силач. Он разогнал машину и свернул к тротуару.

— Смотри! — из темного провала улицы на большой скорости за ними показались милицейский «Москвич» с гербом на передней дверце и штырем антенны над кабиной.

— Это 13-47? — спросил Силач.

— Она. Вот так и поедем вместе до городской границы, там разберемся.

Силач повернулся к Тура.

— Давай, докладывай, что там происходит, а то мы тут исстрадались, дожидаясь тебя.

— События происходят чрезвычайные, — усмехнулся Тура. — Следователь Нарижняк задержал Адыла Зияева, директора ресторана.

— Адыла? — бесконечно удивился Силач. — Ну и дела. Господи, долго ты терпишь, да больно бьешь!

— Еще посмотрим, как ударит, — с сомнением заметил Тура.

— Ну перестань, — махнул рукой Силач. — Сам факт, что взяли Зияева под стражу... Ай да следователь, ай да Нарижняк, вот молодец! Ведь это подкоп под всю систему общепита! Под Рахматуллу! Адыл ведь его правая рука. Представляешь, что начнется! Рахматулла — друг генерала. Сколько денег проиграли друг другу в «кулуз»! Кореша!

Милицейский «Москвич» по-прежнему держался позади, не приближаясь и не отставая.

Тура сказал с невеселым смешком:

— Не знаю, что будет с Адылом, а я то точно уже арестован.

— В каком смысле? — переспросил Силач.

— В обычном. Есть постановление о взятии меня под стражу. Исполнение прокурор области поручил Равшану Гапурову.

— И что?

— Ничего. Крайняя необходимость, интересы общества... Запер его в кабине и ушел к вам... Вот и кончилось наше время, — горько сказал Тура. — Как воды в ладони — до завтрашнего утра. Если мы их не возьмем сегодня, не сите передачи.

— Где ты хочешь от них отрываться? — спросил Силач, кивнув головой назад.

— На Старой дороге, там есть хорошие места.

— Не могу понять, — Тулкун-ака постариковски поерзал на неудобном сидении. — Вот они едут за нами... А путевку-то им куда выписали? Что дежурному они скажут?

— А ничего, — обернулся Тура. — В путевке скорее всего значится, что машина вообще из гаража не выезжала. В случае чего — у них полное алиби!

— Ну и ну, — старик покачал головой.

Сбоку мелькнули транспаранты: «Мубек приветствует дисциплинированных водителей», «Транзитный проезд через город запрещен», «Ок иул! Добрый путь!»

Силач совершенно неожиданно, не выбросив мигалки, вдруг резко свернул направо и помчался по хорошо утрамбованной грунтовой трассе. Через несколько мгновений сзади показались огни преследующего их «Москвича».

— Давай, Силач, гони быстрее. Сегодня у них, наверное, последняя возможность убрать следы коньячного производства. Если мы их перехватим, то Нарижняку будет легче разговаривать с Адылом.

— Сильно замахнулся Нарижняк, — заметил Силач, в котором радость постепенно сменялась озабоченностью. — Интересно, он понимает, против кого руку поднял? Это ведь Мубек! Не просто область, это — родина Отца-Сына-Оскователя! Рахматулла-ака ему какой-то двоюродный дядя по материнской линии. Вместе в кишлаке босиком бегали...

— Ладно, посмотрим, — перебил его Тура. — Не пора сворачивать? Здесь километров двадцать степью, довольно глухой участок, никто не ездит, потом начнешь петлять.

Силач с ходу проскочил сквозь небольшой спящий кишлак. Широко растеленной скатертью лежала за ним степь, покрытая невидимой сетью дорог.

— Нас догоняют, — сказал Тура. — Может, получили по радию указания?

— Два слепящих огня сзади приближались. Над кабиной вспыхнула и заработала сиренево-синяя круговерть огня.

— Они, по-моему, хотя, чтобы мы остановились, — Силач скинул скорость. — Может, хотя что-то сказать?

Силач принял в сторону и поехал тише. «Москвич», набирая обороты, стал легко обходить, но, выравшись на полкорпуса вперед, словно приклеился и пошел дверь в дверь рядом.

Сержант — водитель с раздавленным лицом, не оборачиваясь на них, смотрел прямо перед собой. Стекло задней двери стало опускаться, и Тура увидел лицо его молодого козлобородого спутника. И в тот же миг закричал Силачу:

— Крути!

Из окна козлобородый высунул ствол ружья. Машина, прыгая на ухабах, мешала взять точный прицел. Силач рванул руль. Автоматриса едва не перевернулась. Наверное, это спасло им жизнь. Грохнул выстрел, и со скрежетом заряд

пробил кабину машины и сбил зеркало заднего вида. Сразу же раздался второй выстрел, со звоном и треском расколовший им заднее стекло.

— Тулкун-ака, ложись на сиденье, — крикнул Тура и сам наклонился к щитку машины. Силач ударил по тормозам, и патрульный «Москвич» сразу выскочил вперед, словно его выбросила отдача после выстрела. Силач мгновенно дал полный газ и снова нажал на тормоза, руль — направо. Машину развернуло в обратную сторону.

— Гони! — выдохнул Тура.

Машина, как выпущенный из пращи камень, помчалась в сторону шоссе. Тура видел, как патрульная остановилась и стала разворачиваться. Она какое-то время буксовала на песке, потом снова выскочила на дорогу и устремилась в погоду за ними. Тулкун Азимов, лежа на сидении, неожиданно засмеялся:

— Слушай, ты водишь машину как человек, который встретил собственную смерть и та его не узнала. — Ни малейших следов испуга или волнения на плоском загорелом лице старика не было видно.

— Тулкун-ака, у тебя все-таки другая школа, наверное, — покачал головой Тура. — У нас с Силачом поджилки трясутся, а ты хоть бы хны.

Машина подскочила на рытвинах колеи. Вдоль шоссе гянулись деревья, стволы были одинаково окрашены.

— Как назло ни одной машины, — сказал Тура. — Вряд ли они станут стрелять при посторонних.

На ровном участке «Москвич» стал снова догонять их.

— Эй, ребята! — обратился к ним Тулкун-ака. — Кому же это вы так мешали? Кто их послал?

— Не знаю, — сказал Тура. — Думаю, что это дело рук Иноята-ходжа. У него ведь было два выхода.

Силач заметил:

— По делу его сына мы как свидетели не допрошены.

— Вот-вот! — подтвердил Тура. — Если б мы сейчас остались на дороге, то наши обвинительные показания умерли бы вместе с нами.

Дорога стала скручиваться в предгорный серпантин, и здесь, на подъеме, форсированный мотор патрульного «Москвича» 13-47 стал показывать себя. Огни фар приближались.

— Тулкун-ака, не поднимай голову, лежи на сидении смирно, — сказал Силач.

— Сынок, я старый человек, мне стыдно прятаться от убийц. Как бог даст...

Тура перебил его:

— Старый милиционер надеется не только на бога.

— Так! — остановил их Силач. — Приготовьтесь. Сейчас будет один из главных аттракционов.

Дорога под прямым углом сворачивала направо, и как только огни преследующего автомобиля скрылись за поворотом, Силач затормозил, и Тура увидел,

что правая часть дороги загорожена строительным тамбуром. За обочинной открылся крутой спуск в ущелье.

Силач выключил свет и остановил машину в самом узком месте между отвесной скалой с одной стороны и строительным тамбуром с другой. В наступившей тишине был слышен рев мотора. Ночная темнота за поворотом сзади них постепенно наливалась жидким светом приближающихся преследователей, и через секунду «Москвич» выскочил из-за скалы. Пронзительный визг тормозов — Силач включил свет и первую скорость и двинулся навстречу. Водитель патрульной машины, тот, что никогда не уставал, уже не имел времени для выбора. У него оставался единственный шанс — проскочить на скорости по обочине. Автомобиль и тамбур перекрывали ему движение. Он дернул резко руль влево, пытаясь пролететь мимо тамбура, на мгновение колеса зависли над пропастью. Было видно, как бешено прокручивается заднее колесо, срывая куски щебня и глины, и вдруг, покачавшись, «Москвич» задрал капот и рухнул в ущелье. В свете фар было видно, как по косовету летит машина вниз. Ударившись о первый выступ скалы, она развалилась на куски. Отдельно летел двигатель, крутились оторвавшиеся колеса, из лопнувшей, как скорлупа, кабины, выпало тело. Длинные синие искры, высекаемые из камня падающими металлическими частями машины, гаснущий постепенно свет огней и тяжелый удар внизу, мгновенная тишина и ослепительный, красно-синий сноп пламени из взорвавшегося бензобака осветил темную пропасть, залил округу багровым светом горящего масла и обшивки...

Тура, Силач и Тулкун стояли на краю дороги и глядели вниз, туда, где чадно догорало то, что минуту назад называлось патрульной машиной 13-47 и ее экипажем.

Тулкун покачал головой и сказал:

— Старики наши говорили: «Кто облачился в ненависть, перепоясался завистью, обулся в сапоги мести, надел на глаза козляк ярости, тот помчался за смертью»...

С РЕВОМ резала машина повороты черной дороги. Белая строчка посреди шоссе превратилась в непрерывную линию. Недалеко от Дарвазы догнали колонну тяжелых грузовиков. Они шли вплотную, затрудняя обгон. Силач отыскивал между ними щели, резким рычком налево, вперед, направо кидал машину, выигрывая километры скоростного хода.

Они выскочили на перевал. Здесь Тулкун Азимов попросил остановить машину.

— Послушайте меня, мальчики, — сказал он. — Нам одним ничего не сделать. По-моему, заварилась очень серьезная каша. Надо дожидаться грузовиков, которых мы обогнали, — они должны ехать на Урчашму. Я поеду с ними и соберу всех, кого смогу. Пускай с охотничьими ружьями. Кого-нибудь найду,

попрошу Файзыбаева, здесьего замначальника по службе. Он хороший парень.

Тура негерпеливо перебил:

— И что? Как мы свяжемся?

— Вы езжайте в Ак-Су. Здесь треугольник. Никаким способом мы не минуем Золотого моста. Я жду от тебя звонка с коптильного завода, там телефон. Как только ты мне звонишь, я выезжаю к вам навстречу. Что бы они ни придумали, проехать мимо Золотого моста они не смогут.

Силач сразу же включился:

— Старик дело предлагает.

— Пожалуй, у нас нет другого выхода, — согласился Тура.

Через несколько минут показался головной грузовик. Силач вышел на дорогу, широко расставил руки, остановил колонну, быстро поговорил о чем-то с водителем и замахал рукой:

— Тулкун-ака, иди, тебя ждут.

Старик шагнул к Туре, прижал его к сердцу.

— Сынок, желаю тебе удачи, — и пошел к кабине грузовика.

Через минуту концевые огни колонны исчезли в темноте. Тура и Силач влезли в машину. Силач сплюнул на руки, потер ладони и сказал:

— С богом, помчался!

Крутанул стартер, и машина рванула в ночь.

РЫБОКОПИЛЬНЫЙ завод — несколько маленьких низких построек — был виден с дороги. Машина легко проскочила бы его, если бы не высокая узкая труба — она стояла как бы на пустыре за забором.

Тура и Силач вышли из машины.

— Сюда, — Тура, проверяя, мигнул карманным фонариком. — Только, похоже, из тех, кто нам нужен, никого нет.

Маленькая проходная казалась заколоченной, дверные ручки снаружи отсутствовали, как и вывеска с названием. Ворота были закрыты.

— Посвети на секунду, Тура...—Вдоль кузова тянулся след, оставленный пулей, заднее стекло выбито. — Чем же он стрелял? Жаканом, что ли... Вот сволочуга! Где я теперь заднее стекло достану?

Халматов встал ногой на бампер, оттуда — на багажник, взобрался на кабину, подал руку Силачу.

С крыши машины они перемахнули через забор. Осторожно, то и дело оставившись, чтобы осмотреться, двинулись залитой асфальтом дорогой.

Производственные помещения располагались в середине, подсобные тянулись вдоль по периметру.

В углу двора фонарик высветил ржавый агрегат, формой и объемом отдаленно напоминающий асфальтоукладчик. Только в центре его виднелись приспособления, напоминающие мойку.

— Бутылочно-моечная машина... — догадался Тура. — Наследство вылетевшего в трубу завода безалкогольных напитков.

Они подошли ближе. Неподалеку от агрегата, сбоку, виднелась собачья будка. Звенья тяжелой цепи тянулись за будку, к забору. Халматов перевел неяркий свет фонаря — крупный лохматый пес лежал неподвижно. На шум шагов даже не повернул головы.

Тура и Силач подошли ближе, заглянули за ящики. У морды собаки на асфальте виднелась лужица крови.

— Они уже были здесь! — Силач показал на короткую металлическую трубу, валяющуюся поодаль.

Тура потянул дверь сарая на себя, осветил фонариком. Вот он — цех по производству липового коньяка!

Вдоль обычного ленточного транспортера по обе стороны стояли ящики с фирменными, возбуждающими воображение этикетками «Коньяк грузинский выдержанный», отливали синтетическими красками заготовки фабричных крышечек. У конца транспортера, на столах, высились приводимые в действие электричеством заводские автоматы, предназначенные для автоматического закупоривания бутылок.

— Целый коньячный завод, — восхитился Силач. — Только вот готовую продукцию они уже вывезли...

Было некогда в этом разбираться. Халматов взял несколько этикеток, сунул в карман.

— Едем? — спросил Силач.

— Сначала надо позвонить.

Контора помещалась в темном низком здании, в него вели несколько дверей, узких, нестандартных, заколоченных фанерой.

На столе, поверх захватанных мятых папок с накладными, стоял телефон. Тура быстро крутанул диск.

— Сюда, — Тура нашел контору.

Долгий басовитый гудок в трубке и отчетливый — будто рядом — голос:

— Тулкун Азимов слушает.

— Тулкун-ака, это Халматов. Мы — в Ак-Су. Здесь действительно был подпольный цех. Продукцию они уже вывезли. Недавно совсем. Мы никого на дороге не встретили.

Тулкун раздумывал мгновение:

— Они другим путем поехали. Мы разминувшись с ними на развилке между Золотым мостом и Ак-Су. Вы их еще успеете догнать, они едут длинной дорогой. У них стекло — они могут только по хорошей шоссе.

— Мы еще сможем их перехватить?

— Надо самым коротким путем возвращаться к Золотому мосту — они вас миновать не могут. А я с несколькими людьми поеду из Урчашмы. Я у них на хвосте буду...

КАЗАЛОСЬ, Силач хотел заставить машину совершить самоубийство, а она, демонстрируя удивительную живучесть, как могла, сопротивлялась.

— Ты что-нибудь понимаешь? — в какой-то момент крикнул Силач.

— Думаю, да...

— Объясни, я боюсь уйти, так ничего и не узнав...

— Сувон и Зият Соатов, бывший инспектор, занимаются наркотиком. Опий перевозит сын Иноята-ходжа. Но об этом, кроме Сувона и Зията, мало кто знает. Адыл Зияев, Шамиль и Равшан, который от них кормится, и даже мафиози Хамидулла считают, что сын Иноята-ходжа возит только липовый коньяк, и этим кормятся, обеспечивая провоз спиртного. А за их спиной Сувон и Зият делали свою коммерцию. Знал об этом и убитый Сабирджон как человек, которого Сувон сделал своим телохранителем.

— Предположим, — крикнул Силач, бросая автотрифу в штопор.

— Я думаю, что восемь лет назад убил Садыка Закинова у Золотого моста именно Зият. Садык задержал какую-то машину, начал проверять груз. А тут Зият. Чужого Садык бы близко не подпустил. Он ведь не знал, что Зият сопровождает наркотики...

— Подожди! — Силач послал автотрифу вверх, на бугор — внизу разверзся крутой овраг, но Силач уже вывернул руль.

— Пистолет Садыка Зият оставил себе. Из него он стрелял в Пака и в Сабирджона в «Чиройли».

— Дальше.

— Думаю, было так. В тот день Сувон, Зият и Сабирджон встретились в Урчашме в чайхане. И Сабирджон впервые узнал, что эта продажная гадина — Зият, который привлек его к уголовной ответственности, — сам преступник, торговец наркотиками.

— Потом?

— Сабирджон позвонил мне, чтобы уловиться о встрече. Но у меня сидел Большой Кореец — у Сабирджона не было времени, уходил транспорт с наркотиками. Договорился с ним о встрече в кафе «Чиройли». После этого Пак поставил в известность начальника управления.

— А генерал?

— Предупредил Сувона. Он отдал им Пака.

Они въехали на Золотой мост. Силач выключил зажигание. В наступившей тишине оглушительно стрекотали цикады. Где-то далеко журчала тонкая струйка воды.

Они вылезли из машины и прислушались к этой мирной, ласковой тишине, объемлющей мир.

Тура достал из кармана пистолет, отнятый у Гапурова, и показал Силачу.

— Вот вся наша артиллерия. Боюсь, что у наших оппонентов будет лучшее огневое прикрытие.

— Да-тес, — усмехнулся Силач. — Да и стрелять-то мы имеем право только в том случае, если они первыми применят оружие. Боюсь только, стрелять никому будет.

Тура меланхолично заметил:

— Все зависит от того, успеет ли вовремя приехать Тулкун.

— Ну, не совсем так, — усмехнулся Силач. — Они выехать на трассу могут только через этот мост. А отсюда, даже убив нас, они со своим липовым коньяком никуда не денутся.

88

84

— Интересно знать, как это ты им мешаешь? — осведомился Тура.

— Очень просто. Грузовик с ящиками коньяка через сай никогда не проедет. Только по мосту они могут прорваться.

— А если они нас убьют? — рассудительно сказал Тура. — Им ничего не мешает сбросить нашу машину и выехать на дорогу.

— Но сначала надо переехать мост, — сказал Силач. — А этого я им сделать не дам.

Тура хотел о чем-то его спросить, но со стороны длинной дороги из Дарвазы послышался тонкий треск мотоцикла, на который напоздало тяжелое урчание большого грузовика.

— Ну вот, видишь, и пожаловали наши гости, — сказал Силач. — Значит, так. Ты идешь туда, а я остаюсь с машиной на мосту.

Он быстро скрутил из протирочной тряпки длинный фитиль, свинтил крышку бензобака и окунул тряпку в горячее. Вынул ее и положил на крышку машины.

— Не боишься испортить краску? — спросил Тура.

— Я думаю, что ей уже больше ничего не повредит, — пожал плечами Силач. — Иди и останови их на дальних подступах, через мост они не проедут, это я тебе говорю точно.

За дальними отрогами скал взметнулись всполохи света, и наконец на прямой участок перед мостом выехал мотоцикл с коляской. Мотоциклист далеким лучом фары ощупывал дорогу. Было слышно, как коляска подпрыгивала на досках, которыми был выложен подъезд к мосту.

— Пора, — Тура легонько похлопал Силача по плечу и с фонарем побежал навстречу мотоциклу.

— Проверка, — он показал рукой на обочину.

— Свой, — крикнул мотоциклист. — Не видишь?

Это был Алишер Гапуров.

— Проверка! — еще громче крикнул Халматов.

Алишер затормозил. Крытая машина остановилась метрах в ста от места. Фары в ней выключили, горели только подфарники.

— ОБХСС, не видишь? — крикнул в темноту Алишер.

— Попрошу документы.

Не выключая фары, плохо разбирая все, что находилось внизу, вне освещенной зоны, Гапуров подошел и увидел Туру.

— Устоз! — Алишер растерялся.

— Ну что, Алишер? Сопровождаешь караван?

— Понимаете, устоз, — он быстро забормотал, — понимаете, мне велел Равшан выехать. Я не знаю... Они говорили с Рахматулло-ака, тестем...

— Оружие с тобой?

— Что вы, устоз... — Алишер вдруг взмахнул рукой, но Тура успел выбить у него из руки пистолет.

В это время из кабины грохнула по-
верх голов автоматная очередь. На гру-
зовике взвыл стартер, и машина двину-
лась к мосту. Фары осветили стоящую
поперек деревянного моста автомотрису
и прикрывшегося за ней Силача. В ру-
ках он держал смоченную бензином
тряпку.

Грузовик на первой скорости ехал пря-
мо на них. Тогда Силач, выхватив из
кармана зажигалку, чиркнул кремнем,
поднес к тряпке, сразу же вспыхнувшей
голубым ярким пламенем. В тот же мо-
мент снова раздалось несколько выстре-
лов из машины. Силач схватился за пле-
чо — видно было, как мучительно смоу-
щилось его лицо. Он крутанул тряпку,
чтобы она разгорелась, и, стараясь ус-
петь мгновенно отпрянуть, размахнулся,
и с лета кинул пылающий факел в бен-
зобак.

Одно мгновение отделяло черноту но-
чи от ослепительной вспышки. Взорва-
лась автомотриса и разнесла сразу по-
ловину моста. Пропитанные креозотом
палки вспыхнули в один миг. И сразу
же с двух сторон донесся шум моторов.
Со стороны Мубека приближалась легко-
вая машина. А крытый грузовик потя-
нул малой скоростью задним ходом об-
ратно на берег из-под рушащихся перед
ним балок. Дорога на трассу была окон-
чательно и безвозвратно уничтожена.

Затем все стихло. Только огонь с трес-
ком пожирал сухое дерево. Искры под-
хватывал быстрый сай и нес прочь.

В грузовике, видимо, совещались. Ту-
ра под прикрытием деревьев приблизил-
ся почти вплотную к грузовику и двумя
выстрелами пробил один из баллонов.
Воздух с шипением рванул из разорван-
ной камеры. Грузовик наклонился.

Тура глянул назад, увидел затормозив-
шую на самом краю сая легковушку. Из
нее вышло несколько человек в темной
форме, в фуражках с кокардами, в пе-
лицах блестял металл. Кто-то из них о-
чем-то крикнул Туре, но он не расслы-
шал. Вновь прибывшие действовали су-
етливо. И вдруг в еще ярком свете горя-
щего моста Халматов узнал тощую спор-
тивную фигуру Нарижняка. Он с каким-
то еще человеком тащил из воды тело
Силача.

Из грузовика снова раздалась выстре-
лы. Халматов закричал в темноту:

— Нарижняк! Это я, Халматов! Что
там с Силовым?

Почти сразу же донесся тонкий напря-
женный голос:

— Ранен он! Дышит.

Через несколько минут десант проку-
ратуры был уже на другом берегу сая,
в темноте столкнулся с Турой. Нариж-
няк не сразу узнал его:

— Это вы?

— Как видите.

Тура увидел, что Нарижняк сжимает
в руке пистолет.

— Сейчас подойдет подмога из Урча-
шмы. Тулкун Азимов придет с людьми.
Кто здесь с вами?

Нарижняк сказал.

— Это следователь из моей бригады.
Я не очень доверяю вашей милиции и не
включил в группу ни одного оператив-
ника.

— Ладно, сейчас не до этого, — мах-
нул рукой Тура.

— Мы решили зажать их в кольцо.
Никто не должен уйти.

— Отвлеките стрельбой внимание на
минуту, я сейчас возьму шофера.

Нарижняк со своими подчиненными
открыли стрельбу поперек кузова маши-
ны, тем временем Тура перескочил через
дорогу и вынырнул около кабины. Раз-
гадав маневр, водитель несколькими се-
кундами раньше, как кабан, бросился в
заросли.

Тура выволок из кабины человека,
ехавшего вместе с водителем. Это был
Шамиль, протез помешал ему бежать.

— Я не сопротивляюсь, не сопротив-
ляюсь... Это все не мое. Они там, в ку-
зове.

На дороге из Урчашмы раздался шум
мотора. Подъехали два «Жигуля», из ко-
торых высыпали вооруженные ружьями
люди. Кто-то выстрелил в воздух. Это
оповещал о своем приближении Тулкун
Азимов.

Через дорогу метнулась тень. Тулкун
Азимов зажег фонарь, и в его луче Ту-
ра увидел плотного высокого мужчину с
пистолетом. Это был Зият Соатов. Хал-
матов бросился наперерез, а где-то сза-
ди, за спиной, из темноты раздался от-
чаянный дискант чайханщика:

— Я Сувон, чайханщик, я без оружия,
без оружия! — кричал Сувон. — Не
стреляйте, я сдаюсь. — Истошный голос
в кузове перекрыл грохот падающих
ящиков, звон стекла.

Тура чудом перелетел расстояние, от-
деляющее его от Соатова, оттолкнул ру-
ку с пистолетом. Он бил кулаками, но-
гами, головой, он бил Зията, как все
черное, что отравило его жизнь.

Нарижняк и другой следователь с тру-
дом оторвали его от убийцы.

— Силач... — шатаясь от усталости,
Тура подошел к легковушке, когда в нее
вносили Силова.

Кого-то переводили за руки через сай.
Операция закончилась.

— Тура! — крикнул Тулкун Азимов.
— Садись. Я позвоню, чтобы вам на-
встречу вышла «скорая»...

У ПОДЪЕЗДА областного управления,
в машине, Тура, прежде чем уйти,
достал из кармана и протянул Нарижня-
ку пистолет:

— Это оружие Равшана Гапурова. Ес-
ли сочтете нужным, можете ему возвра-
тить. Я, пожалуй, пойду.

Нарижняк молча смотрел перед собой,
потом тяжело вздохнул и сказал:

— Сегодня же отправлю в Москву
спецсообщение о всех ваших делах. И
если я сделаю хоть один неточный шаг,
мне самому оторвут голову.

Тура уже открыл дверь, когда Нариж-
няк положил ему руку на плечо.

— Спасибо вам и извините. Я сильно в
вас ошибался.

— Да ладно, — махнул рукой Тура и вошел в вестибюль управления. — Я должен еще сказать несколько слов одному человеку...

В вестибюле работал телевизор, повторяли хронику. Брежнев и Рашидов нежно целовали друг друга на экране.

Халяфа не было на его обычном месте. Воду из аквариума спустили. На полу стояли лужи. Никто ни о чем не спрашивал Туру, не проверял документов. Он шел по лестнице и коридорам управления, как будто побитого мором. Дошел до приемной Эргашева, распахнул дверь, навстречу встал секретарь, что-то хотел спросить или сказать, но Тура зыкнул на него и сказал сквозь зубы:

— Не вдумай мне чего-нибудь говорить сейчас.

И секретарь тихо сел на место.

Тура вошел в кабинет генерала. Эргашев сидел за своим огромным столом, маленький, ссохшийся, бесконечно одинокий. Вокруг царил непривычный беспорядок: валялись разорванные листы бумаги, ключья блокнотов, какие-то свертки. Это было похоже на эвакуацию.

Ватным лунатическим шагом Тура подошел к нему вплотную и посмотрел в глаза. Эргашев засмеялся, и смех его был страшен.

— Ну что, ты добился своего? — тихо спросил Эргашев.

— Да, я ведь вам сказал, что найду убийцу Пака, — так же тихо ответил Тура и удивился, что не испытывает к генералу ни ненависти, ни злости. У него было ощущение, что умерла душа. Эргашев покачал головой и сказал:

— Наши отцы повторяли, что главная надежда в жизни на хлебника — дожидаться дня, когда он плюнет в лицо своему благодетелю.

Тура, не присаживаясь, стоял над его столом, пытаясь в последний раз понять, что же творилось в душе этого странного, необычного человека, и ничего не понял.

Эргашев встал и сказал:

— Ты и себя погубил.

Повернулся и медленно вышел в дверь за своим столом, где у него находилась комната отдыха.

Тишина висела в кабинете, разминаемая затихающим стуком кавалерийских сапог Эргашева. Потом наступило безмолвие, взорванное коротким хлопком pistolетного выстрела. И через мгновение тяжелый металлический стук упавшего на паркет оружия. Тура обошел стол, подошел к раскрытым дверям комнаты отдыха и увидел, что Эргашев сидит в углу дивана, запрокинув голову, и рукой закрывает черно-красное пятно на груди.

Тура постоял несколько мгновений, повернулся, и путь через этот огромный кабинет был бесконечен. Он вышел в приемную и сказал белому от ужаса секретарю:

— Генерал Эргашев застрелился.

Тура медленно прошел по коридору, спустился по лестнице, миновал вестибюль и вошел в дежурную часть. Он никак не мог понять, почему все рассту-

паются перед ним. Энвер, сидевший за столом дежурного, беззвучно шевелил губами, и Тура никак не мог осмыслить слова, которые говорил ему товарищ. Слова бились в него и отлетали, будто он был покрыт стеклянными футляром. Пока стекло с хрустом не развалилось, и наконец до него дошло, что говорит, беспомощно повторяя раз за разом, Энвер:

— Устоз, сообщение из Ташкента. Ваша семья попала в автокатастрофу. Грузовик наехал. Ведутся розыски.

Тура присел за стол, удивляясь каменной неподвижности собственной души. Ни боли, ни ужаса, ни страха. Он не думал ни об уголовном деле, возбужденном против него, ни о приятном старичке Иноят-ходжа и его учениках, ни об адвокате Рахимове, знавшем адрес Нади и Улугбека. Он не думал об умершем генерале Эргашеве и о лежащем в урчашинской больнице Силаче, он не думал о себе. Одна бессмысленная и навязчивая мысль давила его. Он думал о том, что скорее всего это придумал Отец-Сын-Основатель: «Победитель платит за все».

ИЗ ГАЗЕТ:

«Долгую и трудную борьбу с организованной преступностью в Узбекистане ведет следственная группа Прокуратуры СССР... Никто тогда не предполагал, что все гораздо сложнее, чем нити... потянутся по всему Узбекистану, в его столицу...

За пять лет под стражу был взят ряд руководящих работников, включая бывших секретарей ЦК Компартии Узбекистана, первых секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии, Председателя Совмина республики, заместителя Председателя Верховного Совета Узбекистана, управляющего делами ЦК партии, первого заместителя министра МВД СССР, министра внутренних дел Узбекистана и трех его заместителей, начальников областных УВД, советских и хозяйственных работников...»

«Правда», 23 января 1988 года.

АНОНИМКА

РАССКАЗ

Прапорщик В. ЗУБАНЮК

За сержантом Безбородько закрылась дверь, и лейтенант Митрохин остался в канцелярии один. Он встал из-за стола, разминаясь, прошелся по комнате, остановился у окна. Из щелей свежеекрашенной оконной рамы тянуло сыростью. «Скоро заклеивать надо будет», — рассеянно подумал лейтенант. Он хмуро глядел на низкие, свинцового отлива тучи и вспоминал разговор с Безбородько.

Да, есть от чего опечалиться замполиту. И двух месяцев не прошло, как появился он в подразделении. Офицерский стаж — минимальный, опыта — кот наплакал. А тут такая ситуация: командира нет, взводные на сборах, у него на столе — анонимка. Что делать? По теории, сейчас на нее и внимания вроде обращать не стоит, а на практике... Ну в самом деле, не выбросишь же ее в мусор?!

Митрохин вытащил из кармана сложенный вчетверо листок бумаги, развернул, еще раз пробежал глазами неровные строки. «Сержант Безбородько унижает человеческое достоинство подчиненных. Он позволяет себе рукоприкладство, что недостойно советского военнослужащего и комсомольца...» И это о человеке, которого командир роты всего лишь два месяца назад рекомендовал ему как лучшего в подразделении сержанта!

Как же поступить? Дождаться приезда командира, а там отдать ему анонимку и — с плеч долой эту неприятность? Можно бы, но Митрохину стало как-то неловко даже от одной мысли об этом: самому, значит, в кусты прятаться? Нехватка опыта, конечно, оправдание, но не до беспределности же. Да и настораживает эта фраза в конце письма: «Если не будут приняты немедленные меры, о фактах грубости и рукоприкладства придется сообщить в вышестоящие инстанции». Вдруг действительно станет «сообщать»?

Вызвать на беседу и пострадавшего? А если в анонимке клевета? Не станет ли разговор поводом для разного рода пересудов, домыслов и кривотолков, не послужит ли созданию нездоровой обстановки в роте? «Стоп, — остановил себя лейтенант. — А сама анонимка, одно

лишь ее появление разве не свидетельствуют о том, что коллектив уже болен?»

Нет, надо что-то предпринимать. Посоветоваться с кем-нибудь не мешало бы, разузнать побольше о Безбородько. Вот только с кем?

«Лохов!» — подумал Митрохин и тут же представил себе лицо секретаря комсомольского бюро — веснушчатое, скуластое, с широко посаженными зеленовато-рыжими глазами. «Вот с кем надо побеседовать, — решил Митрохин. — Он людей в роте знает...»

* * *

Беседа с замполитом оставила неприятный осадок в душе у Безбородько. Что-то не договаривал лейтенант, сержант это отчетливо чувствовал и по тому, как осторожно подыскивал Митрохин слова в разговоре, и по тому, какие вопросы ставил: о его взаимоотношениях с подчиненными, о методах воспитания, об обстановке во взводе... Казалось бы, безобидный разговор, а странный получился, беспредметный какой-то. Это и настораживало.

И еще одно вызывало беспокойство. Что-то подобное у него уже было. Было... Но что? И когда?

Месяц уже, как стал он замкомвзвода. Месяц, как сменил ушедшего в запас старшину Мамедова. Дела во взводе идут нормально. Даже новички, которых недавно перевели из другого подразделения, и те без раскачки в коллектив влились, сразу свое место в общем деле нашли. «Да чего душой-то кривить, — словно исподтишка нашептывало честолюбие. — Не сами они нашли, ты их на это место поставил!»

— Ефрейтор Лохов, к замполиту!

Голос дневального отвлек его от размышлений. Оглянувшись, увидел Сергея Лохова, направлявшегося в канцелярию. На мгновение их взгляды встретились. Лохов подмигнул...

«Ах вот оно что!» — осенила Безбородько догадка. Он понял, понял, чем его беспокоил этот странный разговор в канцелярии. Вспомнился вдруг недавний спор с Лоховым.

В курилке они были вдвоем.

— Ну как ты не поймешь? Нельзя так с людьми! — Лохов энергично рубил воздух рукой и сыпал яростной скороговоркой. — Тебе человека обидеть — раз плюнуть! Если так дальше пойдет, от тебя ребята во взводе отвернутся. Какой же ты будешь командир без уважения?!

— Это кого же я обижаю? — не соглашался Безбородько. — Нарушителя дисциплины? Лентяя? Что заслужили, то и получаю! И вообще, что ты не в свои дела лезешь!

— С тех пор, как я секретарь бюро ВЛКСМ, это и мои дела, — сухо возразил Лохов. — Поверь, мне не все равно, как у тебя служба складывается.

— Очень тронут, — сказал, словно отрезал, Безбородько, кривя губы в иронической усмешке. — Благодарю за внимание, землячок, но в указчиках не нуждаюсь. Буду поступать, как знаю. Понятно? В конце концов, не ты, а я сержантские лычки на погонах ношу.

Лохов поднялся со скамейки, пошел к выходу. В дверном проеме оглянулся:

— Если не одумаешься, будем тебя на бюро вызывать. И к командиру пойду, понял? Потому что ничем хорошим это не кончится!..

«Так вот значит как! — подумал сержант Безбородько, жмуря черные брови. Его смуглое лицо, казалось, еще больше потемнело от неприятной догадки. — Серегина это работа! Не успокоился, выходит, землячок...»

* * *

Рядовому Валентину Нелюбовичу служба на новом месте пришлась по душе. Первое время был непривычен распорядок дня — в учебном подразделении, где он осваивал воинскую специальность, уклад был несколько иным. Но очень скоро все образовалось: в ритм вошел, с обязанностями освоился, с ребятами познакомился и даже подружиться кое с кем успел.

Взвод, куда они с Тищенко попали, считался лучшим в роте. Коллектив здесь сложился хороший, крепкий, во всем поддерживался четкий порядок. Это понравилось Нелюбовичу, ведь где порядок, там, как известно, и служитя легче.

Правда, у Сашки Тищенко было наоборот. В «учебке» ничему не научился — в санчасти, в нарядах на кухне, на хозяйственных работах чаще бывал, чем на полевых занятиях и в учебных классах, а здесь навестывать пришлось.

Если откровенно, жалел Нелюбович Тищенко. Хоть и хитер был Сашка не в меру и из всего норовил выловить, прощал ему Нелюбович лисьи повадки и помогал, как мог. Чувствовал в нем какую-то угнетенность, придавленность, что ли. Ходил Сашка, не размахивая руками, говорил, не глядя в лицо собеседнику, сквозь синюшную бледность его физиономии едва пробивались редкие, чуть

заметные веснушки, испуганные светлосерые глаза смотрели куда-то вбок, да и вся нескладная, долговязая фигура вызвала сочувствие.

— Гляди-ка, Валька, наш от замполита темнее тучи вышел! — вполголоса сообщил Нелюбовичу Тищенко, когда тот пристроился у окна почитать свежую газету.

— Кто «наш»? — не понял Нелюбович.

— Да кто ж, Безбородько! — объяснил Тищенко. — Видно, всыпал ему Митрохин.

— За что? — опять не понял Нелюбович.

— Мало ли! — неопределенно ответил Сашка и замолчал, продолжая наблюдать за сержантом.

Нелюбович знал, что Тищенко недолго любит замкомвзвода. Впрочем, не без взаимности. Безбородько строго спрашивает с подчиненных, а Тищенко, как только пришел в роту, сразу к нему в немильость попал. Оно и понятно: что бы ни делал, какое бы приказание замкомвзвода ни выполнял Сашка, всякий раз то неумелостью своею, то нерадивостью внимание на себя обратит и взыскание зарабатывает. Но если бы одно только это!

У Безбородько, как заметил Нелюбович, была одна нехорошая особенность: не умел сдерживать себя сержант в отношениях с подчиненными. Если кто провинится в чем-то или в каком-нибудь деле оплошает — держись! Слов обидных при людях наговорит, а то и кличку презрительную навесит.

Проводилось, к примеру, занятие по боевой готовности. Взвод в третий раз поднимался, экипировался, строился, а нужного результата все не было. Безбородько — в отсутствие командира взвода занятие проводил он — нервничал.

— Как мокрые курицы возитесь! Не солдаты, а черт знает что!

Доставалось и командирам отделений. Забегавшиеся, вспотевшие, они угрюмо слушали сержанта, не меньше его досаду на неудачу.

И вот снова звучит: «Сбор!»

Поднялись споры. Быстро оделись, вооружились. Самые сноровистые уже бросились к выходу из казармы. Метнулся за ними и Тищенко, схватив в охапку амуницию и оружие, — экипироваться он, как всегда, не успел. Сашка мчался по казарме с ошалелым, напряженным лицом, и лишь одна забота владела им в эти мгновения — добежать до места построения, ничего не потеряв.

Тут-то все и произошло. У самых дверей каска с Сашкиной головы вдруг съехала набок и полетела на пол. Тищенко присел было, чтобы подхватить ее, на него налетели задние, образовался затор. Под треск двери и стон лестничных пролетов взвод буквально вывалился из казармы, а Сашка ползал по полу, собирая рассыпавшиеся магазины, гранатную сумку, подсумок... Заметив, что друг в беде, Нелюбович вернулся помочь.

Взвод уже стоял на плацу, когда они выбегали из казармы. Тищенко неуклюже на ходу пытался вставить магазин в подсумок. В этот момент и наткнулись они на замкомвзвода. Вид у него был разъяренный.

— Да шевелись же ты, олух! — зло крикнул сержант Безбородько и с размаху подогнал Тищенко затрепичиной. Сашка, охнув от неожиданности, мгновенно сунул магазин в карман шинели и припустил со всех ног.

Нелобович же, бежавший за Тищенко, вдруг остановился как вкопанный, повернулся к Безбородько. И в этот миг какая-то неведомая сила вырвала из него и бросила замкомвзводу хлесткое:

— Товарищ сержант! Я прошу вас больше никогда не делать этого!

— Чего? — изумился Безбородько. —

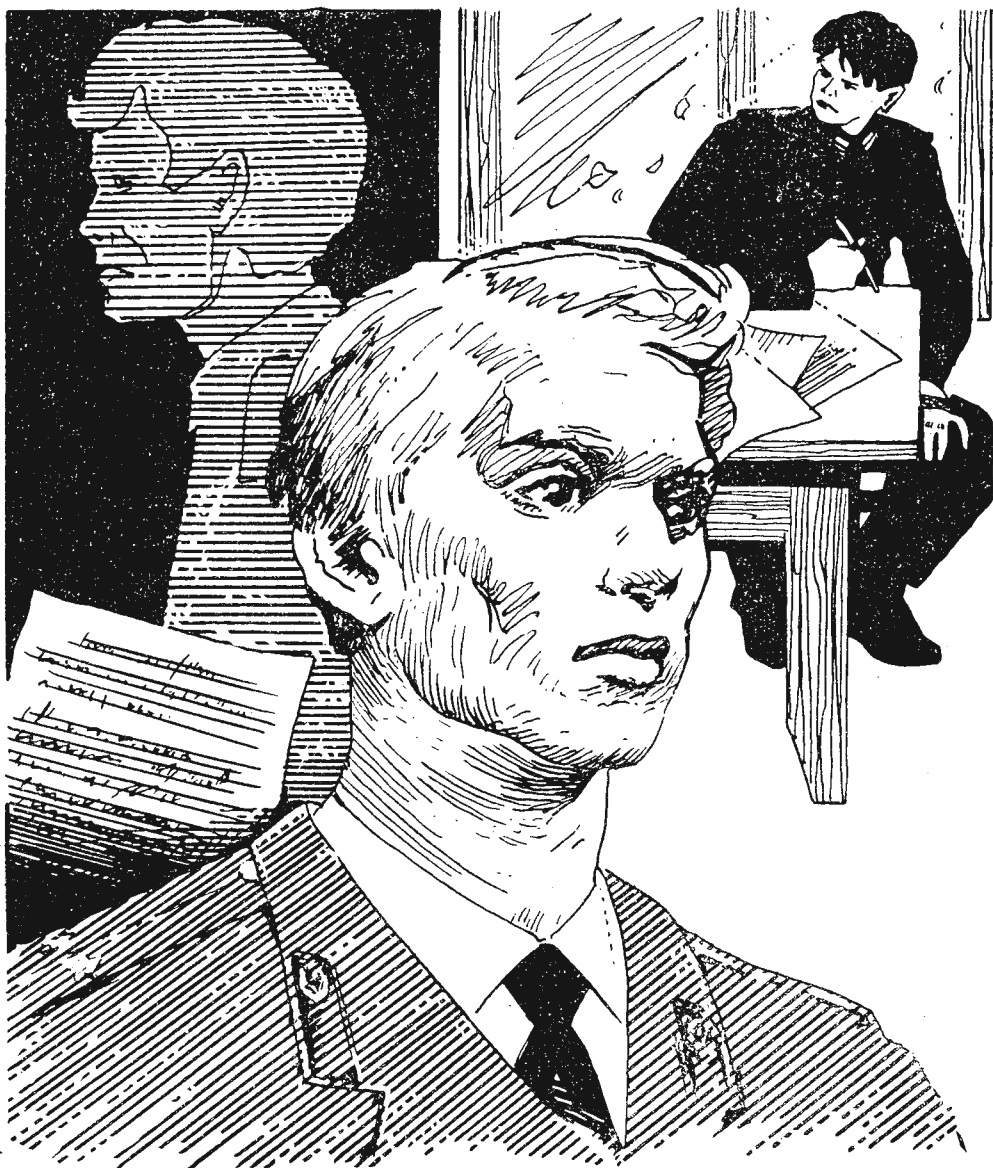
Чего?! — от столь неожиданного поворота событий он не мог прийти в себя. Наконец нашелся, выпалив первое пришедшее в горячке на язык: — А ну марш в строй!

— Видал? — морщась, прошептал Сашка, когда Валентин занимал свое место в строю. — Как он меня...

* * *

— Скажите, Лохов, какого вы мнения о сержанте Безбородько?

Такое начало разговора с замполитом удивило ефрейтора. Ждал, что речь пойдет о делах комсомольских, собрание ведь на носу, а повестка дня до сих пор не определена, но, выходит, Митрохина не это интересует.

— Безбородько?.. — тянул время Лохов, стараясь угадать, какова цель предстоящей беседы. — А что именно вы хотите узнать, товарищ лейтенант?

— Меня интересует все, что касается сержанта, — ответил уклончиво. — Вы ведь земляки, не так ли?

— Верно, из одного поселка.

— Вот видите! — обрадовавшись тому, что разговор удалось сдвинуть с места, проговорил Митрохин. — Кто Безбородько лучше вас в роте знает? Вот я и подумал — не охарактеризуете ли его? Как земляк и как комсомольский секретарь.

«К чему бы это?» — никак не мог понять Лохов, куда клонит замполит. Тем не менее начал:

— Ну, Юрка, то есть сержант Безбородько, в общем человек хороший...

Лейтенант Митрохин кивнул головой, поощряюще улыбнулся.

— Честный, прямой, — продолжал ефрейтор, следя за реакцией замполита и все еще не теряя надежды понять, зачем понадобилось лейтенанту его мнение о земляке. — В работе старательный. Его еще в колхозе за это в пример ставили...

— Хорошо, — перебил Митрохин, чтобы направить разговор в нужное русло. — А что он как командир из себя представляет? Как с людьми, например, обращается, тактичен ли, чуток?

На последних словах заметил, как нахмурился Лохов, прикусил губу. «Стоп, — одернул себя. — Не торопи события», — и тут же попытался как-то объяснить свой интерес:

— Поймите правильно, Сергей, человек я здесь сравнительно новый, не во все тонкости войти успел.

«Темнит замполит, — думал ефрейтор, ощущая, как нарастает в нем нехорошее предчувствие. — Ну, да чего уж там...»

— Я полагаю, что не мне о его командирских качествах судить, хотя службист он отличный. С подчиненными же, в общем, требовательный, строгий.

— Горячий? — нарочито безразличным тоном дополнил лейтенант Митрохин и, чтобы не выдать волнения, отвернулся к окну.

«Неспроста все это», — подумал Лохов и, пересилив себя, спросил напрямую:

— Товарищ лейтенант, я не понимаю, зачем этот разговор. Скажите, что-то случилось, да? И это связано с Безбородько?

Маневрировать далее не имело смысла. И замполит ответил вопросом на вопрос: — Сержант Безбородько способен ударить подчиненного?

Лохову сразу вспомнился разговор в курилке. Чертыхнулся про себя: что ж я раньше-то... Выболтался, да и отложил в долгий ящик. А ведь нельзя было успокаиваться, тогда же тревогу надо было забить!

— Что же вы молчите, Сергей?

Ефрейтор устремил взгляд в окно, за которым уже сгустились сумерки.

— Не знаю, — наконец начал он. — Но если это и произошло, тут и моя вина есть. Я ведь давно заметил, что чем дальше, тем жестче Безбородько с людьми. Раньше он таким не был. А как стал замкомзвода... — Лохов пригладил рыжеватый ежик волос. — Чуть что, сразу кричит, ругается почему зря. Я говорил ему об этом, да, видно, не те слова находил.

Умолк, огорченно покрутил головой. Митрохин, озабоченно хмурясь, прошелся по комнате. Затем, будто вспомнив о чем-то, резко остановился перед ефрейтором, спросил:

— Вы говорите, что уже замечали за сержантом... отклонения. Что ж вы не сообщили об этом ни командиру, ни мне?

— Не знаю, — тихо ответил Лохов. — Замотался как-то, упустил. И потом, думал, мне удалось его убедить...

— А не потому ли, что Безбородько земляк?

— Нет, что вы, товарищ лейтенант! — возразил ефрейтор, волнуясь. Краска густо залила его лицо, лоб покрылся испариной. — Что ж я, не понимаю, что дело тут серьезное?!

— Ну, хорошо, хорошо, извините. Я не хотел вас обидеть. Хотя как секретарь бюро ВЛКСМ вы проявили себя, мягко говоря, не лучшим образом.

— Направьте-ка ко мне сержанта Безбородько еще раз, — попросил он ефрейтора. — И сами тоже зайдите. Мы еще не обо всем переговорили.

* * *

Этот номер «Спортивки» показался Нелюбовичу неинтересным. Он внимательно прочел статью, в которой автор ругал киевское «Динамо», мельком просмотрел турнирные таблицы и отложил газету в сторону.

Тищенко, казалось, только этого и ждал. Он тут же появился рядом, заговорил вполголоса, клонясь к уху Валентина:

— Безбородько-то второй раз к замполиту вызвали. Видал? И Лохов там.

— Ну и что? — Нелюбович с интересом посмотрел на товарища. — Послушай, тебе-то какое до всего этого дело?

Тищенко криво усмехнулся:

— Может, самое прямое! — и он еще тише стал рассказывать... — Вот теперь пускай попляшет, — закончил Сашка. — Я надеюсь, в случае чего ты подтвердишь, что он меня действительно ударил тогда, а? А то скоро, может, и меня в канцелярию вызовут, спрашивать будут.

Новость поначалу огорошила Нелюбовича. Он с изумлением глядел на Тищенко. Знал, что Сашка, если что ему в голову взбредет, не особенно в средствах разбирается, но чтобы так... Спросил на всякий случай:

— Слушай, а ты не шутишь?

— Какие могут быть шутки! — даже обиделся Сашка. — Все как есть тебе рассказал!

— Ну, ты даешь! Зачем же анонимку-то писал? Неужели не мог по-человечески? Ты ведь ни разу ему и слова не сказал!

— А он со мной по-человечески поступил? А болваном и рохлей каждый раз перед строем обзывает тоже по-человечески? — зашипел Тищенко. — И почему это я должен с ним разговаривать? Что я — враг себе? С ним поговоришь!

— Так пошел бы открыто к замполиту или к командиру роты, сказал бы, что, мол, так и так, не желаю терпеть такого обращения.

— Ага, с моей репутацией пойдешь, — угрюмо ухмыльнулся Тищенко. — Сам же и виноват будешь. Да еще ярлык жалобщика приклеят. Да сделай я так, Безбородько, знаешь, как потом изводить меня будет? Нет уж, спасибо!

— Эх, Сашка, Сашка, — покачал головой Нелюбович, с сожалением глядя на товарища. — Как же ты не понимаешь, что нехорошо это, нечистоплотно, не по-мужски, в конце концов. Ты только вдумайся: ты — мужик и какая-то анонимка!

— А по мне, хоть шифровкой ее называй, хоть диссертацией, — невозмутимо возразил Тищенко. — Важен результат. Пусть отольются кошке мышьи слезки.

— Вот что, — вдруг решил Нелюбович. — Вставай, пошли!

— Куда? — Тищенко непонимающе уставился на Валентина.

— В канцелярию, к замполиту.

* * *

...В канцелярии установилась гнетущая тишина. Слышно было, как потрескивал карандаш в руках у замполита. Безбородько, сцепив пальцы в замок, угрюмо молчал, хмурия густые брови. Лохов пристально изучал пятнышко на рукаве кителя.

— Ну, так что будем делать? — первым нарушил молчание лейтенант Митрохин. В этот миг он почувствовал, что устал сегодня больше, чем когда бы то ни было за прошедшие два месяца в подразделении. Утешало одно — кажется, ему удалось-таки кое в чем переубедить упрямого Безбородько. Без окрика, без нравучений, в обыкновенной человеческой беседе. Где-то в глубине души теплилось горделивое ощущение удовлетворенности собой: есть все-таки политработник в нем, черт подери!

Конечно, он был далек от мысли, что после сегодняшнего разговора сержант Безбородько сразу станет другим человеком. Не так просто все. Однако... Москва ведь тоже не сразу строилась. Почему-то верилось, что день нынешний прошел не напрасно, что помог он сегодня — и себе, и командиру роты, и вот этим двум серьезно задумавшимся над чем-то парням, трудно ищущим сейчас какие-то важные для них решения.

Раздался стук в дверь. Она приоткрылась, и в проеме показалась голова рядового Нелюбовича.

— Товарищ лейтенант! — обратился к замполиту солдат. — Разрешите?

— Заходите, — не успев удивиться, позволил Митрохин.

Дверь почему-то закрылась, но тут же вновь распахнулась, как от порыва ветра, и в нее, будто тем же порывом, внесло другого солдата — рядового Тищенко, взъерошенного, раскрасневшегося, с перепуганным лицом.

За спиной Тищенко, словно отрезав Сашке путь к отступлению, встал Нелюбович.

— Что все это значит?

— Рядовой Тищенко вам сейчас все объяснит, товарищ лейтенант, — сказал солдат, переводя дыхание.

— Ну, в чем дело? — обратился Митрохин к Тищенко.

Краем глаза он подметил, как напрягся вдруг, потянувшись вперед, сержант Безбородько, как ефрейтор Лохов нервным движением стал поправлять прическу, увидел сосредоточенный взгляд Нелюбовича, которым тот, словно гипнозер, неотрывно смотрел в затылок переминающемуся с ноги на ногу Тищенко.

Тищенко долго собирался с духом.

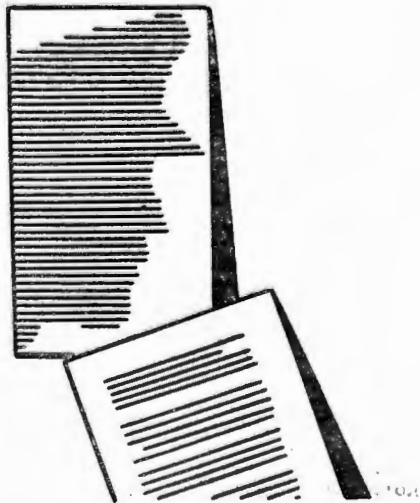
— Я это... — начал было он, но занулся. Оглянулся на Нелюбовича, как бы ища поддержки, и выпалил громкой скороговоркой: — Это я, я анонимку написал, вот! Дайте я порву ее.

* * *

Когда дневальный за дверью прокричал свое: «Рота, строиться на ужин!» и солдаты, получив разрешение замполита, покинули канцелярию, Митрохин сказал понурившемуся Безбородько:

— Серьезный урок они вам сегодня преподали, Юрий. Впрочем, — тут легкая усмешка тронула его губы, — впрочем, и мне тоже...

Рисунки Ю. Пахомова.

Прапорщик Евгения БУТОРИНА,
участница VI семинара литераторов внутренних войск

УЧЕНИЯ

Какая печаль —
Провожать уходящие роты,
Прощанье у плаца —
Сквозь строй проходящих бойцов.
И кажется:
Вновь проступают далекие доты
Из памяти дедов,
Из юности наших отцов.
Из прошлых веков
Поднимаются вдовьи печали,
И сердце сжимает
Горчайшая в мире тоска.
«Уходят бойцы», —
Так сквозь ветер деревья кричали,
А слышалось —
Будто звучат матерей голоса.
Какая тоска —
Провожать уходящие роты,
Но, стоя у кромки судьбы,
Ничего не решить.
В движеньи бойцы —
Словно в улье шевелятся соты...
Как будто еще предстоит
Сорок первый
Прожить.

ИКАР

Когда ты взлетишь —
И окажешься выше деревьев,
Когда ты взлетишь —
И окажешься выше домов,
Икар, береги же
Свои драгоценные перья —
Ты с солнцем сражаться
Сегодня еще не готов.
Когда ты взлетишь —
Мир покажется чуточку серым,
А люди —
Их даже не видно
С такой высоты,

И кажется глупостью
Их повседневное дело —
Уродовать землю,
Чтоб после лелеять цветы.
Когда ты взлетишь,
Я усталую землю умою,
Построю маяк —
Черный камень, готический стиль.
Камин разожгу
И старинную книгу раскрою
О том, как по свету
С улыбкой бродяжничал Тиль.
Когда ты взлетишь
И увидишь, что в небе нет бога
И не с кем сравниться,
И не с кем сродниться тебе,
Ты вспомни — я в черном
Все так же
Сижу у порога
На этой зеленой,
Такой одинокой земле.

НАЧАЛО

Еще не держали в руках автомата,
И уши торчат неуклюже из стрижки,
Но гордо себя называют солдатами
Впервые надевшие форму мальчишки.
Еще сапоги тяжелы, неудобны,
Неровно погоны на плечи ложатся,
И хочется маминых булочек сдобных,
И трудно с подъемом от сна оторваться.
Кровать заправляют не с первого раза
И строй рассыпают, не в ногу шагая,
Но жить начинают строкою приказа —
Известно: не боги горшки обжигают —
И пишут домой: «Я уже привыкаю...»

* * *

Стихи уходят,
Как уходит ночь.
Уже не вспомнишь,
Чудилось или было...
Я не сумела
Никому помочь,
А значит,
Ничего не совершила.

Что оставляешь людям

Кто-то из мудрых заметил, мол, неизвестный человек что нераскрытая книга. Это образное выражение вспомнилось мне, когда направлялась на встречу с женщиной, о которой толком ничего не знала. Известно о ней мне было лишь то, что она многие годы заведует библиотекой. Лучшей в соединении.

Заместитель командира части по политической части подполковник Г. Михайлов о Г. М. Щербань отозвался исключительно тепло. Подробно рассказал о том, какой Галина Михайловна замечательный, инициативный и мудрый помощник офицеров, как любят ее в воинских коллективах, как активно она участвует в воспитании личного состава.

— Побольше бы таких энтузиастов, — не удержался от похвалы присутствовавший при разговоре секретарь комитета комсомола старший лейтенант С. Тимофеев. — Поверьте, иногда завидую ей белой завистью, когда некоторые ребята идут за советом в первую очередь к ней, а не к комсомольским активистам...

— Ну, насчет зависти Сергей, допустим, преувеличивает, — с улыбкой отреагировал на реплику замполит, — у них с Галиной Михайловной полное взаимопонимание.

И вот я в библиотеке. Все здесь располагает к общению с книгой — уютный интерьер, многообразие литературы, тематические экспозиции. Прибавьте к этому приветливость хозяйки «царства книг», ее готовность и искреннюю заинтересованность помочь посетителям выбрать именно то, что нравится, что по душе, и станет ясно: оснований для лестных оценок у товарищей из партполитаппарата части было больше, чем достаточно.

Галина Михайловна не ограничивается лишь функциональными обязанностями, постоянно стремится разнообразить формы работы с читателями. Особое место отводит она пропаганде ленинского теоретического наследия. С большой любовью и знанием оформляет витрины с произведениями Ильича, томиками воспоминаний о вожде. Много делает для того, чтобы научить молодежь пользоваться этим бесценным идейным и духовным богатством.

Усилиями Щербань и ее добровольных помощников сформированы небольшие, но емкие по содержанию библиотеки-передвижки. Значение их в культурной жизни части трудно переоценить. Дело в том, что здесь немало подразделений, удаленных от штаба, военнослужащим бывает непросто выбраться за книгой. И тут-то помощь Галины Михайловны как нельзя кстати. Выезжая в «глубинку», Щербань

наряду с художественной литературой берет альбомы, плакаты, брошюры, другие наглядные пособия, позволяющие содержательнее проводить на местах партийно-политическую работу.

Галина Михайловна — страстный собиратель классики. Нет, не для себя, а для личного состава. Ныне библиотечному фонду части позавидует, пожалуй, не одна городская библиотека. И не удивительно, ведь формированию его отданы и щедрость души, и более четверти века добросовестнейшей работы.

— Когда пришла сюда, — вспоминает она, — было здесь нечто вроде избыточной читальни. Помещение — ветхое, маленькое. Книг — кот наплакал, да и те, что лежали на полках, особой ценности не представляли. Принялась за дело. Сначала привела помещение в приличное состояние. А книги? Их ведь в свое время купить проще было, чем сейчас. Правда, приходилось много по магазинам бегать. А как же? Узнавала, куда что должны завезти, и туда. Когда удавалось приобрести для библиотеки что-то хорошее, была счастлива.

Любит Галина Михайловна выявлять людей творческих, одаренных, с удовольствием работает с ними. Особенно с теми, кто пробует писать свои первые рассказы, стихи. С ее легкой подачи многие ребята впоследствии начали всерьез заниматься писательским трудом. Один из ее воспитанников — Сергей Фалеев учится в литературном институте. А другой — Николай Шапошников уже заканчивает его. Оба и поныне активные читатели библиотеки. Для них Щербань — первый критик, авторитетный, чуткий.

Помнит Галина Михайловна и многих других своих бывших читателей. Среди них есть и такие, чьи имена хорошо известны в стране. Например, А. Богданович, член Союза писателей СССР.

— Давно прошусь на отдых, но не отпускают, пока не подготовлю замену, — с грустью замечает под конец беседы Щербань. — Да и сама не представляю, как буду жить без всего этого...

Галина Михайловна окидывает взглядом читальный зал, стеллажи с литературой... Потом лицо ее светлеет, и сна заканчивает свою мысль на оптимистичной ноте:

— Я уйду, а здесь останутся книги.

Так и хочется догадаться, что оставит после себя Галина Михайловна не только книги, но и любовь к ним, которую сумела привить многим и многим воинам части. А это что-то да стоит.

Н. ЖОЛНИНСКАЯ.

ВЕСНА ПРИШЛА!

Наконец-то на смену сумеречному, вяжущему и холодному февралю и март подоспел. Улыбчивый, ласковый, с перестуком капель. У охотников появились новые заботы: можно собираться на тягу — на вальдшнепа, а также попытаться счастья с помощью подсадной добыть селезня. С приходом весны беспокойнее стало на душе у рыболовов: не за горами долгожданная пора открытой воды. Впрочем, и для любителей подледного лова вместе с началом массового таяния снега, стабильным потеплением наступил сезон наиболее увлекательных, удачливых вылазок на природу. Чувствуя приток свежей воды, насыщенной кислородом, чаще клюют лещ, плотва, густера, окунь. Начинается жор щуки, готовящейся к икромету. Активнее берет на живца судак. Короче, рыбалка по последнему льду гораздо веселее и активнее, чем в глухозимье. В это время даже новички не возвращаются домой с водоема без приличного улова.

А если ко всему этому прибавить свежий воздух, ослепительное солнце над головой, синее-синее, бездонное небо, голоса птиц, звуки просыпающейся после долгой спячки природы — и вовсе станет понятным, почему так тянет в начале весны многочисленное племя рыболовов и охотников на озеро, речку, в лес!

~~~~~ А ВОТ БЫЛ СЛУЧАЙ

СВАДЬБА

В один из последних дней сезона выехали мы на тягу в охотхозяйство под Москвой. Место мне указал егеря прекрасное. Елочки и кусты на вырубке хорошо укрывали с воздуха, не мешая круговому обзору. Вслушиваюсь, всматриваюсь, верчу головой. Не прошло и десяти минут, как заметил: впереди мелькнуло что-то. Ба, да это заяц! А это кто за ним поспешает? Второй! Шубки у обоих еще белые. Вот первый присел метра в десяти, присел рядом и другой. И тут — я уже стал протирать глаза — третий. Только наряд у него уже почти летний (серый с рыжиной).

Как только он приблизился к собратям, один из них коршуном кинулся на пришельца, отогнал и вернулся к продолжавшему сидеть зайцу, видимо, самочке. Она в выяснении отношений не участвовала, лишь наблюдала за развитием событий.

Женихи же разошлись всерьез. Серый заяц не пожелал уступить даму без боя. После нескольких бурных стычек опоздавший зверек почувствовал, что ему не одолеть соперника и что третий лишней — он. Пришлось уносить ноги. А самочка и счастливый кавалер затеяли веселую свадебную игру: прыгали, резвились почти рядом со мной.

Я стоял и едва дышал, боясь спугнуть зверьков. За более чем полувековую свою охоту видеть брачные игры зайцев, да так близко, пришлось впервые. Я и о вальдшнепах забыл. Лишь дуэт соседа вернул меня к действительности. Зайцев как ветром сдуло. А вскоре в стороне, вне выстрела, протянул вальдшнеп. И у птиц была пора любви.

Полковник в отставке В. ЖУКОВ.

~~~~~ О РЫБАХ НАШИХ ВОД

КОМЕНДАНТ ВОДОЕМА

Вряд ли какая другая рыба имеет столько иронических, порой неслетных эпитетов, как ерш! Он, дескать, и обжора, и пронира, и прочее в том же духе. А ведь если допустить, что этот колючий, обильно покрытый слизью житель сумеречных глубин вдруг исчезнет из водоемов, то многие удильщики вздрогнут, да еще как! Кто же своими поклевками будет скрашивать их пребывание на водоеме в дни бесклевья? Да без ершей и ухи настоящей не сварить!

Ерш держится ватагами, порой неисчислимыми, на дне ям, глубоких впадин, у береговых подмоин, камней, свай, под нависшими кустами, стоящими на приколе плотами. Предпочитает отнюдь не вегетарианскую пищу. И от удильщика принимает насадки только животного происхождения: червя, мотыля, окуневый глаз. Клевет жадно, заглатывает напропалую. Мормышка, как и на окуня,

может быть побольше. Если поклевки нерешительны, стоит подразнить приманкой. Клевет ерш со дна или в непосредственной близости от него.

Вытащенный из воды ерш расправляет плавники, оттопыривает жаберные крышки и даже изгибает тело: мол, остерегись! И тот, кто хоть раз наткнулся на острые, как иглы, костяные лучи, постарается в дальнейшем снимать ерша с крючка неспешно и аккуратно. Легче выловить крючок, если сначала сжать рыбе пальцами жаберные крышки. Ф. НИКОЛАЕВ.

И В ШУТКУ И В СЕРЬЕЗ

Заповедь рыболова

Пускай ругается жена,
Пускай зацепится блесна,
Пускай пугает гриппом врач,
А ты рыбаць!

Пускай пудовый сом клюет,
Пусть ерш покоя не дает,
Пусть вовсе не клюет, хоть плачь,
А ты рыбаць!

И если старость впереди
И слышен сердца скрип в груди —
От всех инфарктов к речке вскачь
Беги — рыбаць!

Услышишь, как растет трава,
О чем поет в тиши листва,
И как всю ночь кричит дергач,
Сиди — рыбаць!

И никаких тебе Цхалтуби!
Не нужен и зимой тулуп,
Не надо даже пышных дач.
Всю жизнь — рыбаць!

Записано из рыбацкого юмора
П. ЕПИХОВЫМ.

Юморинки

— Я заметил, что вы разным людям по-разному говорите о пойманной рыбе.
— Я никогда не говорю человеку больше, чем он может поверить.

* * *

— Ну как, дружище, вчерашняя рыбалка?

— Плохо. Всего по килограмму на брата.

— А что, клева не было?

— Нет, в магазине была огромная очередь, больше не отпускали.

* * *

— Как дела?

— Хорошо! Я провел на рыбалке четыре часа.

— И много поймал?

— Ничего не поймал.

— Так что же хорошего?

— Но ведь в прошлый раз я просидел восемь часов и с тем же результатом...

* * *

— У вас почему-то всегда рыба крупнее, чем у меня.

— У меня руки длиннее...

* * *

— Здорово, приятель! Рыбачить?

— Нет. Червей топить...

Н. ФЕТИНОВ.

Снимает наш нештатный фотокорреспондент Борис Попов.

1. Доверие.
2. Аленушка.
3. Запарился...

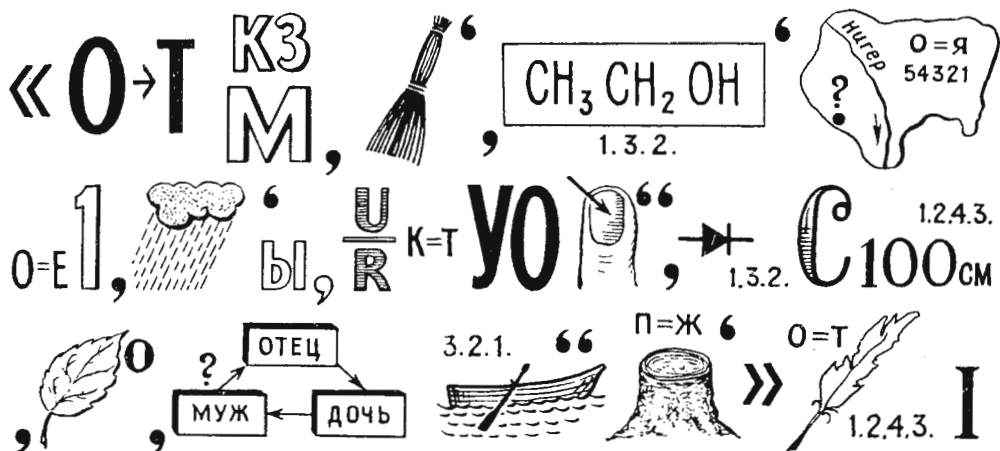
ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС ЭРУДИТОВ (УСЛОВИЯ ЕГО СМОТРИТЕ В № 11 ЗА 1988 Г.). ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ТРИ НОВЫХ ЗАДАНИЯ, ОДНО ИЗ КОТОРЫХ, РЕБУС, ПРИСЛАЛ ПРАПОРЩИК А. БЕСПАМЯТНЫХ. ЗА ЭТО ЕМУ, СОГЛАСНО УСЛОВИЯМ КОНКУРСА, НАЧИСЛЯЮТСЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ БАЛЛЫ.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ И НОВЫМИ ЗАДАНИЯМИ, ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

ЗАДАНИЕ № 9

РЕБУС

Составил прапорщик А. БЕСПАМЯТНЫХ

ЗАДАНИЕ № 10

Богато это подсобное хозяйство. Одних только кур да кроликов столько, что... Впрочем, сами посчитайте, кого сколько, если известно, что у них вместе 740 голов и 1980 ног.

ЗАДАНИЕ № 11

Когда четверо солдат, закончив заниматься перетягиванием каната на спортивной площадке, вошли в казарму, ефрейтор Ефремов сказал, обращаясь сразу ко всем:

— Тоже мне, нашли интеллектуальную игру! Лучше бы в шахматы поиграли, логику свою развивали.

— А вы ведь, Ефремов, наблюдали за товарищами из окна, видели, чем состязания их закончились, — подошел к ним командир взвода. — Вот, прибегнув к логике, и скажите, кто сильнее из этой четверки, кто слабее. А тем, кто не видел, что на спортплощадке происходило, но хочет ум потренировать, расскажу, как дело было.

А было так. Рядовой Борисов взялся за один конец каната, а рядовые Ананьев и Николаев — за другой. Перетянул Борисов. Когда с одной стороны встали Борисов и Ананьев, а с другой сержант Владимиров с Николаевым, то никто не смог перетянуть канат к себе. Но стоило только Николаеву и Ананьеву поменяться местами, как победу одержала пара Владимиров и Ананьев.

Кто же сильнее из этой четверки? Кто на втором, третьем и последнем местах?

Прапорщик А. Пономарев — человек энергичный, целеустремленный. Он кавалер нагрудного знака „За отличие в службе“ I и II степени. Достигнутые результаты в воинском труде его радуют, но, как он сам говорит, не совсем удовлетворяют. Что ж, с таким характером человек может добиться большего.

Многообразен мир увлечений Александра Васильевича. Любит он в свободное от службы время повозиться с техникой, на гитаре поиграть, послушать магнитофонные записи, порисовать, посидеть с интересной книгой... Ну, а постоянные слушатели, конечно же, дети — сыновья Роман, Олег и дочь Женя.

**ШАГИ
ФЕСТИВАЛЯ**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Армения, Азербайджан: место солдатского подвига.

Солдат четвертого года службы? Так не бывает! Курсанты военного училища говорят: „А вы посмотрите на нашу жизнь“. Читайте об этом в публицистических заметках из Пермского высшего командного.

Юлиан Семенов. Главы из „Ненаписанных романов“

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ

- познакомиться с опытом передовых частей и подразделений
- узнать о путях решения проблем, волнующих командиров и политработников
- встретиться с мастерами службы, лучшими специалистами
- прочитать главы новых произведений известных писателей, а также документальные материалы о „белых пятнах“ в истории войск

ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ

**НА БОЕВОМ
ПОСТУ**

**ЕСЛИ ВЫ ЗАБЫЛИ ПОДПИСАТЬСЯ НА НАШ ЖУРНАЛ, СДЕЛАЙТЕ ЭТО СЕГОДНЯ.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ПОЛУГОДИЕ – 2руб. 40 коп.**